

М. Н. Гергенов

**ШАМАНИЗМ
У БУРЯТ ПРЕДБАЙКАЛЬЯ
(XIX – XX вв.)**

Улан-Удэ
Издательство БГСХА им. В .Р. Филиппова
2011

УДК 299
Г 375

Рецензенты:

Е. Е. Тармаханов – доктор исторических наук,
профессор БГУ

З. А. Шагжина – кандидат исторических наук,
доцент ВСГАКИ

Гергенов М. Н.
Г 375 **Шаманизм у бурят Предбайкалья (XIX – XX вв.):**
монография / М. Н. Гергенов; ФГОУ ВПО «БГСХА им.
В. Р. Филиппова». – Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В. Р.
Филиппова, 2011. – 175 с.

Книга адресована широкому кругу читателей, интересую-
щихся шаманизмом.

УДК 299

© Гергенов М. Н., 2011
© ФГОУ ВПО «Бурятская государственная
сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова», 2011

От автора

Цель и задача этой монографии еще раз напомнить читателю, что ни боги и бурханы не улучшат жизнь простому человеку своими нравоучениями и обрядами так, как его собственный труд. Труд реальный, созидательный, направленный на видоизменение и использование того, что дает нам природа для удовлетворения наших потребностей. Труд, что сыграл решающую роль в формировании и развитии человека.

В данной книге подробно описана деятельность некоторых шаманов у бурят Усть-Ордынского бурятского национального округа Иркутской области во второй половине XIX - начале XX вв.

Шаманизм – сложное духовное явление, играющее немало важную роль в жизни людей, особенно верующих.

Шаман – посредник между миром людей и миром духов. Главное и характерное для этой веры – обожествление сил природы и умерших предков.

Шаманизм, как всякое другое верование, построен на воображении, фантазиях. Это суггестия – воздействие шаманов на психику человека. Вера в Бога – основа всякой религии, Бог в религиозных верованиях – сверхъестественное существо. Но никто и никогда не видел его. Я считаю, ничего не надо выдумывать, не надо себя сознательно обманывать, не даром люди говорят: «На бога надейся, а сам не плошай!».

Человек сам себе бог, царь, целитель и хозяин своей судьбы. Все зависит от человека – как ты себе жизнь устроил, насколько у тебя чиста совесть! Всегда надо стараться правильно жить, с людьми дружить и жить в полном согласии с живой природой.

Человек без цели, без плана на будущее и без веры в свои силы жить не может. И не должен забывать свой край, свои родные места, места, где жили его предки.

Данная книга – плод моей огромной работы и она адресована широкому кругу читателей.

ВВЕДЕНИЕ

Мы знаем, что первые люди появились на Земле в результате длительного процесса эволюции живых организмов. Долгие тысячелетия они жили среди дикой природы и постоянно подвергались опасности.

Древние люди считали, что каждый процесс, происходящий в природе, руководим чьим-то умом. Они предполагали, что за всем неживым стоит живое, что окружающий мир в каждой своей части населен либо живыми существами, либо бесплотными духами – добрыми и злыми.

Различные природные явления люди пытались объяснить деятельностью или присутствием таинственных существ, наделенных особыми свойствами. Поскольку перед лицом стихийных бедствий человек чувствовал себя маленьким, слабым и беззащитным, этим существам приписывались огромные размеры, невероятные сила и мощь. Чтобы представить их себе, а затем рассказать об этих существах другим, люди стремились облечь их в конкретную форму, находя прототип в окружающей действительности. Их наделяли чертами людей или животных. Часто рассказы превращались в сказки.

В сложном и противоречивом окружающем мире люди стали кивались со множеством необъяснимых или труднообъяснимых природных катаклизмов: почему происходят грозы, ураганы, наводнения и землетрясения? Что представляют собой Солнце, Луна, звезды и радуга? Это и занимало умы многих людей.

Религия – вера в существование сверхъестественных сил – бога или богов, духов, ангелов и т.д. Религиозная форма идеологии возникла в глубокой древности вследствие бессилия первобытного человека перед непонятными ему явлениями природы и изменялась в соответствии с общественно-экономической формацией. В первобытной общине господствующими формами религии были культ духов – анимизм, культ животных и растений – тотемизм, культ предметов – фетишизм. Позднее возник культ предков как фантастическое отражение господствующих родовых отношений. На последующей ступени общественного развития возникла вера в могущественных богов, якобы управляющих стихийными сила-

ми природы, – многобожье. С появлением власти царей возникает единобожье как отражение в религии монархического строя.

Религия противоположна и враждебна науке, стремится сохранить всевозможные суеверия и предрассудки и препятствует познанию научных законов развития природы и общества.

Современные религии мира, несмотря на резкие изменения в религиозных представлениях людей в XX веке и отход от церкви значительной части населения, прочно удерживают свои позиции. Они продолжают воздействовать на умы людей, их нравы, обычаи, взаимоотношения между людьми и даже на внешнюю политику некоторых государств.

Шаманство, или шаманизм. По мнению верующих бурят, все зло и добро на земле происходит от тэнгэринов и подчиненных им духов. Поэтому шаманы внушают, что тэнгэринов и духов надо всегда и вовремя умиловать разными жертвами через шаманов, по их совету и указанию как пользоваться дарами духов и с их помощью избежать разных бед и напастей.

В религии шаманистов немаловажную роль играет, возможно, даже основную, верховное божество шаманского пантеона Эсэгэ-Малан-тэнгэри со своими девятью сыновьями и девятью дочерьми. По поверью религии шаманизма, все дети Эсэгэ Малаан Тэнгэри, кроме самого старшего и самого младшего сыновей, по велению отца спустились с неба на землю, чтобы помочь земным жителям.

Сыновья небесные поселились на земле на Саянских гольцах – Мундургах и получили титулы – почетные звания Хады, т.е. стали Юго-Западными Хадами. И за ними закрепились имена: Буха Ноен, Далай лама, Богдо-Хан, Галмирза-Хан, Сахядай-Ноен, Уна Лобсон-Хан, Убгэн-Хан, Далдын-Хан и т.д. А девять его дочерей вошли в состав Ехэ-Онгона и составляют главное ядро Ехэ-Онгона. Из девяти дочерей три старшие сестры – Хан-Хатан, Хатхуур-Хатан и хута-Хатан ушли вверх и поселились на Обусинских трех горах. Три младшие сестры: Бэлэкшэ-Хатан, Хэлдэр-Хатан и Бэшэгшэ-Хатан поднялись по реке Белой и там поселились на гольцах. К ним небесные хозяева причисляют Солнце, Луну, девушку из кости Саган-баргат, похищенную Солнцем и проигранную Луне.

Содержательная сторона монографии состоит из четырех глав с двенадцатью параграфами.

Любой шаман, будь он белый или черный, обусинский (хордутский) или тарасинский (аханутский), в своем ритуале касается в основном этих двенадцати вопросов (элементов), конечно, с разной полнотой и содержательностью. Это зависит от могущества и знаний самого шамана.

В рукописях П.П.Баторова содержатся имена многих действовавших в прошлом улусных шаманов западных бурят (Усть-Ордынский национальный округ). Но в основном, фигурируют имена известных деятельных шаманов, таких как Махунай, Улалзар, Бугдан, Тангаран, Балехай, Сахядай, Идэрхэн, Бахан, Борхи, Анда-Бар, Федот, Морхоной, Косто-Лянга, Буин, сын его Буяшка, сын последнего Алешка и др. Безусловно, присутствовали среди названных шаманов вымогатели, т.е. стремящиеся к наживе и обману простых жителей улуса, аймака, и были шаманы добросовестные, честные, действительно желающие людям добра и здоровья.

Однако надо заметить, что в настоящее время все сказания о старине быстро исчезают из народного внимания и памяти. И думается, что недалеко от нас то время, когда неоткуда будет почерпнуть сведения о том, как жили и во что верили наши предки. Сбор такого материала крайне необходим, т.к. прошлое бурятского народа было тесно связано с шаманизмом.

Шаманизм, как всякая другая религия, построена на воображении, фантазиях (психическая деятельность, состоящая в создании представлений и мысленных ситуаций, никогда в целом не воспринимавшихся человеком в действительности). Это суггестия – воздействие шаманов на психику...

Воображение может иметь различную степень произвольности – от спонтанных детских фантазий до длительных целеустремленных поисков изобретателя.

Современные религии мира. Сегодня в мире существуют три религии, которые принято называть мировыми, т.к. их исповедуют многие народы. Наиболее распространенная из них – христианство, последователями которой являются более 1 млрд. человек. Наиболее сильное влияние христианство сохраняет в странах Европы, Америки и Австралии. Приверженцы христианства имеются также в Азии и в Африке, куда оно пришло благодаря миссионерской деятельности европейцев. Основные ветви христианства

– католицизм, православие и протестантство. В некоторых странах мира (в частности, в США) представлены все эти направления. В то же время в Латинской Америке господствующая религия – католицизм, в Греции – православие, в Австралии – протестантство и т.д. Распространение другой мировой религии – ислама (мусульманство) – имеет более компактный характер. Мусульмане проживают главным образом в Азии и в Африке (Саудовская Аравия, Турция, Иран, Ирак, Афганистан, Пакистан, Бангладеш, Алжир, Марокко, Египет и др.). Географически ограничен район распространения третьей мировой религии – буддизма, сторонниками которого являются непальцы, бирманцы, часть верующих жителей стран Индокитая, Индии, Шри-Ланки, Китая, Монголии, Бурятии, Калмыкии, Тувы. Кроме мировых религий, существуют национальные религии, исповедуемые каким-то одним народом. Так, в Индии известен индуизм, в Китае – конфуцианство, в Японии – синтоизм, в Израиле – иудаизм и т.п.

Немного о происхождении Бурятского народа (взгляды ученых)

В XVIII веке появилась миграционная теория, согласно которой буряты рассматривались как простое ответвление монголов, пришедших в Прибайкалье из Центральной Азии в XI-XIV веках. Эта концепция в различных формах сохранялась до 30-х годов XX века. В 1937 году против этой теории выступил известный советский археолог А.П.Окладников. По его мнению, формирование бурятского народа в целом можно представить как результат развития и объединения разнородных этнических групп, долгое время проживающих в Прибайкалье. Он утверждал, что первые группы монголоязычных племен в этом регионе появились в XI веке.

Историк и монголовед Г.Н.Румянцев писал, что переселение в этот край в XI веке монголоязычных племен не исключает того факта, что некоторые из них жили здесь еще в древности. Он выдвинул тезис о монгольском происхождении курыкан, предков бурят, также он допускал, что в их составе могли быть тюркские племена.

Антрополог И.М.Золотарева на основе научных исследований делает вывод о принадлежности бурят к одному из центральноазиатских антропологических типов, а именно – к монгольскому.

Отмечая, что предки нынешних бурят имели протомонгольс-

кое происхождение, Ц.Б.Цыдендамбаев и Н.К.Антонов утверждали, что в дальнейшем своем развитии буряты подвергались влиянию тюркских племен.

Весьма оригинального взгляда придерживался Н.П.Егунов, исследовавший палеолитическую культуру Мальты и Бурети, переселенцами которых были древние бурятские племена. У них, как отметил Егунов, вход в юрту был расположен, как у монголов, с южной стороны, и существовали такие способы охоты, как облава, западня. Существовала и общая языковая лексика. На основании этих данных Н.П.Егунов приходит к выводу, что буряты – древний народ монгольского происхождения.

Д.Д.Нимаев считает, что протобуряты, т.е. древние буряты, берут свое начало от лесных монголоязычных племен, появившихся на территории Прибайкалья примерно в первом тысячелетии нашей эры. Эти племена поддерживали постоянные связи с тунгусскими и тюркскими племенами.

По мнению Т.М.Михайлова, главными условиями для консолидации народности являются политическая и этническая стабильность и наличие государственности, чего не было в Прибайкалье до конца XVII века, когда началось формирование бурятской народности. Признаком завершающего этапа объединения бурятского народа явилось зарождение этнического (национального) самосознания, которое появилось у бурят уже во второй половине XVIII века.

Е.М.Залкинд, основываясь на таких критериях, как общность территории, языка, культурного склада, экономики, замечает, что формирование бурятской народности началось еще до прихода русских и завершилось после вхождения Бурятии в состав России.

Д.Д.Нимаев считает, что к началу XVII века эхириты, булагаты и часть хонгодоров в какой-то степени были объединены в этническую группу, а буряты Забайкалья, пребывавшие в сфере непосредственного влияния халха-монголов, переживали начальный этап консолидации. Он относит завершение процесса формирования бурятского народа к началу XIX века.

На наш взгляд, правы те исследователи, которые утверждают, что к началу XVII века, т.е. до прихода русских в Прибайкалье, буряты находились на начальной стадии консолидации, процесс

формирования бурятской народности только начинался. Видимо, этот процесс завершился, примерно, в первой половине XIX века.

1. Актуальность темы исследования. Одним из важнейших направлений этнографической науки являются религиоведческие исследования, в которых важное место занимает изучение ранних форм религий. Они дают возможность определить причины зарождения религиозных представлений в ранних обществах, выявить характерные признаки и отличительные (от других форм религий) черты.

Буряты – один из монголоязычных народов, происхождение, история бурят издревле были связаны с уникальным озером Байкал и привольными сибирскими степями. Занимались буряты в основном скотоводством, охотой и рыболовством. Вели кочевой образ жизни, по мере оскудения местных ресурсов (растительного покрова, зверей и рыб) они перекочевывали на другое место.

Буряты строго придерживались национальных обычаев, традиций и верований предков. Своими корнями буряты уходят вглубь культурного наследия древних народов, населявших в прошлом территорию современного Предбайкалья, Прибайкалья, Приангарья и богатой сибирской степи. В религиозном отношении буряты, особенно западные, были шаманистами. Шаманизм у бурят и монголов является древнейшей религией. Он существовал во времена матриархата. Наибольшего расцвета шаманизм достиг в период господства патриархально-родовых отношений.

Историко-культурные связи Бурятии со странами Центральной Азии в течение многих столетий развивались во взаимосвязи с историей и культурой монголов и других народов Центральной Азии. Поэтому невозможно изучать прошлое нашего народа в отрыве от истории и культуры народов этого региона, который включает не только Монголию, Тибет, Северный Китай, Северную Индию, Восточный Туркестан, но и значительную часть Средней Азии, Восточную и Южную Сибирь. Историко-культурные сокровища этих народов Азии являлись с далеких времен достоянием бурят-монголов и играли важную роль в формировании и развитии их культуры. Мы считаем, что круг стран и народов, относящихся к этому региону, не может ограничиваться рамками чисто географического понятия.

В последние годы (во время и после перестройки, начиная с 1991 года) шаманская религия у бурят стала заметно оживать. Шаманизм как традиционная религия у многих бурят составляет особую часть бурятской духовной культуры и подчеркивает их этническое своеобразие.

Отдельно взятая модель шаманизма западных бурят Усть-Ордынского национального округа представляет собой неотъемлемую часть общепурятского шаманизма, хотя до сих пор некоторые стороны деятельности шаманов у западных бурят (тарасинских, кудинских, аларских, обусинских и др.) недостаточно освещены в научной литературе, например, такие вопросы, как культура и поведение самих шаманов, особенно в период проведения культовых обрядов: хадов, онгонов, тэнгэринов и заянов, или духов, и также требуемые шаманами высокие мэнзэ (гонорар) за свой труд. Поэтому представляют большой интерес для дальнейшего исследования вышеназванные культовые обряды, обряды, проводимые шаманами разного достоинства.

В результате исследований на местах работ местных шаманов можно сделать выводы о развитии шаманской религии бурятского этноса, в них наиболее полно раскрываются характер и черты бурятского шаманизма западных бурят.

Вместе с тем результаты исследований могут дополнить и обогатить содержания общенаучной концепции бурятского шаманизма.

2. Степень изученности проблемы. Происхождение шаманов – жрецов шаманской веры, относится к глубокой древности. Первые достоверные известия о существовании их у среднеазиатских народов сообщают нам китайские летописи в начале VI века от Р.Х. в эпоху жужанского хана Чеуну. Но начало шаманства относится к гораздо более древней поре.

Первые сведения о бурятском шаманизме относятся к XVII-XVIII векам. Описания разных деталей шаманизма есть в записях членов Российского посольства в Китае XVII века И.Идеса, А.Бранда, в очерках шведского путешественника Л.Ланге, в заметках И.Г.Гмелина.

Особую группу работ, где приведены более детальные описания реалий бурятского шаманизма, составляют работы миссионе-

ров Иркутской духовной миссии. Сюда относятся работы И.Подгорбунского, К.Струкова, А.Попова, И.Косыгина, В.Капылова. В работах миссионеров содержатся сведения о шаманской атрибутике, культовых объектах, подробные описания обрядовой практики и мировоззрения бурят-шаманистов. Значительный вклад в изучение бурятского шаманизма внес Доржи Банзаров (1848) в научном труде «Черная вера, или шаманство у монголов». В XX веке исследованием шаманизма бурят и его локальных вариантов занимались видные бурятские ученые М.Н.Хангалов, Ц.Жамцарано, П.П.Баторов, Б.Барадин, В.А.Михайлов, С.П.Балдаев, Т.М.Михайлов и др.

Безусловно, капитальными трудами, посвященными исследованию бурятского шаманизма, являются монография Т.М.Михайлова (1980) и «Бурятский шаманизм: история, структура, социальные функции» (1987), подводящие итог его многолетним исследованиям в этой области.

Огромным вкладом в исследование бурятского шаманизма явились труды Петра Павловича Баторова. Он в течение 47 лет упорно, настойчиво, последовательно и терпеливо собирал сведения по улусам, деревням, аймакам у бурят Иркутской области и Республики Бурятия, у людей пожилого возраста, которые обладали хорошей памятью о старине, о былом. Эти рассказы собирал он терпеливо, по крупинкам, по зернышкам, наконец накопил интересный и богатый научный материал по нескольким темам, разного содержания, разного стиля и направления, который по своей тематике охватывал:

- а) этническую историю бурят;
- б) шаманские верования;
- в) народные знания;
- г) традиции, обычаи и обряды;
- д) устное народное творчество и т. д.

Научные материалы П.П.Баторова и других бурятских и российских ученых считаем весьма актуальными на все времена для науки и общества, ибо эти бесценные материалы действительно отражают в полной мере истинную картину старины, быта, культуры и роли шамана в жизни наших предков.

Шаманизм – традиционная религия бурят и эвенков, название

которой связано со словом «шаман» – посредник между миром людей и миром духов. Для этой религии характерно (по рассказам верующих людей) – *обожествление сил природы и умерших предков*. Верующие убеждены: в мире существует много богов и духов, и с помощью шаманов на них можно влиять для достижения счастья, благополучия, здоровья и отвращения беды. Забайкальские шаманисты и шаманы западных бурят по-разному обозначают бога и духа: бурхан, тэнгэри, хан (хад), ноен, эжин, заян, онгон. Высшим божеством у них считается «Вечное синее Небо – Х?хэ М?нхэ-Тэнгэри». Небо дает жизнь, все земные блага. Тэнгэри является не только творцом людей, но и отцом всего, в том числе небожителей – тэнгэринов.

По мнению верующих, западные тэнгэрины – добрые, а восточные – злые. Добрых больше.

Среди шаманистских обрядовых действий наиболее значимы массовые молебны – *тайлганы*. *Главное их назначение – ис-прошение у богов благополучного года, хорошего урожая и травостоя, умножения скота, счастья в семьях, удаления несчастий*. Бурятские и эвенкийские шаманы выполняют не только религиозные функции, но и занимаются врачеванием людей.

3.Источниковая база исследования. Источниками данной работы являются архивные материалы, труды ученых и рукописи, хранящиеся в библиотеках Бурятии и Иркутска, в которых собран обширный материал по шаманству бурят. Этнографические работы ученых М.Н. Хангалова, С.П. Балдаева, Б.Э. Петри, Д. Банзарова, Ж.А. Зимина, история Аларского района, рукописи ученого этнографа П.П.Баторова. Также основными источниками информации по шаманизму западных бурят (тарасинских, кудинских, аларских, обусинских) послужили результаты собственных экспедиционных исследований автора.

Большим подспорьем в изучении шаманизма является научный труд Доржи Банзарова «Черная вера, или шаманство у монголов» (1848 г.).

4.Объект исследования. Объектом исследования является шаманизм западных бурят (тарасинских, аларских, кудинских, обусинских и др.) как составной части общечурятского шаманизма.

5.Территориальные и хронологические рамки исследования.

Территориальные рамки исследования охватывают районы расселения западных бурят Иркутской области: тарасинских – Боханского района, кудинских – Аларского района, обусинских – Осинского района и т.д., аларских шаманов, хадов, онгонов, заянов или духов и др. Также охвачены некоторые районы Бурятии (Прибайкалье).

Хронологические рамки исследования ограничены периодом 1880–2009 гг. в районах: Аларском, Боханском, Кудинском, Осинском и др. В Бурятии – Хоринском, Баргузинском, Тункинском, Закаменском и др.

6. Цель и задачи исследования. Выявление особенностей структуры шаманизма западных бурят, факторов его трансформации, а также определение его социальной роли в данной этнолокальной общности. Исходя из поставленной цели, определены следующие задачи:

1. Выявить культовые объекты, построить их классификацию (типологию) на основании сопоставления социальных функций. Составить карту-схему этих объектов, описать работу и поведение отдельных шаманов у западных бурят.

2. Описать культово-обрядовую практику, исследовав ее типы и функциональное назначение.

3. Исследовать сущность сакральной деятельности шамана на основе полевых материалов в рассматриваемом этнолокальном обществе.

4. Рассмотреть шаманизм через призму таких исторических процессов, как распространение и влияние мировых религий, попытка отрицания религий и утверждение атеистической идеологии в советское время, возрождение религий (конец XX - начало XXI вв.) как основных факторов его исторической трансформации.

7. Методология исследования. Методологической основой нашего исследования являются принципы, применяемые в исторической науке:

- принцип историзма, который не допускает модернизации исторических процессов и событий, рассматривает их во взаимосвязи;

- принцип объективности, который ориентирует наше исследование на всесторонний анализ и оценку фактов, относящихся к настоящей теме, в их совокупности и целостности.

Одно из замечательнейших свойств шаманской практики – их

сходство во всех концах планеты, будь то в Азии, Австралии, Африке или Америке, – шаман действует одним и тем же способом и со сходной техникой как хранитель психического и экологического равновесия своего племени и его членов, как посредник между видимым и невидимым мирами, как хозяин духов, как сверхъестественный врачеватель и т.д.

8. Научная новизна исследования. Новизна заключается в том, что в работе выдвигается тезис об исконно бурятском происхождении культа шаманской наследственности. Как проверить и оценить работу шамана, какими приборами измерить его правдивость и достоинства? Наверное, после выздоровления больного или улучшения жизни народа, но этого почти не наблюдается. Говорят, что шаманы во время молебна разговаривают с духами, а где эти духи, кто их видел? Так что ученым людям есть над чем работать. Будет крупным открытием, если кто-нибудь раскроет тайну шаманских деяний, расскажет истинную правду о шаманизме. Может быть, люди по незнанию недостаточно уделяют внимания этой очень нужной для людей религий? А может быть, это шарлатанство, т.е. полный обман доверчивого народа? Ибо невидимые и неосязаемые явления в природе и в обществе трудно воспринимаются человеческим сознанием, а в науке требуется точный вывод, а не предположение.

Когда слушаешь выступление уважаемого шамана на обряде (молебне), многие слова, сказанные богу шаманом, непонятны. Может, простые люди еще не созрели для этой науки, до их божественного языка? И часто одни и те же слова повторяются шаманом много раз.

9. Теоретическая и практическая значимость. Выводы и предположения, содержащиеся в данной работе, открывают пути для дальнейших научных изысканий в области духовного наследия бурят, живущих в Иркутской области и Бурятии.

10. Апробация исследования. Теоретической базой данного исследования послужили труды М.Н. Хангалова, Г.Р. Галдановой, Д.К. Чимитовой, П.П. Баторова, Т.М. Михайлова, Ж.А. Зимина, Н.В. Белова, О.В. Гаршунова и др.

11. Структура исследования. Книга состоит из введения, четырех глав и двенадцати параграфов, списка использованных источников литературы, заключения.

ГЛАВА 1. Шаманизм у бурят Предбайкалья (XIX – XX вв.)

1.1. Шаманизм у бурят Усть-Ордынского национального округа Иркутской области

У бурят Усть-Ордынского национального округа Иркутской области шаманизм – особая форма религии, зародившаяся и широко распространенная среди народов доклассового общества. Исторической основой для возникновения шаманизма был процесс начавшегося расслоения внутри первобытной общины, выделения в ней лиц, захватывающих в свои руки различные общественные функции, в том числе культовые. В более узком смысле шаманство называют религией народов Азии, само слово «шаман» заимствовано из эвенкийского языка («саман»).

Оно не что иное, как маньчжурское «саман», которое у некоторых тунгусских племен в Сибири произносится, вероятно, «шаман». В словарях везде переводят его с монгольского, т.е. шаман. Отец Иакинф говорит, что слово «шаман» есть маньчжурское «самань», но не объясняет его этимологически. Самань происходит от корня «сам», к которому относятся несколько слов маньчжурских и монгольских, таковы: маньчжурское «сам-арамби» – «мешать жидкость», монгольское «сам-оромой» – «мешать жидкость», «возмутить», отсюда «бултыхаться», «плавать», «биться»; «сам-агу» – беспорядочный, распутный, бунтовщик. Значение этих слов вообще выражает беспокойное, возмущенное состояние, следовательно, «саман» означает человека взволнованного, иступленного, восторженного, какими действительно являются шаманы. Русские, вероятно, взяли это слово у тунгусов, живущих в Енисейской и Иркутской губерниях, ибо у других сибирских народов это слово не известно, каждый из них имеет свои слова для обозначения шаманов: тарыб (у самоедов), тадыб (у остяков), кам (у татар), бөө (у бурят-монголов) и т.д.

Для шаманства как религии характерно следующее: а) особые лица – шаманы, обычно профессионалы, обладающие способностью или умением приводить себя в состояние особого экстаза: б) особый ритуал действий – «камлание», которое фактически сводится к искусственно вызываемому нервно-истерическому припадку и является способом «общения» шамана с «духами». При

этом предполагается, что духи входят в тело шамана или же душа его отправляется в мир духов. Характерной чертой камлания являются приемы, доводящие самого шамана до экстаза и одновременно гипнотизирующие зрителей: пляска, пение, удары в бубен и прочее; к камланиям шаманы прибегают для лечения болезней, обеспечения успеха промысла и совершают их обычно за плату; в) материальные принадлежности шаманского ритуала – обычно бубен с колотушкой, посохи, особый плащ или халат, шапка, пояс, которые в глазах шаманистов являются священными, они служат орудием психологического воздействия на окружающих; г) шаман олицетворяет собой веру в духов, добрых, но чаще злых, в общении с которыми якобы и состоит деятельность шамана. Среди этих духов есть обычно главный дух – покровитель шамана, на служение которому он обрекает себя; есть духи-помощники, которые служат шаману, и злые духи, с которыми шаман борется.

В своем научном труде «Черная вера, или шаманство у монголов» Д.Банзаров отмечает: «У всех народов являлись люди, отличные от прочих мечтательностью, особенно наклонностью к мистическому и чудесному, пламенным воображением, некоторым знанием природы...». Они делаются мудрецами, волхвами, знахарями, смотря по тому, чем удобнее действовать на умы народа. В этом плане получили свое начало шаманы, которые, как выражается отец Иакинф, соединяют в себе качества жреца, врача и волхва. Никита Яковлевич Бичурин, в монашестве Иакинф (1777-1853 гг., русский китаевед, член корр. Петербургской АН (1828), 14 лет возглавлял духовную миссию в Пекине. Переводчик в Министерстве иностранных дел России.

И.О.Белявский, который хорошо описал шаманство остяков, так думает о происхождении шаманов: «Волхвы, жрецы и им подобные люди у образованных народов пользуются положительными знаниями в науках для поддержания своего влияния на народ, но шаман, хотя он и чувствовал призвание к чему-то, но не имел средств, которыми бы мог воздействовать на своих диких и кочевых единоплеменников, увлекаемый беспокойным нравом, он прибегал к обману, который легко ему удавался при легковерии и невежестве народа». Стараясь привлечь к себе внимание его, эти «выродки», как их называет Белявский, должны были приписывать себе каче-

ства, пред которыми чернь более всего благоговееет, - власть над духами, способность общаться с богами, потому что положительных средств действовать на нее они не знали. Таким образом, приобретя уважение и доверие народа, они уже смелее стали действовать, переходя от одного обмана к другому. Некоторые из шаманов дошли до того, что сами начали верить тому, чем хотели сначала обманывать других, как случается со многими мечтателями и обманщиками.

Выдумка или мечта одного шамана делалась истиною для того, который следовал за ними, и т.д. То, что некогда шаманами были люди особенного настроения духа, как бы вдохновенные, а не простые обманщики – это доказывается тем, что и ныне шаманы бывают истинные и ложные. Последние суть те из них, которые принимают на себя звание шамана для выгод своих без особенных качеств к тому.

Между бурятами случалось, что некоторые после тщетных попыток сделаться шаманом должны были отказаться от своего намерения, ибо они не могли приводить себя в шаманское вдохновение. Напротив, истинный шаман не сам выбирает себе звание, а его принуждают к тому природное влечение, призвание; в таком человеке с малых лет замечается какое-то тревожное, раздражительное расположение духа. Он чувствует грусть, отчуждение от родства, наполняет родительский дом стенаниями и воплями.

Сибирский шаманизм уходит своими корнями в незапамятные времена. Именно в этом регионе появилось слово «шаман», которое в наше время является интернациональным. «Классический» образ сибирского шамана, каким его себе представляет большинство людей, сформировался после исследований культуры народностей алтайского региона: бурят, монголов, тунгусов (эвенков) и др.

Отдельно взятая модель шаманизма западных бурят Иркутской области представляет собой неотъемлемую часть общепермского шаманизма. Молебны и ритуалы шаманы проводят, придерживаясь общего сценария ритуальных обрядов бурятских шаманов. Но в шаманстве бурят огромное значение имеет культ предков, божеств (тэнгэри) и различных духов. Одним из значимых культов в традиционных верованиях западных бурят является шаманское происхождение (дар, корень или наследственность) – удха –

удха узуур.

Однако несмотря на то, что общие признаки шаманских традиций этих народностей Сибири совпадают, в деталях между ними имеются довольно существенные различия. Причина этого заключается в огромной площади региона, в котором они проживают, и в историческом соседстве с различными племенами, которые оказывали и оказывают свое влияние на культуру монголов, бурят и других народов, населяющих сибирский край.

Организмы обладают способностью передавать следующим поколениям свои признаки и особенности, т.е. воспроизводить себе подобных. Это явление наследования признаков основано на передаче из поколения в поколение наследственной информации. Материальным носителем этой информации являются молекулы ДНК.

Передача наследственной информации от одного поколения клеток к другому, от одного поколения организмов к последующему обеспечивается некоторыми фундаментальными свойствами ДНК. Она удваивается в каждом поколении клеток и может неопределенно долго воспроизводиться без каких-либо изменений.

Относительно редкие изменения наследственной информации также могут воспроизводиться и передаваться от поколения к поколению.

Проблемы генетической наследственности, вопросы нравственной чистоплотности в области создания семьи и заключения брака и в наше время остаются актуальными.

Родословная в свое время представляла как бы источник формирования норм обычного права, особенно в семейно-брачных отношениях. Перед вступлением в брак и поныне учитывается степень родственной отдаленности между женихом и невестой. Из-за ослабления традиции знания генеалогии среди молодых людей стало обычным бракосочетание внутри одного рода, даже однофамильного клана. До недавнего времени хорошей традицией была женьитьба на девушках из другого улуса.

Родословное древо помогает знать своих предков, их заслуги (трудовые, военные, научные), достоинства, поступки, привычки. Знание родословной воспитывает чувство гордости за своих родственников, близких и дальних предков.

1.2. Уг, узуур и удха – наследственность (корень, начало, основа, родословная, предки)

Култ шаманского происхождения – «удха» – тесно связан со многими социальными институтами и представлениями, в частности, с институтом наследования шаманского дара, традиция которого была распространена повсеместно у народов Сибири и Центральной Азии. Изучение этой проблемы необходимо для решения вопросов, касающихся сущности ранних этнических объединений на этой территории.

Важным в исследовании характера традиционных верований является этногенез монголоязычных народов, так же, как и народов урало-алтайской языковой семьи, в которую они входят, ареальные особенности персонального и агентивного кодов, иногда и различия внутри одной группы западных бурят.

Каждый человек носит в себе как духовную, так и телесную жизненную силу, которыми наделен от природы, еще с рождения. Будущий человек снабжается еще в стадии эмбриона всеми теми задатками, какие он будет проявлять, когда сделается взрослым человеком, в своей деятельности в хорошую или в дурную сторону. Это он будет делать не по собственному желанию или произволу, а вследствие природного влечения, унаследованного от предков, т.е. удха. Об этом у бурят сложена старинная поговорка: «Удха ударха үгы, түүхэ төөрихэ үгы» – «Порода не испортится, а история не заблудится и не потеряется». А однажды мудро и метко сказанное изречение не заблудится, т.е. мимо цели не пройдет, его часто повторяют и вполне верят в справедливость этих слов. Считается, что шаманское «удха» должно происходить от какого-нибудь тэнгэри, т.е. небесного, а не земного существа. Так, хорогутский шаманский род происходит от Тэгшэ-Мэргэна, спустившегося с неба на землю для поиска Буха-Ноена. Шаманский предок спустился от Санхир Сагаан Тэнгэри в Санаге за Байкалом. Во всяком случае, каждый шаманский род имеет связь с тэнгэринами, иначе шаман не будет признан за настоящего, не будет пользоваться доверием и уважением населения. Все шаманы всячески стараются доказать свое «удха» прямою или косвенною связью с каким-нибудь тэнгэри. Шаманское «удха» идет прямо по отцовской линии и косвенно по материнской. Причем, «уг, узуур и удха» не равномер-

но наделяют свое потомство шаманским призванием и духовной силою, иногда, минуя сына и внука, передается «удха» правнуку и не всегда в равной мере – одному больше, другому – меньше, и потому-то шаманы бывают разного достоинства и могущества в своих действиях на шаманском поприще, все зависит от щедрости предков. Но шаманское «удха» никогда не прекращается. Если случается окончательное исчезновение такого природного «удха», то причиною тому бывает примесь крови незаконным путем прижитого матерью плода, зачатого от мужчины, не имеющего шаманское «удха». Такой потомок не будет шаманом никогда. И таким образом прекращается род шаманский, т.к. обмануть природу – человеческую тайну нельзя.

Как исключение из общего правила один шаманский род возник в Кудинске. Эти шаманы именуются «Арадай үбгэд», аларцы называют их «Арадай аханууд», или же «Хүхэ моритон», т.е. владельцы голубых коней.

Самым первым шаманом названного рода был Бужуухан, он не имел шаманского «удха» от какого-нибудь тэнгэри, но однажды, едучи с шаманом Бааһаном, были в дороге настигнуты грозовой тучей и попали под удар молнии. Шаман Бааһан был убит молнией наповал, а Бужуухан только оглушен до потери сознания. Когда он очнулся от обморочного состояния, то стал способным быть шаманом, т.к. от удара молнии Кукода Моргон Тэнгэри он был наделен шаманским даром и, взяв шаманские свойства от Сар Сагаан тэнгэри, основал и передал шаманское «удха» потомству своему, и род этот у иркутских бурят до сей поры считается великим шаманским.

Кроме шаманского «удха», буряты признают кузнечный «удха», имеющий связь с небесными кузнецами – черными и белыми тэнгэринами. Кузнецы железных изделий признают «удха» белых тэнгеринов, а серебряные – черных тэнгеринов, и каждый молится своему «удха» – тэнгэри. Западные буряты признают кузнечное «удха» выше шаманского на основании поверья о том, что кузнец может сделаться настоящим кузнецом без помощи шамана, а этот последний без помощи кузнеца никоим образом не сможет быть посвящен в шаманы. Ибо перед посвящением шамана кузнец изготавливает необходимые железные атрибуты будущему шаману,

который перед посвящением в сопровождении названного отца-шамана, наставника и руководителя своего и нескольких почетных одноулусников едет к кузнецу, который согласился сделать необходимые шаманские доспехи. Везут с собой барана, тарасун, сало, молоко и «залаа» (кисточку) голубого и белого цветов, будущий шаман с поклоном привязывает «залаа» к пуговке шубы или халата кузнеца, также к онгону кузнечному, висящему в кузнице, и в «удха» кузнеца, ко всем инструментам кузнечным, включая мехи кузнечные. Затем брызгают тарасуном и молоком в кузнице онгону и «удха» кузнеца. Барана приносят в жертву тем же духам. По окончании обряда жертвоприношения и молебствия кузнец сразу торжественно приступает ковать шаману железные атрибуты, причем, все время поет что-то, похожее на молебен, иногда, придя в экстаз, облизывает раскаленное железо и, хватая голой рукой доведенное до белого каления железо, разбрасывает искры вокруг себя по всей кузнице, а присутствующие при этом молча молятся одной правой рукой по-шамански. Если чья-нибудь одежда загорится от искры, разбрасываемой кузнецом, то это считается неблагоприятным признаком для хозяина той одежды.

Как сами шаманы, так и простолюдины говорят, что шаман может по своему желанию насладиться своих послушных духов-боохолдоев на кого угодно. Эти «боохолдои» по внушению пославшего мучают намеченную жертву разными болезнями, даже доводят до смерти. Иногда, покончив с первой жертвой, зло переносят на семью его и, таким образом, могут погубить весь род несчастного.

Верующие в шаманство буряты по возможности избегают гневать шаманов и потому угождают им, уступая во многом, а шаманы умеют пользоваться своим исключительным и выгодным положением.

Шаманов не боятся одни кузнецы, имеющие свою кузницу. По убеждению шаманов, как бы он ни был могущественен духовной силой, он не может навредить кузнецу, т.к. душа кузнеца от преследований шаманских духов-боохолдоев уходит в горн и там лежит, насмехаясь над бессильем «боохолдоев», ибо эти злые духи боятся близко подходить к горну из опасения спалиться там. По мнению бурят, «удха» дает всему основу и продолжается в жизни целого ряда поколений: потомок шамана склонен быть шаманом,

потомок кузнеца – кузнецом, плотника – плотником, вора – вором и т.д. Одним словом, все зависит от худого или доброго «удха». И так будет продолжаться до скончания века «галаб дүүрэтэр» (конец света).

Бывает еще соединенное «удха» – кузнечно-шаманское, представителем такого двойного «удха» был один великий шаман в Кудинске по имени Маланак һабалзаев, специальность его была ловить и уничтожать злых духов, так называемых «Ада и Анахай», которые губят маленьких детей обоего пола. По сказанию кудинских бурят, Маланак имел столкновение с русским человеком, с русским богом Иисусом Христом. Этот последний оказался в борьбе сильнее Маланака, потому Маланак убежал и спрятался в горне кузницы, а русскому богу не удалось поймать его. Под конец своей жизни Маланак сильно зазнался и пошел против самого Эсэгэ Малаан Тэнгэри, за что душа Маланака посажена в тюрьму Эрлин-хана сроком до истечения девяти поколений, поэтому его шаманское «удха» с тех пор прервалось, т.е. из его потомков никто не сделался шаманом.

Теперь говорят, что срок заключения Маланака уже истекает, и потому ожидают в недалеком будущем появления шамана из рода Маланака.

Различают несколько видов «удха»:

- а) «халуунай удха» – по отцовской линии;
- б) «хари удха» – по материнской линии;
- в) «нэрьер удха» – небесное удха;
- г) «дархан удха» – кузнечное удха;
- д) «буудал удха».

Здесь мы должны отметить утверждение Т.М. Михайлова (1980), который считает, что шаманские происхождения «нэрьер удха» и «буудал удха» не передавались по наследству.

Считаю, что до какой-то степени человек может родословно-стью своего «удха» и историей «түүхэ» пользоваться в лучшую сторону для блага своего народа.

1.3. Классификация шаманов

Классифицировать шаманов у бурят Иркутской области можно по степени их силы и ряду посвящений. Самые «слабые» бурят-

ские шаманы назывались «хуурай бөө», т.е. «сухой шаман». По утверждению Г.Р. Галдановой и С.Б. Болхосоева, «хуурай бөө» считается шаман, «не прошедший обряда посвящения, омовения». После того как кандидат в шаманы считается «избранным духами», односельчане устраивают для него обряд «манжилай» – пить чай и подкрепляться. После совершения обряда новоявленный шаман уходит в лес и подолгу уединяется там. Кроме того, уже обладая способностью «принимать духов», он совершенствует свое искусство, посещая в разных улусах камлания и обряд посвящения (Галданова Г.Р., 1987, и Болхосоев С.Б., 2003).

Частое присутствие на обрядах становится настоящей школой для молодого начинающего шамана, который обучается своему ремеслу под непосредственным наблюдением старшего шамана. С точки зрения Л.П. Гримак, специальные тренировки шамана способны в значительной мере повышать его феноменальные способности (Гримак Л.П., 2001).

Н.В. Белов (1999) отмечает, что будущий молодой шаман уходит в тайгу, горы или степь и, там, в одиночестве совершает свои первые вызовы духов. Временами он еще теряет сознание, может покончить с собой или погибнуть, но чем интенсивнее идет его шаманское «самообразование», тем быстрее проходят симптомы болезни.

Отшельническая жизнь шамана продолжается три года. После этого он еще пару лет учится бить в бубен. Далее события развиваются по-разному. В одних случаях шаман целиком сам познает свою науку, в других – учится у старого шамана. Иногда он может стать шаманом после того, как умрет его учитель. Потом наступает обряд посвящения в шаманы. За несколько лет до этого будущий шаман удаляется в лесной шалаш или любое пустынное место и здесь предается самому суровому посту в течение 3,5 и даже 9 дней.

Он не берет в рот абсолютно ничего. В этот период он не может быть один, т.к. нуждается в опеке. Он лежит с пеной на губах. Его суставы распухают и превращаются в сплошные синяки, по телу расползаются трупные пятна. Он заживо переживает свою смерть: видит, как духи рассекают его тело на куски и варят их в котле, прежде чем сложить снова; видит, как ему выкалывают глаза

и вставляют новые, пробивают уши, чтобы он смог слышать голоса духов.

В конце этого периода душа новообращенного под руководством старого шамана путешествует в потусторонний мир, подземный и надземный, переживая нечто подобное тому, что пережил Данте, путешествуя под руководством Вергилия.

М.Т. Михайлов (1987) отмечает, что шаманы делились на две группы – непосвященные и посвященные. Непосвященные имели разные названия в зависимости от «удха» - происхождения и функции.

1. Хаялгаша бөө – шаман, занимающийся только капаньем или брызганием вина (дуһаалга).

2. Ябаган бөө – пеший шаман, т.е. не имеющий трости, он тоже обладает функцией дуһаалга.

3. Хуурай бөө – «сухой шаман», т.е. не совершивший омовения тела, функции его те же, что у первых двух.

4. Заяанай (найгуурай) бөө – шаман, действующий в связи с найгуром, получивший это право от заяанов.

5. Тайлгаша бөө – тайлганский шаман.

6. Минааша бөө – человек, имеющий кнут, обычно им бывает молодой, начинающий обучение человек, получивший от своего учителя кнут и обязанный смотреть за порядком во время молебствий. Кнут – символ власти.

Перечисленные звания официально не присуждались, а возникали как бы сами собой, как результат общественного признания. В иерархическом отношении все они стояли примерно на одном уровне (Михайлов Т.М., 1987).

Однако по представлениям кудинских бурят, всех вышеперечисленных шаманов, не прошедших посвящение, называли просто «үбгэд» – старейшинами, почитаемыми улусами людьми.

Согласно Т.М. Михайлову (1987), посвященные шаманы имели разные наименования, нередко один и тот же шаман носил несколько званий или титулов, которые по сути были синонимами. Прошедший посвящение получал определенное звание и право совершать религиозные обряды. Бурятские шаманы в течение своей жизни проходили несколько посвящений, каждый раз поднимаясь на новую ступень шаманской иерархии, повышая свой статус в обществе и пополняя свои аксессуары новыми атрибутами. О.В.

Горцунова (2001) отмечает, что для шамана обряд посвящения – это также акт примирения с духом или группой духов. Существовали 9 степеней посвящения, последняя, девятая, давала право называться «заарин бөө», что означало «высший», «самый важный».

1. Шанартай бөө – от слова «шанар» – посвященный шаман.

2. Едоото (Жодоото) бөө – с пихтовой корой, т.е. посвященный, получивший пихтовую кору для отправления служб.

3. Шэрээтэ бөө – обладающий алтарем, т.е. правом посвящать другого в очередную степень жреческого ранга.

4. Нойтолхон бөө – принявший омовение.

5. Хорьбото бөө – имеющий трость.

6. Оргойто бөө – имеющий плащ и железную корону с рогами.

7. Хэсэтэ бөө – имеющий один или несколько бубнов.

8. Дүүрэн бөө – полный шаман, т.е. получивший все необходимые атрибуты в результате прохождения нескольких посвящений.

9. Заарин бөө – великий шаман, прошедший девять посвящений.

Т.М. Михайлов (1987) пишет, что особой разницы между шаманами первых пяти рангов не существовало, в иерархическом отношении они находились примерно на одинаковом уровне. Шаманы последующих трех рангов, прошедшие несколько посвящений и отличавшиеся большими знаниями и мастерством, стояли на более высокой ступени и пользовались огромным авторитетом. Заарин считался самым могущественным, обладая неоспоримой властью, распоряжался всеми другими шаманами. В XIX – начале XX в. они встречались очень редко.

Бурятские шаманы, помимо своей специфической деятельности, были врачами (костоправы, травники), выполняли психотерапевтические функции (гипноз), страховочные (предсказание, гадание). Не менее важной функцией, чем лечение для всех шаманов было «сохранение душ детей», т.е. сохранение их жизни. В прошлом смертность среди детей (особенно в младенчестве) была огромной. В некоторых семьях умирали все рождающиеся дети, поэтому родители просили шамана сохранить наследников. Шаман брал на себя эти обязанности. Такого шамана называли «найжа» (гений-хранитель). Найжа мог быть и посвященный, и непосвященный шаман. А деятельность шаманов считалась не менее

важной, чем другие их функции.

Особый авторитет приобретали шаманы-фокусники (шэжэтэ-боо), которые прокалывали свое тело косой, ножом или мечом, отрезали себе голову, разрезали живот и т.д., при этом двигались и шаманили (Хангалов М.Н., 1958).

По нашим сведениям, шаманы редко дружили, встречались друг с другом. Обычно один видел в лице другого конкурента. Причиной неприязненных отношений между шаманами нередко являлось то, что один из них не мог вылечить человека, а другой был более удачлив. Постоянно между шаманами шла скрытая борьба за авторитет, за аудиторию «зрителей». Каждый считал себя более сильным, чем другой. Отсюда происходили так называемые «войны» между шаманами. Войны между шаманами иногда тянулись годами. Например, есть сведения о противостоянии (духовной смертельной битве) между обусинскими, тарасинскими и кудинскими шаманами. По материалам П.П. Баторова (1926), между улусами Обуса и Тараса слышался свист (летащей) стрелы. Это шаманы двух враждующих группировок стреляли, пуская свистящие стрелы друг в друга. Сами шаманы утверждали, что в одном и том же улусе в один и тот же день нельзя совершать религиозные действия – «хэрэг-за?ал» обусинским и тарасинским шаманским духам, чтобы избежать встречи враждующих духов и не вызвать столкновения их. От одновременного призывания и даже одновременного произношения в разговоре имен этих враждующих шаманов могли быть беды в улусе.

Чаще всего войны велись между шаманами разных родовых групп. Кознями враждебных шаманов или их духов шаманы объясняли некоторые болезни. Отметим, что шаманские божества также разделялись на «добрых» и «злых» и вели собственную вражду между собой. По этому поводу М.Элиаде (1998) отмечает, что сама мифология бурят представляет четко выраженный дуализм, неисчислимый класс полубогов подразделяется еще на классы «черных ханов» и «белых ханов», непримиримо враждующих между собой. Черным ханам служат «черные шаманы», белым ханам – «белые шаманы». Их наряды различаются: синий у первых, белый у вторых. Такое понимание мира материально реализовалось бурятами в общепонятных для них сюжетах и образах: разделение

обществ и духов на добрых (западных) и злых (восточных) объясняется конфликтом между и «белыми» и «черными» шаманами из-за лидерства внутри социальной единицы. Вероятно, из-за невозможности справедливо решить этот спор, каждая из сторон образовывала самостоятельные шаманские роды со своими отдельными культами, которые дали начало так называемому «белому» и «черному» шаманству.

Здесь хотелось бы заметить, что явление белого и черного шаманства имело место в религиозных верованиях бурят, а также якутов и алтайцев. Вопросы, касающиеся данного феномена, наиболее противоречивы и спорны. Однако уяснение сущности белого и черного шаманства, пишет Г.Р. Галданова (1987), представляется необходимым для понимания религиозной системы шаманства.

Напомним, что с точки зрения Т.М. Михайлова (1980), деление шаманов на белых и черных было связано с социальным расчленением общества на аристократов (белая кость) и простых смертных (черная кость). Шаманы, обслуживающие аристократические роды, считались белыми, внешней формой и атрибутом их становятся белая одежда и белый конь; шаманы, обслуживающие рядовых улусников, назывались черными (Т.М. Михайлов, 1980).

Согласно материалам М.Н. Хангалова, в XIX веке белый шаман мало чем отличался от черного, белый и черный шаманы одинаково проходили обряд посвящения и получали шаманские атрибуты, но особенность черных шаманов состояла в том, что они обязательно должны были иметь «удха» от восточных божеств и духов (М.Н. Хангалов, 1958). Как утверждает Г.Р. Галданова (1987), белые шаманы проводили в основном общественно значимые обряды, совершали жертвоприношения (тайлганы) божествам-покровителям рода перед началом крупных мероприятий во время празднеств. Белым шаманам в XIX – начале XX в. часто называли старейшину рода, старика преклонного возраста, знакомого с правилами проведения обряда и текстом призывания божеств, напротив, черный шаман не имел права принимать участия в совершении родовых молений, а был рядовым участником. Это объяснялось тем, что покровителями черного шамана были духи шаманских предков по материнской линии, которые якобы могли оказывать негативное воздействие на членов отцовского рода. Недаром

существовало мнение о том, что духи болезней и смерти насылаются чужеродными шаманами и соплеменниками. Поэтому главной функцией черного шамана считалась лечебная или защитная функция. (Г.Р. Галданова, 1987).

Исходя из этого можно сказать, что белый шаман проводил обряды в сакральном центре социума, которые были направлены на установление гармонии на определенный период (текущий год и т.д.). Эти обряды носили закрытый характер и выполнялись в группе, спаянной территориально. В качестве характерных черт этих обрядов можно выделить следующее:

- 1) они проводятся в местах, связанных с предками, местом их захоронения;

- 2) в них участвуют только члены рода или группы родственных родов.

Исполнителем обрядов является белый шаман.

Как уже отмечалось, важнейшей функцией черного шамана являются обряды, связанные с исправлением недостатков, прежде всего на индивидуальном уровне, и проводятся в сакральной периферии социума.

Характерно для этих обрядов лечение больного, защита от злых духов, проводы, изгнание зловредных душ умерших и т.п.

Также особенность черного шамана в отличие от белого заключалась в том, что в своей культовой деятельности он не был ограничен рамками рода. Черный шаман являл собой как бы протечку шамана-профессионала. Процесс становления шамана-профессионала, полагает Г.Р. Галданова (1987), раскрывает материал о верованиях кудинских бурят, зафиксированный В.А. Михайловым (1980). Так, у кудинских бурят шаманы совмещали обязанности как белого, так и черного шаманского культа. Кудинские шаманы – предшественники шаманов-профессионалов. Про них говорили «хоер тээһээ удхатай» – «имеющие два происхождения – удха», т.е. они являются избранниками восточных и западных – и добрых, и вредоносных божеств и духов.

Отдельно взятая модель шаманизма бурят Усть-Ордынского национального округа представляет собой неотъемлемую часть общепурятского шаманизма. Молебные ритуалы шаманы проводят, придерживаясь общего сценария ритуальных обрядов бу-

рятских шаманов.

Однако несмотря на то, что общие признаки шаманских традиций этих народностей Сибири совпадают, в деталях между ними имеются довольно существенные различия. Причины этого: большая площадь региона, в котором они проживают, и историческое соседство с различными племенами, оказывавшими свое влияние на культуру монголов, бурят и других народов, населявших Сибирь.

1.4. Из устного предания аларских бурят о происхождении шаманского рода хородут

В названном роду все поголовно были шаманами и с давних пор жили в улусе Обуса. Предок этих хородутов большой шаман Сахядай пришел в Обусу из южной Монголии, из местности Хоро, которая находится в Ордосском хошуне, *где имеется усыпальница Чингисхана*. Говорят, что шаман Сахядай был изгнан со своей родины ламами. Потомки Сахядая – два брата: Махунай и Улалзар – были богатыми и ушли из Обусы в Унгу. Махунай женился в Унге и остался там навсегда, похоронен он был на Заларинской горе. Гора эта носит с тех пор название «Заларайн үбгэд». Унгинские буряты считают Махуная своим заяном и каждый год приносят ему жертвоприношения.

Улалзар женился и обосновался в Алари, в Бурковском улусе. Похоронен он на Халтинской горе. От Улалзара остался сын хохор-Хара-Бугдан, тоже большой шаман. После столкновения с шаманкой Баярхан Бугдан умер и был похоронен на Ямайской горе, называемой «Яматын үбгэд». Так прервался род шамана Улалзара. Но этим все не кончилось, а создались в среде бурят так называемые «бөөлөөшэны», что означает шаманить толпой, хором, ходить из юрты в юрту, из улуса в улус, при этом все участники бывают одержимы духом, будто вселившимся в них и заставляющим их неистово шаманить, падать в обморок, сходить с ума и предсказывать будущее. Население бурятское очень боялось таких бөөлөөшэнов и усердно угощало их всем, что находилось в то время, с поклоном поднося им. Такие бөөлөөшэны были, говорят, в начале XIX в. в Аларском, Балаганском и Идинском ведомствах. После смерти упомянутого Тангарана Балехая душа его скиталась всюду, нигде не находя успокоения, скорбя о преждевременной смерти и прекра-

щении рода своего. Наконец, мятежная душа Балехая стала вселиваться в живых людей и заставляла их шаманить, изливать их устами свою тоску. Люди, одержимые духом Балехая, читали в полураспев молитвенные слова, до сорока строк на бурятском языке. Многие теперь забыто даже самими шаманами, конечно, жалеть о том нечего, чем скорее забудется всякое шаманство, тем будет лучше, ибо оно слишком дорого обошлось бурятскому народу. Выдуманные шаманами разные хады, үбгэны, ахадууд, онгоны и т.д. поглотили несметное количество народного достояния, но, кажется, в данное время близок конец шаманства. У аларских бурят очень заметно охлаждение ко всякой вере, хотя у них женщины еще верят шаманам, но это не продержится дальше одного поколения. Когда не будет веры, не будет и шаманов.

При приблизительном подсчете податей при существовании Степной думы Аларского ведомства за один год в казну поступало около 20 тысяч рублей. А тайлганы и шаманские хэрэг (шаманство разным заянам и бооходоям) обошлись за один год в 40 с лишним тысяч рублей. Тогда в ведомстве числилось жителей около 11,7 тысяч душ обоего пола

Аларская Степная дума, по данным отчетной ведомости за 1846 год, состояла из 10 инородческих управ, 22 родовых управлений. В ней имелось 32 зимних улуса, 21 летний, 4 деревни, где жили оседлые инородцы, была одна деревянная христианская церковь, одна ламской веры кумирня деревянная, 8 сельских экономических магазинов, 2 приходских училища, 3265 зимних и летних юрт, 10 частных водяных мельниц (на реках Голуметь, Иреть), 9 кузниц (Зимин Ж.А., 1995).

Переселение шаманов Улалзара и Махуная из Обусы

О переселении шаманов Улалзара и Махуная рассказывают по-разному. Некоторые говорят, что братья ушли со своей родины Обусы в поисках красивых жен в районах Унги и Алари. А другие утверждают, что причиной ухода из Обусы были частые смерти в той местности маленьких детей, будто истребляемых их исконными врагами – тарасинскими шаманами, но как бы то ни было, а существование многолетней вражды между обусинскими и тарасинскими шаманами не подлежит сомнению. *Самую неприятную*

и опасную сторону жизни шаманов составляет то, что шаманы у бурят живут в постоянной вражде друг с другом. Причиной этого были: конкуренция, тщеславие, вражда предков шаманов «удха» и т. п. О бывших столкновениях и войнах между шаманами северо-западными обусинскими – хоронутами и юго-восточными тарасинскими – аханутами и другими шаманскими родами в среде бурят Иркутской области до сих пор существуют разные мифические предания, представляющие собой большой этнографический материал. Однако надо заметить, что в настоящее время все сказания о старине быстро исчезают из народного внимания и памяти. И думается, недалеко то время, когда неоткуда будет почерпнуть сведения о том, как жили и чему верили наши предки. Сбор такого материала крайне необходим, т.к. прошлое бурятского народа было тесно связано с шаманством, весь кругозор бурят сосредотачивался на шаманской вере еще с незапамятных времен, и веками создавались разные мифы о шаманах. Говорят, что черные хородуты Улалзар, сын его Бугдан, Махунай, Загал-Хара-Бухан и другие их родственники, т.е. все обусинские шаманы, воевали с тарасинскими шаманами, но одолеть их они не могли. В это самое время из Китая явился шаман, имеющий «удха» от хербитских шаманов, некто *harxin хубүүн Борхэ-заарин* (хербитский шаманский род). Он жил в Монголии, в Ордосском хошуне, но в настоящее время произошедшие от кости хербит живут в Аларском хошуне. Черные шаманы пригласили Борхи-заарина быть их союзником и совместно воевать с тарасинскими шаманами. Когда черные и белые хородуты соединились, то победили своих врагов – тарасинцев, однако последние, в свою очередь, вступили в союз с ардайскими (кудинскими) шаманами, и вскоре опять разгорелась нескончаемая война между обусинскими и тарасинскими шаманами. Эта борьба продолжается и в наши дни.

О похождениях и могуществе отдельных шаманов Хородутского рода встречаются разные легенды, например, о шамане Махунае из Унги, страшно любившем состязания с самыми сильнейшими шаманами. Поехал один раз Махунай к нижеудинским шаманам, живущим в местности Занха и Зүгдэ, с целью повоевать с ними (захайн бөөнүүдээр залгилдахаяа, узуури бөөнүүдээр үмхэл-

дэхээ – крайних шаманов заглотать, высших шаманов убрать». Махунай отправился туда верхом на медведе, оседлав его как коня. Дорогой запоздав, Махунай остановился в тайге ночевать, отпустил своего медведя на траву кормиться, а сам улегся у костра и уснул. Как на грех, в это время там охотился урянхайский шаман Анда-Бар, по имени Жартамайн хүбүүн Хандагай бөө. Рано утром он встретил пасущегося медведя и застрелил его наповал. Когда Анда-Бар подошел к убитому медведю, то заметил на его спине следы седла и сразу догадался, чьего медведя он убил. Испугавшись свирепого Махуная, Анда-Бар немедленно убежал под покровительство и защиту туранского хада Хан-Шаргая и спрятался под престолом его. Махунай вскоре тоже прибежал по следам Анда-Бара к Хан-Шаргаю и потребовал выдачи преступника для расправы с ним за убийство медведя, но Хан-Шаргай сказал: «Анда-Бар находится под моей защитой, к тому же он убил твоего медведя по незнанию, приняв за дикого зверя, а за такой невольный грех я не позволю тебе губить его и, со своей стороны, предлагаю вам кончить это дело миром и быть навсегда друзьями!».

Предложение всесильного хада Хан-Шаргая было равносильно приказанию, поэтому Махунай невольно гнев сменил на милость и помирился с Анда-Баром на основании такого решения Хан-Шаргая. И в настоящее время шаманы при молебне хадам, үбгүүнам (духам хоронутских шаманов) совершают обряд «Бар-барьяха», т.е. угощают Анда-Бара, брызгают капли молока и тарасуна. Обычно шаман, налив полные чашки молока и тарасуна, поднимает то и другое, говоря:

Ерэн Хадхи ехэ Бар!
Олон Хадхи отхон Бар!
Хээрэ гарахадаа олзо дээр,
Гэртээ ороходоо баяр дээр,
Урда бүргэнь тоһон,
Хойто бүргэнь шуһан болоһон,
Харгааһанда халсарһан,
Бургааһанда болсогоноһон,
Заяан Хандагай бөө
Хатар-одегон!

По окончании призывания шаман выше поднимает чашку сначала с молоком, затем с тарасуном и громко приветствует самого Анда-Бара: «Халуун үдэр хамуу маажаһан, харанхы һүни тэмээ манаһан хүбүүн, бари!».

Из присутствующих многие подбегают к шаману, и те, кто успеет принять чашки из рук шамана, накапав несколько капель на землю, выпивают до дна. По поверью бурят, это обеспечивает в будущем обильную и удачную охоту, удачу во всех предприятиях, также гарантирует защиту от заразных болезней, от чесотки.

Приблизительный перевод текста:

Девяносто хадов – большой Бар!

Множество хадов – младший Бар!

Уходящим в лес дарующий добычу,

При возвращении их доставляющий радость.

Переднюю луку седла засаливающий,

Заднюю луку седла окровавливающий,

Кустарником огораживающий,

(Для зверолова) прутьями задерживающий

Зверей, заяан, пожалуйста, угостись!

Анда-Бар, приняв жертвоприношение через шамана, возглашает: «В знойный день царапающий чесотку, во тьме ночной верблюдов пасущий парень, прими и пей!». Эта чашка с молоком, затем чашка с тарасуном сопровождаются словами: «Тудхаар харбаһан, тэгнэсэ ашаһан хүбүүн, бари!». В переводе: «Гость, напавал бьющий («застреливший зверя» и навьючивший (на коня), бери и пей!»).

Биография Анда-Бара очень длинная, существует в разных вариантах, но он не относится к хородам, и потому здесь приводятся лишь отдельные похождения и столкновения Анда-Бара со знаменитым шаманом Эргил-буга Тункэ-галзуу.

Когда шаман һалтын үбгэн Улалзар шаманил и приходил в экстаз (онго оруулха), то из его правого плеча вырастал кедр, а из левого плеча – пихта, а из обеих его ноздрей выходили шелковые хадаки.

Ямаатын үбгэн Бугдан был сын вышеупомянутого Улалзара, считался тоже большим черным шаманом. Когда его единственный сын скоропостижно умер, Бугдан шаманил трое суток (альбан

бэээрээ), побывал на том свете у Эрлин-хана, преподнес ему шкуру огнисто-черной лисицы и выручил душу сына своего Тангарана, т.е. воскресил его, и тот после этого прожил до старости.

Однажды Бугдан поехал в Бурковский улус и заехал к одному буряту. Там он застал множество людей, собравшихся на хэрэг. Хэрэг делала одегон (шаманка) Баярхан, имеющая «удха» от муруйского Мушхуу-Хара-Тэнгэри. Бугдан стал придирааться к шаманке, вызывая ее на ссору разными обидными словами, но шаманка не возражала ему. Наконец Бугдан сорвал висевшую на ее шее рублевую серебряную монету и положил в свой карман. Тогда только шаманка сказала: «Я тебя ничем не задевала, на твои обидные слова молчала, а когда ты даешь волю рукам своим, я ухожу из юрты, а после сочтемся как-нибудь в стороне». Когда одегон вышла за дверь, Бугдан крикнул ей: «Тебя до дому не допущу, на половине дороги съем!». На это шаманка ответила: «И я увижу через три дня твой дым!». Это означало, что она побывает у него через три дня и отомстит за свою обиду. Действительно, шаманка не доехала до дома, а на половине дороги удавилась в Нельхайской роще на сосне. Одни говорят, что Бугдан в тот же день, возвращаясь домой, дорогой захворал и поехал за каким-то шаманом, но тот побоялся ехать, притворился больным. Бугдан, поддерживаемый под руки двумя людьми, начал делать «хэрэг» архатскому хаду, просил у него защиты от нападения шаманки, но, не окончив «хэрэг», упал и скончался. Другие утверждают, что Бугдан не был болен и по своей самонадеянности не принял никаких мер предосторожности, лишь только на четвертый день после ссоры с шаманкой, увидев на Сорготойской горе множество вооруженных воинов (сэрэг) на чубарых лошадях, догадался, что дух шаманки с войском явился отомстить ему за обиду.

Бугдан же, обратившись на север в сторону Обусы, стал шаманить и звать своих предков явиться к нему и защитить его от нападения со стороны погубленной им шаманки. Затем забежал в юрту и упал замертво, простреленный в подмышки навылет духами шаманки. Дядя его Загал-Хара-Бахан услышал зов Бугдана под вечер и прискакал в Аларь на восходе солнца, но уже в живых Бугдана не застал. Войдя в юрту, где лежал труп, Загал-хара-Бахан сказал: «Сам ты виноват, не имея достаточно хаба (силы), за-

чем затеял (уйлан) такое рискованное дело и почему раньше не обратился к нам за помощью?». После этого шаман Загал-Хара-Бахан с помощью народа водрузил столб-бариса Бугдану на горе Харанутской, а труп похоронил по шаманскому обряду на Яматской горе. Затем забрав вдову Бугдана с сыном Тангараном и все их имущество, уехал в Обусу. Таким образом, Аларь избавилась от живых хородутских шаманов, но не отделалась от духов шаманов, сделавшихся местными заянами-покровителями аларских бурят под именами халтын-Яматан и Тогоди үбгэнүт, до сей поры сидящих на шее бурятского населения. Количество пожертвований, приносимых ежегодно этим үбгэнүтам в виде общественных тайлганов и частных хүрэгов, не поддается подсчету.

Тоготский үбгэн, хородутский белый шаман һархин хүбүүн (сын) Борьхи-заарин, соединившись с черными хородутскими шаманами, стал воевать с тарасинскими шаманами. Проживая в Натском улусе, он однажды летом, купаясь в речке Нут, утонул. Его тело вытащили на берег, но не могли оживить и унесли в юрту, тогда какой-то шаман, поворожив, сказал: «Тело его в юрте, а душа находится на дне речки, если одноулусники утонувшего шамана доставят мне красную шелковую нитку длиной от юрты шамана до дна речки, тогда я возьмусь оживить его». Когда была собрана со всего улуса требуемая нитка и вручена шаману, он один конец нитки засунул в рот утопленника, а другой конец опустил в речку до дна и затем стал шаманить, приглашать находящуюся в воде душу выйти из воды и обратно вселиться в тело. Шаманил он долго, до потемок. Наконец, нитка начала вздрагивать и шевелиться. Чем дальше, тем сильнее шевелилась нитка, и наблюдавшая публика думала, что душа шамана из воды пробирается по нитке к телу, и таким образом войдет в тело, после чего шаман вновь оживет. Но, однако, надежда не осуществилась, т.к. нитка моментально перестала шевелиться, и шаман оставался по-прежнему мертвым. Все терялись в догадках, почему все так печально кончилось? А случилось вот что. Одна глухонемая нечистая женщина впотьмах шла за водой и не знала, что тут творится. В темноте, не видя протянутой нитки, испоганила ее и погубила все дело.

Буряты полагают, что предки хородутских шаманов жили в Ордосском хошуне с тамошними дархатами, но уже после того,

как потомки Чингисхана перешли в буддийскую веру. За этим последовало гонение на шаманов, вследствие чего хорогутские шаманы и пришли в Забайкалье. Но и там им не было житья от лам, и они вынуждены были бежать на северную сторону озера Байкал. *По этому поводу у бурят есть предание про Обусинских шаманов и черных хорогутов.* Предание гласит, что когда шаманы бежали из Забайкалья в пределы Иркутской губернии, преследуемые по пятам тамошними ламами, то, немного не доходя до города Балаганска, с правого берега реки Ангары, они свернули направо в сторону Обусы, а ламы по их следам тоже направились туда же. Когда ламы немного отъехали от реки Ангары по обусинской дороге, вдруг какой-то большой синий пороз (бык) встал поперек дороги и, угрожая, не пропускал их дальше. Тогда ламы стали читать свой ном (книгу) и напустили на пороза тьму мошек, которые навалились на него и начали кусать, терзать. Тогда бык, обратив голову на север, три раза проревел (зохороо-бурхирба) так громко, что земля задрожала, после чего вскоре с северной стороны, как черная туча, прилетели крылатые муравьи и быстро истребили мошек и тем самым освободили пороза от мучений. Тогда пороз сказал ламам человеческим голосом так: «Гоняясь за шаманами, вы зашли слишком далеко и теперь не можете одолеть первую малую преграду, т.е. меня, а более трудных преград по этой дороге еще будет несколько. Вот видите – впереди высокую гору (Эрбэгтын үндэрэй эзэн), хозяин той горы в три раза сильнее меня, еще дальше есть самая большая гора Удагтай, хозяин этой горы в десять раз сильнее меня. Коль скоро вы не можете осилить меня, то где же вам вступить в борьбу с теми великими духами этой страны, а самое лучшее – подобру-поздорову убирайтесь-ка отсюда восвояси, т.е. туда, откуда пришли!». Ламы послушались совета пороза, ушли обратно в Забайкалье, а шаманы-хорогуты, таким образом отделавшись от гонителей-лам, осели навсегда в Обусе.

Эти обусинские черные шаманы произошли от кости Онгой. Все они поголовно считаются наследственными шаманами и посвящений в шаманское достоинство не делают, никаких шаманских доспехов (оружия) не заводят, ибо таковые не требуются, т.к. все девять предыдущих поколений были без перерыва большими черными шаманами. Потомки таких шаманов могут обойтись без

всяких посвящений и разных шаманских атрибутов. Они пьют подаваемый им тарасун или водку не наливая в чашку или рюмку, а прямо из горлышка бутылки, причем никаким духам и заянам предварительно не капают и не брызгают, ибо считают себя выше разных заянов и духов местных.

Обусинских, тарасинских и кудинских черных шаманов буряты в старину сильно боялись, по поверью, подобные шаманы могли кого угодно погубить, даже целый род, насылая на них своих злых духов-боохолдоев.

Примечание. Нам кажется, народ в душе не питает никакого уважения к таким черным шаманам. Буряты называют их «людоедами», а оказывали им притворное почтение, чтобы лишь избежать злокозней, в душе же ругая и проклиная, посылая их ко всем чертям.

В начале пятидесятых годов шаман Нижне-Олзобейского улуса аларского хошуна черный шаман Петрушка славился по всей Аларии как губитель людей «хүнийе эдидэг бөө», что буквально означает шаман-людоед. Когда этот ненавистный черный шаман, напившись на брызганье спирта, умер скоропостижно, то многие аларские буряты радовались открыто, а его одноулусники долго ликовали (Баторов П.П., 1987). Кроме П.П. Баторова – известного ученого-шаманиста хорогутскими шаманами никто не занимался.

Легенда об испытании шамана Махуная

В старину аларские и унгинские буряты передавали из уст в уста легенду об испытании шамана Махуная начальством в г. Иркутске. Об этом событии рассказывали в разных вариантах очень наивного содержания приблизительно так. Иркутское высшее начальство, желая проверить слухи о могуществе бурятских шаманов и шаманок, предписало Балаганскому воеводе самолично доставить в г. Иркутск одного шамана и шаманку, самых лучших, т.е. могущественных. Выбор пал на шамана Махуная и шаманку Куйтинского улуса Онеохон-одегон, она тогда имела пять хэсэ (пять бубнов) и была еще не старухой, а Махунай годами был ее старше. Назначенная к испытанию шаманка за день до срока выезда родила ребенка и поэтому выехать не смогла. Махуная пришлось отправиться одному в Иркутск. При выезде из села Черемхово Маху-

най попросил у воеводы деньги на осьмину (одна восьмая часть ведра водки), которую хотел взять с собой в дорогу в Иркутск, но получил отказ. Тогда Махунай заложил в кабаке свою бобровую шапку, купил осьмину водки, сел на козлы повозки воеводы рядом с ямщиком и без шапки выехал из с. Черемхово. Поднявшись на гору по тракту к станции Половинска, он попросил спутников приостановиться на минутку. Получив разрешение и не слезая с козел, шаман раскупорил бутылку, побрызгал водкой в сторону села Черемхово и, немного выпив сам, свистнул, помахал рукой – и заложенная в кабаке шапка прилетела, как птица, по воздуху и сама наделась на голову Махуная. Воевода, видя такое чудо, шамана посадил рядом с собой в повозке и доставил его в город с большим почетом. Тамошнее начальство испытание могущества шамана устроило так. На острове р. Иркута, повыше устья, положили шамана Махуная, завалили его семьюдесятью возами соломы. В присутствии иркутского начальства, православного духовенства и многочисленной публики русский колдун торжественно зажег соломой со всех сторон. Во время горения соломы из пламени слышен был голос шаманившего Махуная и, когда сильно разгорелась солома, Махунай почувствовав под собой что-то неладное, сразу вскочил на ноги и увидел колдовство русского кудесника в виде трех острых гвоздей с ершами (агтай). Они быстро росли сквозь тот камень, на котором он сидел, и если бы он не успел вскочить вовремя, то был бы пригвожден к камню. Когда же вся солома сгорела и обратилась в пепел, из золы вышел шаман, целый и невредимый, даже бобровая шапка его не опалилась.

Первым к шаману подошел колдун, чтобы удостовериться в целостности его, Махунай протянул к нему свои руки и свистнул, в тот же момент у колдуна выскочили оба глаза из орбит и очутились на ладонях шамана. Колдун ослеп, упал, катаясь по земле от боли и испуга, стал умолять шамана помиловать его и вернуть глаза ему. Тогда Махунай, оплевав глазные яблоки, обратно вставил их в глазницы, и колдун стал зрячим, только оба глаза оказались косыми, один глаз смотрел на землю, а другой на небо. После такого огненного испытания начальство признало могущество шамана и предложило Махунаю курьерскую тройку до дома, но Махунай отказался от такой чести, только попросил переправить его на другой

берег реки Ангары. На виду у всех он сел верхом на медведя, ведя за собой пестрого барса на поводу, с выросшим из одного плеча кедром, а из другого плеча пихтой, отправился в Унгу, к дому, продолжать свою шаманскую деятельность. Так признан был Махунай начальством за великого и свободного шамана, было велено больше никому и никогда его не трогать! Вот так, говорят, Махунай прославился и отстоял шаманскую религию.

Борьба тарасинских и обусинских шаманов

(Из рассказа аларского сказителя – жителя Куркатского улуса Михаила Бадашкеева (кость Барлуха) 1920)

Во время продолжающейся войны между обусинскими и тарасинскими шаманами нашелся какой-то великий шаман кости Харанут, удостоенный звания члена окинских пяти хадов. Этот шаман вздумал примирить враждующих шаманов, для чего устроил в присутствии своем личное свидание представителей обеих сторон враждующих шаманских родов. Он стал уговаривать их прекратить навсегда вражду между собой, в дальнейшем жить мирно и не губить друг друга, и ему казалось, что он достиг своими уговорами примирения их. В подкрепление вновь восстановившейся дружбы и мира он предложил им поменяться шубами и шапками, те согласились на это, но как только надели на себя обмененные шубы и шапки, то сразу почувствовали по всему телу холод, озноб и ненависть друг к другу. Примиритель понял, что таким путем не удастся их привести к миролюбию и дружбе, и предложил им вступить в кровное родство и таким образом положить конец вековой и губительной для обеих сторон вражде. Такой совет посредника Тагнасского хада обе стороны приняли и решили породниться. Обусинский молодой шаман Тангаран высватал у тарасинского шамана дочь его себе в жены и поехал в гости к будущему тестю в Тарасу. Его там приняли очень ласково, как дорогого гостя и будущего близкого родственника. На угощение ему сварили в числе других ценных кусков мяса большую берцовую кость – шагайта сэмгэн. Когда гость съел поданное ему мясо, то от той мосталыги срезали мясо, раскололи кость, чтобы будущий зять мог съесть мозг, но тут же вертевшийся шестилетний мальчик потребовал мозг себе, а мать на требование сына сказа-

ла: «Этот мозг будет кушать гость, будущий муж твоей сестры». Мальчик обиделся, заплакал и сказал, что гость не будет кушать, он этого ему не позволит.

Несмотря на такой протест мальчика, мать его подала гостю расколотую кость с мозгом, и когда гость принял на руки поданное, то вместо мозга там оказались красные черви, какими рыбаки наживляют удочки. Конечно, Тангаран отказался от такого угощения и насторожился: как бы тут ему не оплошать и не погибнуть, если такой шестилетний сопляк творит подобные пакости, то взрослые шаманы легко могут натворить непоправимые беды, воспользовавшись его одиночеством на чужой стороне. Тангаран, однако, виду не подал о своем опасении и разочаровании, ночевал там несколько ночей, побывав и погуляв в гостях у соседей названного тестя своего, пообещав скоро приехать для совершения обряда сватовства – «худа оролсохо».

С тем и уехал домой с миром. Тарасинцы долго ждали приезда будущего зятя Тангарана, а он о себе никакой вести не подавал. Продав целый год, из Тарасы послали в Обусу нарочного узнать причину такого долгого молчания и, если Тангаран живой, то звать его и торопить с совершением обряда сватовства и пригоном скота в качестве калыма. На это Тангаран ответил посланному, что он раздумал родниться с ними, если малолетний сопляк может превращать мозг в червей и угощать его, то подавно тарасинские атаманы съедят его самого с мясом и костями, а жизнь ему дороже жены, взятой из такого змеино-го гнезда. После такого ответа через некоторое время сам тарасинский шаман – отец оставленной невесты приехал к Тангарану с требованием объяснить, на каком основании он оставил свою невесту и тем унизил ее достоинство в глазах народа и родни. На требование отца бывшей своей невесты Тангаран, повторяя свой первый ответ, наотрез отказался родниться с ними. Разгневанный отец, напустив на весь Обусинский улус великое множество змей и червей, уехал домой в гневе. Все тамошние шаманы собрались и даже вызвали из Унги своего сородича, самого могущественного шамана из хородутов – Шэрүүн-Галзуу Махуная на совещание, как избавиться им от напущенной на них тарасинским шаманом напасти. После долгого обсуждения решили послать Махуная к Баруни-Хадам – Буха-Ноеву, Хан-Шар-

гаю и другим хадам умолять заступиться и защитить их. Махунай принял поручение, стал собираться ехать на третий день будущего молодого месяца. На том же собрании молодой шаман, известный всем бурятам как Идерхэн, иначе называемый Алаг-моритон (он считался сыном бесплодного Алхансая, а его мать была тунгусского происхождения), стал проситься сопровождать Махуная к хадам, чтобы просить у них һүлдэ – душу сына себе, т.к. у него не было детей, хотя был женат. Махунай взял Идерхэна в спутники к хадам. Когда они оба явились в ставку Буха-Ноена, то там застали всех хадов в сборе и кроме них многих белоголовых почтенных стариков, сидящих по рангам в юрте Буха-Ноена. Эти наши два шамана, войдя в юрту, стали земно кланяться и молиться хадам, тогда Буха-Ноен стал спрашивать молящихся: «Откуда и зачем прибыли сюда и что вам надо?». Махунай подробно рассказал о своем деле, а также как старший изложил просьбу Идерхэна о даровании һүлдэ (души) сына ему, а Идерхэн ничего не говорил, только молился и кланялся направо и налево. Хады, выслушав просьбы шаманов и посоветовавшись между собой, пригласили их сесть и выслушать решение. Объявили им следующее: «Тангаран не совсем прав, ибо отказавшись от своей невесты, причинил как ей, так и всей ее родне бесчестье и обиду, поэтому напущенных на Обусинский улус змей и червей совсем уничтожить они, т.е. хады, не вправе. Внимая вашей мольбе, они могут несколько смягчить наказание, для чего вы должны ежегодно приносить жертву большим белым бараном Баруни-Хадам, тогда змеи и черви мало вам будут вредить ввиду особого благоволения. Хады принимают хородутов в свои круги и соединяют их түргэ со своими түргэ. И с этого времени народ будет приносить свои жертвоприношения Хадам и Убгutam (хородутам) совместно, называя их «Хада-Уулын үбгэд», таким образом, хородуты становятся нераздельными с хадами. Также милость и благоволения свои распространяем по ходатайству Махуная на спутника его Идерхэна. Даруем ему душу – һүлдэ одного будущего сына!». Наши шаманы, получив от хадов великую и богатую милость, весело пустились в обратный путь – домой. Но ехали долго, т.к. дорога была дальняя, по тайге, потому они оба терпели голод и устали. В особенности донимала их жажда, ибо тогда время было жаркое. По дороге они увидели в честь

Усть-Янги одинокую юрту, когда наши усталые путешественники зашли туда попросить напиться, там встречала их одна очень красивая и приветливая девушка, которая приняла гостей с подобающей честью, посадила на почетное место, поднесла им вместо холодного питья «ундасы» холодного двойного тарасуна – арза и тройного – хорзо. Гости пили холодный крепкий тарасун с жадностью. Гостеприимная хозяйка живой рукой накормила и напоила гостей и пригласила их остаться у нее ночевать. Гости, видя такое радушие, охотно согласились переночевать. Вскоре старик Махунай напился, хозяйка постелила постель и уложила опьяневшего старика спать. Идерхэн как молодой и крепкий человек, хотя был очень пьян, но еще держался на ногах и не совсем терял сознание, на расспросы хозяйки юрты с пьяных глаз все выболтал, куда и зачем ездили и чего там получили. На это она сказала: «Я тоже собираюсь ехать к хадам просить себе үрэ–семя, т.е. ребенка, но по недосугу еще не успела до сей поры». Когда настала ночь и стало темно, она постелила себе широкую постель, разделась, свалилась на постель, указав гостю пальцами место возле себя, т.к. она тоже выпила с гостями. Идерхэн улегся рядом с хозяйкой, ночью согрешил с ней и оставил у нее пожалованную хадами душу – һүлдэ будущего сына своего. Утром Идерхэн едва разбудил Махуная, и они не рано выехали оттуда. Говорят, что та девушка, принявшая в Усть-Янга шаманов Махуная и Идерхэна, была куйтинская большая шаманка-одегон. Она нарочно выехала навстречу шаманам с тем, чтобы обманом взять у них һүлдэ – душу ребенка, пожалованную Хадами Идерхэну. Едучи домой, Махунай спросил у спутника своего, почему он сегодня такой печальный, как потерявший топор старик или как пролившая молоко старуха? На это Идерхэн ответил, что от вчерашнего пьянства болит у него голова. По приезду домой через год Махунай спросил у Эдерхэна, отчего у него нет до сей поры сына? Тогда Идерхэн сознался в своем прегрешении и рассказал, как он утратил дорогой дарованную душу будущего сына. Затем Идерхэн стал упрашивать Махуная исхлопотать ему от Зуни-Хадов һүлдэ–душу сына. На это Махунай сказал, что при всем его желании помочь в этом деле он не может, т.к. проникнуть единолично к Зуни-хадам он не в состоянии без посторонней помощи, но все-таки попытается попасть туда под руководством

сверстника, друга своего, с которым в детстве они часто играли, были дружны. Его теперь нет в живых, но он вызовет его дух, поговорит и посоветуется с ним, как попасть к Зуни-Хадам. Махунай рассказал: «Этого друга моего звали Улагайн хубүүн Сута Манхар, он был не по летам умен и мудр, происходил из кости Эхэрит-Харанут и жил в долине реки Иды. Тамошнее население несколько раз выбирало его себе начальником, но русское правительство не утверждало его в должности начальника, ссылаясь на его несовершеннолетие, несмотря на то, что он всякую тяжбу прекращал частным образом – своим мудрым решением. Мать Сута Манхара была тунгуска, звали ее Улагайн хугшэн Бурза-эхэ. Однажды Сута Манхар в 15-летнем возрасте под высоченными большими сухими деревьями боронил землю, вдруг поднялся сильный ветер-ураган. Мать Манхара, испугавшись, побежала к сыну, опасаясь, как бы его не убило высоченное сухое дерево, свалившись от урагана. Мать была одета в женскую хубайку из замши (хубайкой называют безрукавку, которая надевается поверх женской шубы). Когда она побежала к сыну, то эта безрукавка ее стала от ветра подниматься кверху и хлопать, как крылья. Кони Манхара испугались хлопанья хубайки бегущей бабы, бросились в сторону, сбили седока, он попал под борону и весь был растерзан, разорван до неузнаваемости. После трагической смерти дух Манхара ходил к окинским харадутам, чтобы передать свое шаманское «эди-шэди» (колдовство, могущество), но там от него никто не принял предложенные «эди-шэди». Тогда вернувшись на родину в Идинск, он передал таковые тарасинскому шаману Буянаю».

Махунай, согласно обещанию, данному Идэрхэну – выпросить ему душу будущего сына, вызвал дух Манхара, который пообещал Махунаю быть ему путеводителем к Зуни-Хадам и сказал: «Да можно будет явиться на третий день старой луны (нарын гурбан хуушанда) и не с пустыми руками, а с подарками, состоящими из следующих предметов: самого лучшего коня темно-гнедой масти, которого надо обуздать литой серебряной уздой, оседлать серебряным седлом, на шею коня повесить монсог-шкурки отборных черных соболей и белок, поднести к хадам как залаа-бэлэг». С такими подарками, изготовленными шаманом Идэрхэном, в назначенный день Махунай под руководством Сута Манхара проник к

Зуни-Хадам, доставил от Идерхэна подношение по назначению, стал перед Хадами ходатайствовать о даровании «һүлдэ» – души будущего сына Идерхэну. Зуни-Хады, приняв подношение, выслушали просьбу ходатая, посоветовались между собой, посмотрели в толи (зеркало) и вынесли такое решение: «Раз Идерхэн по легкомыслию и развратности поведения потерял дорогую ему Баруни-Хадами благословенную душу сына, то не достоин он вторично получить просимую душу младенца, но так как он обратился к нам за милостью и благоволением и, желая увековечить имя свое, просит һүлдэ – душу младенца мужского пола, то просьбу можно удовлетворить иным способом, а именно: установить обряд посвящения в честь его пеших лошадей, а самого Идерхэна изображать шкурой белого зайца. Это будет его онгон до окончания века – «Галаб-дүрсэ», т.е. до другого периода времени на земле. И так сохранится имя его навсегда». Согласно такому решению Зуни-Хадов, буряты посвящают Идерхэну пегих лошадей, а его самого изображают шкуркой белого зайца и хранят в юртах своих.

Шаман Идерхэн Алхансаев происходил из кости Муруйской, имел «удха» от Муруйского Мушхуу Хара Тэнгэри. Он жил и умер в бывшем Идинском ведомстве в молодых летах, бездетным. После смерти был призван всеми бурятами Иркутской губернии за большого заяна, т.е. покровителя бурят. Свое благоволение он оказывал за приличное угощение по установленному шаманами обряду. В его честь устраиваются кровавые жертвоприношения, так называемые «хэрэг», или «заһал», а также ему посвящаются лошади пегой масти. От некоторых, преимущественно взрослых людей, не прибегающих к его покровительству, дух Идерхэна требует себе жертвы разными сновещаниями и болезнями. Тогда больной обращается к шаману, и если тот ворожкой подтвердит подозрение больного о требовании Идерхэном жертвы, то немедленно приступает по указанию шамана к совершению всех вышеперечисленных обрядов. Если же требующий жертвы Идерхэн долго не может дожидаться требуемого, то он, разгневавшись, усиливает болезнь и даже может наказать больного смертью.

Идерхэн был охотник-зверолов. Раз ему удалось на охоте убить огнистую черную лисицу. Шкуру той лисицы он зарыл у себя в юрте под западным дули, т.е. под каменными подпорками на очаге

для котла, чтобы там сохранить драгоценную шкуру в течение трех лет и затем продать ее. Это делается потому, что, по поверью бурят, черная лисица есть собака Эрлин-хана, который свою убитую собаку на этом свете ищет целых три года. Если он не найдет ее в срок, то прекращает поиски свои, и тогда-то охотник без опасения может вынуть спрятанную шкуру и употребить ее в дело по собственному усмотрению. Но как-то Эрлин-хан узнал, что собака его убита шаманом Идерхэном и призвал его к ответу. Тогда Идерхэн внезапно сильно заболел, пригласил какого-то большого шамана, который во время камлания побывал у Эрлин-хана. Затем шаман обратился к Идерхэну и его отцу Алхансаю, он сказал: «Эрлин-хан согласен заменить душу Идерхэна душой отца его Алхансая, и тогда Идерхэн останется в живых на этом свете». Но отец наотрез отказался заменить сына, заявив, что он не повинен в убийстве собаки Эрлин-хана и что ему еще хочется пожить на этом свете и попить тарасуна и водки. Тогда Идерхэн вскочил, выдернул дули, достал оттуда шкуру лисицы и сказал: «На этом свете мне не удалось воспользоваться шкурой драгоценной лисицы, авось она пригодится мне на том свете, потому положите ее со мной в гроб!». Затем сразу свалился и умер. Итак, Идерхэн погиб в молодых годах бездетным, и род его пресекался (Баторов П.П., 1920 г.).

Шаман Улалзар Дайбагаров

На берегу реки Китой в двух верстах от нынешнего селения Билекту Иркутского уезда жили в давнее время монголо-буряты кости Ашта-хонгодоры. Среди них был один большой шаман по имени Боролзэ, имеющий шаманское «удха» со стороны матери своей от кудинских шаманов Хухэ-моритон, иначе Ардан-ахануд. Когда шаман Боролзэ шаманил, то вместе с ним шаманили, т.е. вторили ему надворные его столбы-бахананууд и колья в городьбе, также в юрте его шаманили чашки, поварешки. Между прочим, шаман Боролзэ предсказывал, что из его рода мужчины будут шаманами, а женщины – одегонами-шаманками, потомки его будут многочисленны. После смерти шамана Боролзоя сын его Удан-сэсэн из Китая перекочевал в числе прочих монголо-бурят в Аларское ведомство, где они образовали второй и третий хонгодорские роды. Это было в начале XIX столетия при аларском тай-

ше Баторе Васильевиче. Второй хонгодорский род поселился в большинстве в Олзобейском и отчасти в Алятском улусах, а третий хонгодорский род в большинстве поселился в Халтинском, Ныгдинском и понемногу в других улусах Аларского ведомства. Сына Удана-сэсэна называли Заглин-боо (шаман), у него дети умирали в младенчестве, в живых осталась только одна больная маленькая дочь. Шаман Заглин подумал, что дед его, Боролзэ, хотя был великим шаманом и предсказывал ему многочисленное потомство, не хочет или не может спасти своих правнуков. И потому, усомнившись в его могуществе, шаман Заглин пригласил знаменитого в Бурковском улусе Аларского ведомства большого шамана из рода хородутов Хан-Улалзара быть найжой-покровителем его единственной дочери. Хан-Улалзар, согласившись быть найжой его дочери, принял шаманские предохранительные меры к сохранению здоровья и жизни опекаемой девушки, и та с тех пор стала выздоравливать и расти. Такой благополучный исход шаман Улалзар приписал всецело своему могуществу, очень чванился и много требовал себе мэнзэ (вознаграждение) от родителей той опекаемой девушки, которые безропотно удовлетворяли алчность Улалзара.

Как-то раз Улалзар внезапно и сильно захворал, слег и сам не знал, почему он так тяжело заболел, какие духи разгневались на него и что требуют от него. Наконец он вынужден был послать за шаманом Заглином и просить его, в свою очередь, быть его найжой и спасти от смерти. Когда Заглин приехал к Улалзару, тот сказал Заглину: «Какие-то великие духи требуют от меня жертвы, маленькие духи не посмели бы требовать от меня жертвы, но я сам не могу узнать тех духов, которые разгневались на меня, поэтому очень прошу тебя, спаси меня всеми средствами, какие найдешь для того нужными». Заглин сначала отнекивался, но затем согласился спасти его и, поворожив сожжением овечьей лопатки, сказал: «От тебя требуют жертвы предки твоего «удха», т.к. ты давно их не угощал и забыл о них. Если ты мне согласен дать в виде мэнзэ своего знаменитого буланого коня и желтую шелковую шубу свою, тогда я буду шаманить». Улалзар согласился отдать ему коня и шубу. Заглин, пошаманив у Улалзара, в тот же день уехал домой. Через день, приехав к Улалзару, он увидел, что Улалзар совсем здоров, сидит у себя в юрте, хохочет и пьет чай. Когда

Улалзар увидел входящего к нему Заглина, то насмешливо сказал: «А, найжи минии мэндээ (садись со мною рядом), я теперь жив и здоров благодаря твоей помощи, чем же я заплачу за твои труды?» На что Заглин ответил: «Зачем нам снова торговаться, дай мне обещанные коня и шубу, тогда мы и будем квиты». Улалзар, расхохотавшись, сказал: «Кому ты обязан сохранением жизни твоей дочери? Неужели у тебя хватило духа просить у меня мэндээ, ведь я просто пошутил над тобой, приглашая тебя быть у меня найжой. В сравнении со мной ты просто пылинка, стоит мне только дунуть на тебя – ничего не останется». Заглин тоже, в свою очередь, вспылал и закричал: «Хотя ты большой шаман, не знаешь, кому ты обязан жизнью на этот раз!».

Итак, оба шамана жестоко поссорились и пообещали уничтожить друг друга. Улалзар начал выгонять из юрты соперника и вытолкнул его на улицу, тогда Заглин, оторвав свою верхнюю пуговку, проглотил ее. Увидев это, Улалзар проделал то же самое, что у шаманов значит, что он так же проглотит душу противника-врага и тем самым погубит его. После ссоры оба погибли. Шаман Улалзар перед смертью сказал; «Я свою опекаемую девушку (дочь Заглина) сделаю одегоном через свое «удха» хородутов, но ни за что не дам сделать ее одегоном по «удха» отца ее, Заглина». Так и сделал, она впоследствии была одегоном из «хородутского «удха».

В настоящее время потомки знаменитого шамана Боролзоя живут в Ныгдинском улусе Аларского аймака, один из них, Петр Николаевич Матханов, тоже, кажется, шаман. Есть в селе Бажевском ясачные инородцы, если я не ошибаюсь, фамилия их Козловы, говорят, один из них при выпивке вина капает, угощает своего предка шамана Боролзоя Китайского.

**Из материалов Восточно-Сибирского отделения
географического общества, (т.2, выпуск №1,
Иркутск, 1890 г. Стр. 45)**

Сагаан-хородут имеют покровителей Хүхэ Ноен Тэнгэри и Оер Сагаан Тэнгэри. В честь Оер Сагаан Тэнгэри приносят в жертву молочную пищу, табан-хошута и белого барана с большими рогами, призывая так: «Баруун хойто зүгтэ, орьел уулын оройдо, сагаан ехэ толгойтой, сагаан бүргэд Онго Хүнэй Тэнгэри, тэнгэриhээнх удха

барига бууһан сагаан хэрмэ алая, залаалжа бууһан сагаанай ехэ хородуут». Обусинские хородуты и тарасинские шаманы (ахануты) с давних времен враждуют между собой. И почему они живут не долго говорит следующее:

В Аларском ведомстве заболела одна женщина и пригласила черного шамана Бугдана, который жил у тестя своего аларского тайши. Бугдан сказал, что нужно принести тетеревиную жертву хозяину острова Ольхон-хану-Хото-баабаю, для чего нужно пригласить тарасинского черного шамана хохор-хара-Костю. Тогда больная послала за указанным шаманом Костей, шаман приехал и приказал приготовить тетерева. Он приступил к обряду, водрузил шире из соснового дерева, в вершину его воткнул тетерева и после этого призвал хозяина острова Ольхон. Шаман Костя подошел к сосне-шэрээ, потряс ее и свистнул, тетерев полетел к востоку по направлению к острову Ольхон. Тогда шаман Костя обернулся и сказал: «Каковы мои силы?».

На другой день шаман Бугдан тоже сделал жертвоприношения заянам Онго-хородутов. Когда шкуру с жертвенного барана повесили на березовое шэрээ, то шаман Бугдан тоже, потрясая ее, свистнул, и шкура барана полетела вверх. Шаман Бугдан, обернувшись, спросил: «Каков я?». Тогда шаман Костя из зависти бросил вверх кисет с трубкой, эти вещи догнали шкуру барана и с нею вместе упали на землю. Обращаясь к тарасинскому шаману Косте, шаман Бугдан сказал: «Я вчера не мешал твоему жертвоприношению, а ты сегодня почему помешал моему жертвоприношению?».

После этого оба шамана разошлись, каждый про себя шаманил, чтобы другого погубить, съесть-эдихэ. На этот раз ссора их окончилась только взаимной угрозой вредить друг другу в будущем. Впоследствии во время одной свадьбы они еще раз поссорились и подрались. На этот раз подрались сын Бугдана Тангаран и сын Улалзара Хүхэр с тарасинскими – Аянгой и Костей. С того времени эти шаманы находятся в постоянной вражде.

Другой шаманский корень из племени Онго, которому покровительствуют Барунай Ураг Сагаан Тэнгэри, Гутар Баян Тэнгэри, Мүндэри Тэнгэри, Хандэри Тэнгэри, Ишхэ Баян Тэнгэри и Хан Сагаан Тэнгэри. У них также есть покровитель и среди зүүнэй 44 тэнгэри Луг Хара Тэнгэри. Из племени Онгой была большая чер-

ная шаманка Хан-Шуха, шаман Хонго, сын Ходоно, сыновья этого Мэргэ-Обохо. Все они были черными шаманами и шаманками, кроме этих, еще была шаманка Муда эбии и шаман Туда и другие. Этому шаманскому роду и племени Онгой покровительствуют черные хородуты. Поэтому шаманы и шаманки из рода Онго соединились в одно с обусинскими шаманами и белыми хородутами, хотя, говорят, что сперва они враждовали между собой и только потом помирились и совместно воевали с общими своими врагами, т.е. с тарасинскими и ардайскими шаманами.

Примечание. На юго-востоке Ныгдинского улуса Аларского хошуна есть горный мыс Хара-хошун, где один из обусинских шаманов-хородутов по имени Хан-Мэргэн погиб от истощения, гонимый за лосем. Ныгдинские буряты ежегодно делают ему тайлган.

- О ссоре и драке шаманов Бугдана и Кости, которые якобы произошли в Аларском ведомстве, жителям названного ведомства ничего неизвестно, поэтому можно полагать, что миф этот был сочинен вне Алари.

Онеохон-одегон происходила из хородутской кости Онго и родилась на правом берегу реки Ангары, отца ее звали Солмэ, а мать Шаргул. Она была женой бурята Аларского ведомства Куйтинского улуса по имени Харалза из кости Шаранут. Онеохон-одегон считалась большой могущественной шаманкой при жизни, а после смерти была признана покровительницей куйтинских бурят, которые и поныне ей приносят ежегодно тайлган из кобылы желтоватой масти. На Тумормуйской горе, где шаманка была похоронена, ее сэргэ-бариса и теперь стоит у дороги вблизи Барабанского улуса Аларского хошуна. Проезжающие по той дороге буряты, верующие в шамана, приостанавливаются у столба – сэргэ Онеохона и делают возлияние вина, подношение трубки с табаком (тамхиин дээжэ бариха). Таким образом связывается родство Дэлхэтэ-Зогдора с хородутами и, наконец, с самим Тыкши-Мэргэном – говорится одним словом то, что поколение, оставшееся от Тыкши-Мэргэна, называлась хородутами, т.е. небесного, высшего происхождения.

А от хородутов рождались великие шаманы, в т.ч. и шаман-вор Дэлхэтэ-Зогдор. Он, очутившись в среде иркутских бурят со

своими тремя сыновьями (имена которых не сохранила народная память), стал безжалостно истреблять весь шаманский род иркутских бурят, начиная с самого истока реки Ангары вплоть до Обусы, где проживала в то время знаменитая шаманка Онгон-төөбии (или эбии, или төөбии – по-аларски бабушка), төөдэй из кости Онго. Он, т.е. Дэлһэтэ-Зогдор, явился к ней, преобразившись: на правом плече у него выросла ель - хасуури, на левом плече – пихта-жодоо. Из правой ноздри его высывалась желто-пестрая змея, а из левой ноздри – черно-пестрая змея. Сам он сидел верхом на медведе и вел за собой на поводу барса, по бурятскому выражению: «баабгай унаад, бар хүтэлөөд». Стал он вызывать шаманку Онгон-төөбии на смертную борьбу. Онгон-төөбии, видя, что он еще молод и неопытен, схитрила: стала униженным, жалким тоном просить начало битвы отсрочить на трое суток. Дэлһэтэ-Зогдор согласился почти беспрекословно. За эти три дня она, вынув из своей утробы матку – «басаганай байрые», положила ее над дверью юрты, затем, вытянув все свои тонкие кишки, обтянула ими свою юрту несколько раз кругом.

По истечении данного шаманке срока Дэлһэтэ-Зогдор снова явился в таком же страшном виде к ней. Но та ласково пригласила его зайти в юрту, побеседовать, говоря: «Намайе эдихээ ерээ ха юмши даа, аллаха, адахаяа, шуһыем хадхahahаяа, алаха хүнэй хүүрынь һураха юм, хүүрээ хэлсэжэ, зугаалая гээ»: (обреченной на убой скотине предварительно кровь выпускают, а у приговоренного к смерти человека предварительно спрашивают последнее пожелание, вот согласно такому обычаю я приглашаю тебя в юрту, ведь ты приехал съесть меня, но вначале побеседуем).

Он и тут согласился по своей неопытности и самонадеянности, но зайдя в юрту, сразу же упал в обморок – бузартаад и растянулся на полу. И скоро бы пришел ему конец - үхэл, но Онгон-төөбии не была глупа и отличалась дальновидностью. Наперед зная, что если он тут умрет, то дух его будет мстить, т.е. истреблять ее потомство, она взяла үхэр арса (можжевельник таежный) и окурила им его трижды, после чего он очнулся и вскочил как ни в чем не бывало, жив и невредим. Дэлһэтэ-Зогдор стал благодарить ее за помилование и, осквернившись от матки, положенной над дверью «харанхалжа унаа», он решил помириться и даже породниться с

ней, тем самым соединить свои «удха» и еще больше возвеличиться.

Она приняла предложение шамана, и с тех пор он стал называться со своими сыновьями «Обусэн хородут». Живя в Обусе, Дэлһэтэ-Зогдор не бросал своего порока – воровства. Он грабил унгинских, аларских, боханских и других бурят, угнал весь награбленный скот к реке Ангаре. Однажды аларцы догнали его и прижали к реке Ангаре с краденым скотом. Он, видя погоню близко, силою «удха» эльбэшэжэ, среди лета сделав ледостав, по льду переехал на другой берег реки Ангары и ушел от преследования. Весь награбленный скот он загнал на остров реки Ангары и поставил трех своих сыновей его пасти.

Сыновья его, будучи еще молодыми и ветреными, любили побегать, погулять, на ехорах плясать. Они стали бывать в разных окрестных улусах, отлучаясь надолго, а стадо, оставленное без всякого надзора на острове еще до наступления зимы начало погибать от голода. Часть скота потонула в реке, а другая часть была съедена волками, и, таким образом, весь награбленный скот извёлся. Увидев гибель отцовского скота, сыновья Дэлһэтэ-Зогдора испугались, а старший из них, хорошо зная, что ему больше попадет от отца, убежал на родину «Урда биидэ». Средний сын тоже последовал примеру брата, он убежал вниз по Ангаре к «зайһан-һартулам», т.е. к крайним-һартулам, «харайн-бөөнүүд», т.е. к черным шаманам. Там, научившись и зародившись от их «удха», сделался самым свирепым черным шаманом-людоедом. Сыновья, родившиеся от него, уговорили его вернуться к отцу. Приехавши в Обусу, они расплодили там черных шаманов из хородутов. А вот от младшего сына Дэлһэтэ-Зогдора произошел род белых шаманов хородутских. Теперь в Обусе черные шаманы хородутские смешались с белыми шаманами-хородутами. Как говорят в народе: «Харын хородут, сагаани хородут хоер худхаршоо». Воровство Дэлһэтэ-Зогдора почему-то не передалось потомству.

В старину в народе очень почитали хородутских шаманов, боялись спорить с ними. От белых и черных хородутов составилось десять поколений. Только теперь в Обусе нет больше черных шаманов, а сохранилась лишь память о существовании их в старину.

Примечание. Однажды в шестнадцатилетнем возрасте мне

довелось встретиться с одним шаманом из местности Обуса. Обуса от нас примерно на расстоянии тридцати километров. Поводом послужило то, что дочь моей старшей сестры, племянница моя, шести месяцев от роду, сильно заболела свинкой (воспалением подчелюстных желез). Ни днем, ни ночью она не давала никому покоя в течение почти недели. В деревне, где мы жили тогда, медобслуживания не было. Воспаленная, вся красная подчелюстная железа стала размером с детский небольшой мяч и вот-вот должна была лопнуть. Время было летнее, в доме жарко, когда девочка немножко успокоилась и уснула, сестра с ней тихонечко вышла на улицу на свежий воздух, чтобы она подольше поспала. В это время к нам в ограду заходит незнакомый мужчина, примерно лет пятидесяти. Подошел ко мне, поздоровался и сразу представился: «Я шаман из Обусы и звать меня Морхооной-бөө. Ездил с попутными людьми в Аларский район по делам, а сейчас отправляюсь обратно домой в Обусу. Шел мимо вашего дома, и здешние люди, встретившиеся мне по дороге, сказали при разговоре, что у вас ребенок сильно болеет. Я подумал, может чем-то помогу ребенку». И заодно ему надо было подзаработать. Увидев больную девочку, он сказал: «Срочно найдите тарасун, хотя бы 5-6 литров, 2 литра сметаны и людей (стариков и старух). Будем шаманить, т.е. просить у своих предков-заянов помощи». Сестра побегала по соседям, быстро нашла за 2-3 часа все то, что требовалось для обряда. С соседями всегда жили дружно и сообща помогали друг другу чем могли и что имели в наличии. Собрали людей, которые были свободны от колхозных дел. Шаман оттащил стол от окна почти на середину комнаты, приглашенные люди определились с местами и расселись как можно удобнее. Я приготовил сметану для саламата, т.е. налил ее в трехлитровую кастрюлю, собрал на улице сухих щепок и уложил в топке печи.

Шаман вошел в азарт и начал прыгать на месте. Многие присутствующие стали вытирать платками глаза, видимо дайрагдаа, т.е. разбередил шаман чувства людей. Шаман велел разжечь огонь под кастрюлей со сметаной. Когда начала сметана кипеть и подниматься в кастрюле, он, увидев это, подбежал, молча оттолкнул меня от себя подальше, и начал что-то говорить и помешивать сметану, постепенно туда засыпая муку. Он так мешал сметану,

что трудно было разглядеть, чем мешал – голой рукой или у него в руке имелось какое-то приспособление. Думаю, что имелось, ведь голую руку в кипящее масло не сунешь, оно же как раскаленное железо горячее. Готовый саламат шаман раздал всем сидящим, чтобы ели, а остаток в кастрюле собрал и приложил к опухоли ребенка. За ночь опухоль лопнула и оттуда много вышло гноя. Гораздо легче стало ребенку и всем нам. Жить стало веселее. Видимо, шаман обладал гипнозом, ибо люди сидели во время обряда почти полусонные. В детстве я много раз слышал от взрослых, что обусинские шаманы обладают сильным гипнозом: у них из ноздрей выходили и заходили обратно змеи и также из кончиков пальцев рук. Но дружба между шаманами была как отношения у кошки с собакой. Из-за конкуренции готовы были съесть друг друга.

1.5. О тарасинских шаманах

Легенда о том, откуда известные впоследствии великие тарасинские шаманы, передает следующее: Однажды в улус Тарасу явились неизвестно откуда два бурята и нанялись пасти улусный скот. Они не говорили о своем происхождении, также скрывали и то, что они шаманы. Тарасинские буряты часто слышали, что эти пастухи, находясь со скотом вдали от улуса, постоянно шаманят. Стали следить за ними, чтобы разузнать что за люди эти пастухи.

Однажды следящие увидели такую картину: пастухи эти распарывали ножами свои животы и, достав оттуда печень свою, жарили ее на огне и ели. Видя это, тарасинцы ужаснулись. Чтобы понять это загадочное событие, расспрашивали пришлых пастухов, но те наотрез отказались сказать, что они за люди и откуда пришли. Наконец, тамошнее население обратилось к кудинскому шаману за разъяснением. Тот великий кудинский шаман, потомок великих кухомортонских шаманов, поворожив, сказал: «Ваши загадочные пастухи на самом деле два больших шамана, изгнанные ламой вместе с хоринскими заянами из местности Забайкальский Баргузин. Они оба чародеи и имеют шаманское «удха» одного корня с вышеназванными хоринскими заянами. Этих пришлых пастухов надо почитать, уважать и слушаться, ибо они могут делать добро и зло по своему желанию». Эти пастухи поселились навсегда в Тарасинском улусе Идинского ведомства и там начали свое

шаманское поприще. Они затеяли нескончаемую войну не на жизнь, а на смерть с такими же великими шаманами – обусинскими хородутами.

О войне между тарасинскими и обусинскими шаманскими родами было написано П.П. Баторовым в записке под названием «О происхождении одного шаманского рода, именуемого себя хородутами». Говорят, что тарасинские шаманы сначала тоже воевали с кудинско-ардайскими шаманами, но потом они помирились и заключили союз между собой для совместной войны с обусинскими шаманами-хородутами, а те в противовес им заключили союз белых и черных хородутских шаманов.

Итак, объединившись и открыв два враждебных фронта, эти четыре корня или рода дерутся до сей поры и истребляют друг друга. Эта историческая вражда между упомянутыми шаманами до того глубоко въелась в кровь, что на примирение их нет надежды в будущем, даже выше их стоящие в шаманской иерархии «баруни хад» не могли примирить их, о чем тоже говорится подробно при описании хородутов. Имена некоторых больших тарасинских шаманов мне известны: Костя-Лянга, Буин, сын его Буяшка и сын последнего Алешка. Алешка в 1865 году был специально привезен молькинским бурятом Ардеем Штопкиным в Аларь, т.к. жена Штопкина Катя, дочь бурята Курканского улуса Запха, ушла от мужа и, не желая возвратиться к нему, жила у брата своего Зурбада в названном улусе.

Однажды Штопкин явился к своей жене Кате в сопровождении шамана Алешки тарасинского с целью напугать ее этим страшным шаманом и увести жену домой. В старину тарасинские и обусинские шаманы частенько вмешивались в семейные и тяжбные дела, возникающие по разным поводам между бурятами. В таких случаях по приглашению какой-нибудь стороны шаман разыгрывал роль покровителя и защитника интересов своего «клиента», запугивая противную сторону гневом и мстостью, и выигрывал на суде дело в пользу своего подзащитного. Тогдашний народ и даже бурятские родона начальники-судьи страшно боялись этих шаманов-адвокатов, дабы не накликать на себя их гнев и месть, и потому во всем уступали им. Шаманы, выигрывая тяжбные дела, за это получали «мэнзэ» - плату, и таким легким для себя способом нажи-

вались. На этот раз веками испытанное шаманское адвокатство шаману Алешке не помогло в Алари, когда он с мужем Кати явился в дом ее брата Зурбадая Запхаева и стал грозно требовать возврата Кати к мужу. Жена Зурбадая Намбар в ссоре сцепилась с шаманом Алешкой и с мужем Кати Штопкиным и в конце концов клюкой вытурила их обоих из своего дома. Жена Зурбадая Намбар была бедовая и избалованная дочь аларского помощника тайши Рампила Самсонова и в свое время славилась как весьма зубастая женщина, не дававшая никому спуска, многие боялись с ней связываться. Шаман Алешка, потерпев полное фиаско, приехал в наш улус и заехал к старосте первого хонгодорского рода Содомпилу Чайванову. Оба пьяные пришли к нам, и шаман громко спросил у меня: «Ты знаешь, кто я?». Я ответил, что не знаю, хотя знал кто он, и убежал к соседям, за что от матери своей получил строгий выговор. Мне тогда было 13 лет от роду. С тех пор не случилось видеть ни одного из тарасинских и обусинских шаманов.

В Алари шаман Алешка побывал еще в нескольких улусах и всюду куражился, требуя себе бесплатную подводу за проезд. В случаях, когда ему не давали конную подводу, он требовал, чтобы оглобли не запряженных саней поднимали вверх, и угрожал тем, что сумеет уехать на тех санях без коня, и отвозил и его беспрекословно туда, куда он прикажет. В Олзобее, в доме старосты второго хонгодорского рода Хамагана Пахирова, шаман Алешка наткнулся на ламу аларского дацана Арабжу Кушенова. Этот лама предложил шаману показать всем свое могущество «эльбэ шэди» и, между прочим, то, как он поедет на санях без лошади, но шаман уклонился от всяких споров, диспутов и не принял вызова ламы. С тех пор аларцы говорят, что знаменитый тарасинский шаман Алешка потерпел поражение в Куркате от бабы Намбар и в Олзобее от ламы Арабжи.

За вмешательство хородутских шаманов в тяжбные и семейные дела аларский тайша Василий Баймин изгнал хородутского шамана Тангарана и его племянника по женской линии из своего ведомства в Идинское ведомство и ввел в Алари ламство в 1809 году (подробности смотрите в моей записке о хородутах). Вообще передают как факт, что обусинские и тарасинские шаманы очень кичились своими способностями творить зло и добро по своему

желанию всем и каждому. Они немилосердно вымогали у народа себе подарки в виде хороших лошадей и серебряных монет и различных ценных вещей. В старину ни одна свадьба не отправлялась из окрестных улусов поездом без сопровождения шамана из этих вышеназванных родов в качестве покровителя и охранителя. Прием такого охранника как жениху, так и его одноулусникам обходился весьма дорого. Свадебная публика всегда шла архидачить (угощаться, ходя из дома в дом) в соседние юрты, а шаман-охранник, почтительно ведомый двумя людьми под руки, шел впереди всех.

Когда шаман приближался к юрте, то ее хозяева встречали его с зажженными *хан* (воскурение *фимиама*) в честь шамана. Тут же на улице ему навешивали на шею империал – русскую золотую монету, если хозяин юрты был богач. Середняк ограничивался полумпериалом, а бедняк – рублевой серебряной монетой. Все эти подношения принимались шаманом как должное и, если ему подарок казался несоответствующим его ожиданиям, то он пятился назад, отказываясь входить в юрту, и даже скрежетал зубами. В таком случае хозяева удваивали или утраивали подарки и с многочисленными поклонами упрасивали его войти в юрту. Мало того, что сами шаманы всячески вымогали себе подарки у населения, поборами занимались и их жены. Говорят, и в наше время жена кудинского шамана Матвея в пьяном виде нахально требует от населения себе подарки, при этом трезвой она бывает редко. Вообще всюду шаманский род отличается жадностью к наживе и, кроме того, бывает бесстыден, безжалостен и кровожаден. По шаманской вере погубить и всячески извести своего соперника или врага и даже семью его – не грех, а славное молодечество удаль. Считается, что чем больше шаман погубит своих врагов, тем больше он возвышается в своем достоинстве в глазах народа и т.д.

Как выше было сказано, между обусинскими, тарасинскими и кудинскими шаманами испокон века существует непримиримая вражда. От нескольких человек я слышал легенду о том, что многие будто слышат свист летящей стрелы между Обусой и Тарасой, это значит, что тамошние шаманы стреляют, пуская свистящие стрелы друг в друга. Нынешние шаманы сами утверждают, что в одном и том же улусе, в один и тот же день нельзя делать *хэрэг-заһал* обусинским и тарасинским шаманам, чтобы избежать

встречи этих враждебных духов в одном улусе. Даже одновременно нельзя произносить в частном разговоре имена этих враждебных шаманов, т.е. обусинских и тарасинских. В случае столкновения в одном улусе этих враждебных духов для жителей этого улуса наступят весьма тяжелые времена.

Когда новый шаман посвящается в шаманское достоинство, то он, выбирая, какой шаманский корень ему ближе – обусинские хорогуты или их враги – тарасинские и кудинские ахануты, отдает себя в распоряжение шаманским духам, сделав их своими сасюнами – покровителями. Таким образом, посвященный шаман должен служить своим покровителям и придерживаться того направления, по которому его ведет избранный «удха». Однако в шаманской практике выходит совсем иное, например, шаман, имеющий «удха» от обусинских хорогутов, делает «хэрэг-заһал» тарасинским и кудинским шаманским духам, т.е. заклятым врагам своего «удха», а шаман, посвятивший себя тарасинским или кудинским шаманским «удха», делает «хэрэг-заһал» обусинским шаманским духам.

Тут невольно возникают вопросы: «Как же живой шаман осмеливается приносить жертву непримиримым врагам своего «удха» и не вызвать гнев своего «удха» – покровителя? и «Почему противная сторона благосклонно принимает жертвоприношения от шамана из враждебного лагеря?».

Каждый шаман после окончания обряда «хэрэг» и брызганья обращается к своему «удха» с просьбой о том, чтобы его покровители приняли на себя все сделанное им шаманом – воззвания, призывания и жертвы принять и затем, доделав недоделанное, дополнив недосказанное, непосредственно от себя перейдут по назначению. По смыслу и логике выходит так: исправить и дополнить допущенные их ставленником, живым шаманом, недочеты, и преподнести жертву своим заклятым врагам. Возникает вопрос: «Как они – враждебные духи могут согласиться на такую унижительную для них роль и комбинацию?».

Опрошенные мною шаманы в ответ на эти вопросы говорили уклончиво, ссылаясь на незнание или на то, что это допускалось с древних времен. И не ими так установлено. Остается только полагать, что главную роль здесь сыграла корыстная цель – нажива шаманов, т.е. получение «мэнзэ», гонорара. Ради этого шаманы

были готовы служить и своим, и чужим шаманским духам одновременно, и богам и чертям, игнорируя их антагонизм. Шаманы считали: своя рубашка ближе к телу, зачем упускать выгоду.

Из тарасинских шаманов буряты еще помнят шамана Шопхонка, его сына Федота. Я от многих слышал, что этот Федот был исключением, он никогда не шаманил, вел себя скромно, жил тихо и мирно, не пользуясь своим исключительным шаманским положением среди населения. Он не наживался дармовщиной как другие его сородичи и, кажется, даже удерживал тарасинских и обусинских шаманов от чрезмерной вольности и самодурства.

Идинский тайша И.И. Пирожков очень не любил шаманов и всегда относился к ним недружелюбно.

В Бохане я слышал, что тарасинский шаман Алешка, побывав в Ишунском улусе, был сильно недоволен хозяином одной юрты и, взяв его маленького сына за ногу, бросил его в *хибэр*, большой бак с водой, служащий холодильником при выгонке тарасуна. Ребенок чуть не захлебнулся водой, его едва откачали. Этот мальчик, кажется, был Тыкшыхон Трубочеев. Сына Федота звали, кажется, Егором, он оказался «последним могикианином» знаменитого тарасинского шаманского рода. Егор умер в начале XX в. Говорят, что у этого шаманского рода есть продолжения по женской линии. Эти потомки находятся в разных местах, но шаманят они или нет, мне не известно.

Я мало осведомлен о жизнедеятельности тарасинских шаманов, хотелось бы, чтобы о них написали люди, владеющие большей информацией об этом известном шаманском роде. Мне кажется, что подробное описание деятельности названных шаманов послужило бы ценным материалом по этнографии и истории бурятского народа, ибо эти шаманы в свое время сыграли большую роль в жизни иркутских бурят.

Шаманская присяга

Те молодые люди, на кого пал жребий стать шаманом, узнавали об этом неожиданно по проявившейся у них «шаманской болезни». Страдания избранника внешне воспринимались как нервно-психическое заболевание. Но человек вместе с тем испытывал невероятные физические муки. Болезнь могла длиться несколько

лет, сопровождаясь страшными галлюцинациями. Избавиться от такой психической болезни можно было только принятием призвания шамана и началом шаманской деятельности – так говорят действующие шаманы.

Желающий посвятиться в шаманское достоинство из аларских бурят прежде всего заручается согласием посвященного шамана быть ему названным отцом-шаманом и посвятить в шаманское звание с вручением «жодоо» – пихтовой коры, которая служит знаком настоящего шамана и является необходимым священным предметом при камлании. Вообще отец-шаман, посвятив названного сына в шаманское достоинство, принимает на себя обязанность всегда служить руководителем его на этом свете и путеводителем на том свете, т.е. в стране Эрлин-хана.

Отец-шаман, торжественно вручая вновь посвященному шаману «жодоо», предлагает ему дать всенародно установленное клятвенное обещание о том, что он будет свято исполнять во всей чистоте свои обязанности шамана по правилам устава всесильного Хада Хан-Шаргай-Ноена. Обряд и форма присяги таковы. Дающий клятвенное обещание вновь посвященный шаман во время присяги сидит, подогнув под себя левую ногу, а правую ставит вертикально, упираясь подошвой ступни в землю, при этом его правая рука поднята выше головы. В таком положении он дает ответы на вопросы отца-шамана и продолжает громко, во всеуслышание произносить установленную клятву. Во время обряда посвящения отец-шаман перед коленопреклоненным новым шаманом громко спрашивает: «Ши мүнөө тэнгэридэ жодоо бариһан ёһоео, тээрмэ гэртээ һорьбо тулаһан зэргээ, бэе болоһон нэрээ, арюун һайса гуримарнь абажа ябахыш наһан соогоо?», что означает: «Ты теперь получил святое право возносить на небо аромат воскурения пихты, в неподвижной (тэрмэ) юрте опираться на шаманские трости и высокое звание свое «бөө» (шамана) будешь ли носить во всей чистоте и поступать свято по правилам в течение всей своей жизни?». Новый шаман отвечает: «Ёһото юумыень ёһооронь абажа ябахаб!» (Принятые по уставу, по положенному обряду, не отступая, по чистой правде, буду нести свои обязанности»). После этого отец-шаман говорит: «Дальнейшую присягу произноси согласно шаманскому уставу». Тогда новый шаман, сидя все еще на одном колене с

поднятой правой рукой, торжественно произносит клятвенное обещание следующего содержания: «Энэ хэрэгэй һүүлдэ, шахаа-тангаригаа үгөөд, бөө болоод ябахадаа балшарта найжа болохоб, үншэдтэ эсэгэнь болохоб, үгытэйдэ туһалхаб, мансытайе манахаб. Хариин хүндэ халха, халууни хүндэ харуул болохоб. Хари гэжэ газаалхагүйб, халуунай гэжэ досоолхогүйб. Ядамаг зондо ябагаар ошохоб, үгытэй хүндэ үхэрээр ошохоб. Ехээр абаһандаа баярлахагүйб, багаар абаһандаа шамарлахагүйб. Шэбшэлгэтэй хүндэ шүбгынь табяад, үзэл үзээд, ядалдаашанай яһан далынь галдаад, үхэлээр айлгажа үхэрыень абахаяа, мууса хэлэжэ, мориинь абахаяа һанахагүйб. Энгэһэн заяаниинь эльгээн, харшалһан заяаниинь хайрлыш гэжэ гуйхаб. Баян хүнэй ерэхэдэ баярлахагүйб, үгытэй хүнэй ерэхэдэ гомдохогүйб. Онгото хүнэй шарай, ололгото хүнэй гар харахагүйб. үгытэй хүнэй мориинь буляаажэ, үншэн хүнэй дэгэлынь тайлажа абахагүйб. Тарган мяханда, хатуу архида дурлахагүйб. Энэ хэлэһэн минии шахаа-тангаригые Эрлин-хан дуулаг. үндэр тэнгэри эсэгэмнай мэдэг! үргэн дэлхэй эхэмнай гэршэлэг! Энэ хэлэһэн үгэһэнь алад алдажа, хэлээ болоболни, гэшхэжэ байһан газарһаань алад алхаа болболни: аха-алтан минии алхаар барагдаг! Гэр минии ханьяраг! Толгоймни үһэн ургыдал хагдараг, үзүүрһэнь шарлаг, узуурһаань үмхирэг! Хоолоймни сур адли хухараг, солонни суухадал адли тэһэрэг! Энэ ябаһан бөөмни арбан найман ондоо хубаагдажа, зүүн-хойто Эрлигэй тамалгада орог! Нэрэмни һамуу зүүдэнь адли мартуулаг. Налагай үльгэр адли орхюулаг!».

Приблизительный перевод присяги: «Этого посвящения удостоившись, приняв должностную присягу, получив высокое шаманское звание, я должен быть охранителем младенцев, у сирот заменять родителей, бедным помогать, находящихся в пеленках сторожить, дальним людям быть защитником, ближним людям служить ходатаем! Дальних людей не отталкивать от себя, ближних мне людей не приближать к себе (т.е. на всех смотреть ровно и относиться ко всем справедливо). К неимущему на его зов пойду пешком, а к бедному поеду на быке. Большому гонорару не обрадуюсь и малым вознаграждением не оскорблюсь. У печальных людей, поворожив на костяной лопатке, пугая их смертью, не возьму быка, угрожая бедой, не пожелаю взять коня их. Если узнаю, какие

духи-заяны за что разгневались и чего требуют, я скажу по правде и, принося им жертву, постараюсь уmolить и умиловать их. Когда меня позовет бедный, не разгневаюсь. Человеку знатному лицепрятие не окажу, человеку простому на руки его не посмотрю. У бедного коня не отберу и у сироты шубу не сниму (для себя). Ради жирного мяса и крепкого вина не нарушу правила. Благоволение и благодеяние создателей добра для людей спрашивать постоянно обязуюсь.

Все эти мной сказанные клятвенные слова мои да услышит Эрлин-хан! Высокое небо – отец наш спросит! Широкая земля – мать наша засвидетельствует!

Если я скажу лишние слова против присяги и сделаю хоть один шаг в сторону, то пусть все мое достояние разрушится мгновенно, дом мой развалится моментально, дверь юрты моей закроется, дымоход юрты заглохнет! Огонь мой в очаге угаснет навсегда, колья мои обломаются до конца! Голова моя отцветет, как цветы. Волосы мои с конца пожелтеют, с корня сгниют. Ноги мои обломаятся, как дудка. Слава моя лопнет, как пузырь мыльный. Душа моя разделится на восемнадцать частей и спустится на дно восемнадцати темниц Эрлин-хана на мучение до скончания века земного! Существование мое на этой земле забудется как вещий сон и исчезнет как глупая сказка!».

Каждый бурятский шаман по окончании обряда брызганья та-расуна и кровавого жертвоприношения духам обязательно должен обратиться с просьбой к своему шаманскому «удха», вернее, к своим предкам, называя их по именам. Например, «Махашкин хубүүн Аваша-заарин. Энэ газар ударидаһан, шэнэ газар түхээр?-эн Сагадари хубүүн Сада бөө! Дам – дуулаг». Перевод: «Махашкеев сын Аваша-шаман (предок мой). На этой земле посвятивший (меня). На этом свете руководивший, названный отец мой Сагадаров сын Сада-шаман! Все мной сделанное приняв, забытое мной вспомнив, недоделанное мной дополнив, в исправленном виде передайте по назначению!».

Примечание. Иногда кризис начинается очень рано – в возрасте 10 и даже 7 лет. В состоянии критическом человек плохо себя чувствует среди людей, появляется склонность к самоубийству, видит странные сны и видения, временами теряет сознание. Он

все чаще впадает в экстаз, начинает ходить на все шаманские камлания (обрядовые действия) и, наконец, решается объявить, что побывал в стране мертвых и ему велено стать шаманом (Белов Н.В., 1999).

Живой пример из жизни автора: чабан Еремей в улусе Ехэ-Жалга в одно время сильно болел, как говорится, на ногах, несколько лет подряд. Просто стал худым – кожа да кости. Что болит, и сам путем не понимал, ибо нормально не мог спать и потерял аппетит. Потом он в беседе по душам своему брату раскрылся, что его каждую ночь напролет мучают духи, заставляют шаманить, а он все отказывается от этой работы. Все-таки старший брат посоветовал ему дать согласие бурханам. После того как он дал согласие честно и добросовестно служить своим бурханам-заянам для исцеления людей, он сразу же начал поправляться, стал спать лучше и появился аппетит. На этой божьей службе он проработал до глубокой старости, пока сами бурханы и заяны не забрали его к себе.

Краткие выводы к главе I

I. Шаманизм – традиционная религия бурят и эвенков, название которой связано со словом «шаман» – посредник между миром людей и миром духов. Главное и характерное для шаманизма – обожествление сил природы и умерших предков. Культ шаманства является формой первобытной религии, основанной на анимизме. Согласно ему каждая вещь имеет свой дух, душу. В числе духов есть главный дух – покровитель шамана, на служение которому он обрекает себя; есть духи-помощники, которые служат также шаману.

Отдельно взятая модель шаманизма западных бурят (Иркутская область) представляет собой неотъемлемую часть общепермского шаманизма. Молебны и ритуалы шаманы проводят, придерживаясь общего сценария ритуальных обрядов бурятских шаманов.

II. Классификация шаманов. Классифицировать шаманов у бурят Иркутской области можно по степени их силы и ряду посвящений. Самые «слабые» бурятские шаманы назывались «хуурай бөө», т.е. «сухой шаман». Т.М. Михайлов отмечает, что шаманы

делились на две группы – непосвященные и посвященные. Непосвященные имели разные названия в зависимости от «удха» – происхождения и функций.

1. Хаялгаша бөө – шаман, занимающийся только капаньем или брызганием вина (дуһаалга).

2. Ябаган бөө – пеший шаман, т.е. не имеющий трости, он тоже обладает функцией дуһаалга.

3. Хуурай бөө – «сухой шаман», т.е. не совершивший омовение тела, функции его те же, что у первых двух.

4. Заяанай (найгуурай) бөө – шаман, действующий в связи с найгуром, получивший это право от заяанов.

5. Тайлгаша бөө – тайлганский шаман.

6. Минааша бөө – человек, имеющий кнут.

Существовали 9 степеней посвящения, последняя, девятая, давала право называться «Заарин бөө», что означало «высший», «самый важный».

III. Борьба тарасинских и обусинских шаманов. Самую неприятную и опасную сторону жизни шаманов составляет то, что они у бурят в постоянной вражде друг с другом. Причиной этому служит: конкуренция, тщеславие, вражда предков шаманов (удха) и т.п. О бывших столкновениях и войнах между шаманами северо-западными обусинскими хородутами и юго-восточными тарасинскими аханутами и другими шаманскими родами в среде бурят Иркутской области до сих пор существуют разные предания.

IV. Уг, узуур и удха – наследственность. В шаманстве бурят огромное значение имеет культ шаманских предков, божества (Тэнгэри) и различных духов. Одним из значимых культов в традиционных верованиях западных бурят является шаманское происхождение (дар, корень или наследственность) – удха–удха узуур. Каждый человек носит в себе как духовную, так и телесную жизненную силу, которыми наделен от природы. Материальным носителем наследственной информации являются молекулы ДНК.

ГЛАВА 2.

2.1. О шаманящем хором сборище

По-бурятски «Бөөлөөшэн» – шаманить толпой, хором. Такие бөөлөөшэны с давних времен и до наших дней возникали среди бурят несколько раз. Бөөлөөшэн – это какое-то эпидемическое, заразительное, социальное, психическое, нервное расстройство многих людей одновременно. Начинался такой недуг следующим образом: какой-нибудь человек в улусе вдруг делался ненормальным, т.е. хмурым, больным и умственно тронутым. Он казался помешанным и начинал заговариваться, а затем принимался шаманить в честь какого-нибудь духа, вселившегося в него. Такими духами-заянами были души умерших шаманов или шаманок, погибших в молодых летах и не оставивших на земле потомства. Такими духами были – тангарани-балехай из обусинских шаманов хородутского рода (подробности о них помещены в записи о хородутах). Хоринские заянки, Борэевы дочери, о них тоже написано в разделе «Дуулаашаны».

Последний большой бөөлөөшэн под названием «Шуумар-заяан» был у иркутских бурят в конце 1849 года и в начале 1850 года прошлого столетия, о нем будет сказано ниже. Человека, заболевшего от вселения в него духа, буряты называют «заяанда дайрагдаһан хүн», т.е. «духом-заяном задетый человек». Такой задетый духом субъект некоторое время шаманит дома. В это время он заводит себе нагайку и большой поддужный колоколец (дар Валдая), привешивает к нагайке и колокольцу белые и синие кисти, ленты из разных тканей шириной около 1/2 аршина. Такие же ленты навешивают к тем же предметам люди во время посещения ими дома одержимого духом человека, готового шаманить и быть инициатором бөөлөөшэна. Он получает звание «минааша» – предводитель и регент. Затем минааша, вооруженный нагайкой и колокольцем, взмахивая первым и звеня вторым, неистово шаманя, отправляется по улусу от края до края, из дома в дом без пропуска, где его встречают со страхом и трепетом, с «һаном» – зажженным на горящих углях в черепке, гангой – богородской травой или же арсой – можжевельником таежным. «һан» – это своего рода фимиам, зажженный в честь того духа, который вселился в

минаашу. Вселившийся дух устами минааши передает народу свою биографию, силу и славу, также свою печаль и тоску от преждевременной смерти, поскольку не успел оставить после себя потомство. Шаманящему минааше во время его посещения хозяева дома, кроме һан, подают сагаа, т.е. молоко в чашке и затем тарасун или вино. Эти напитки минааша наливает из бутылки в свой священный колоколец и, прокапав несколько капель на һан, выпивает столько, сколько требуется, остаток передает хозяевам, и этот остаток вина он называет «бурхашуулай үлээдэһэн», что значит «остатки священного напитка от богов», который имеет целебные свойства. Сами хозяева должны его принять, вернее, выпить как аршан.

Минааша нигде не садится, стоя выпивает поданое ему угощение, ни о чем постороннем не заводит разговор и, непрерывно шаманя, спешно уходит для посещения других домов. После посещения минааши вскоре обычно заболевает кто-нибудь из семьи, большей частью из молодых. Такой больной жалуется на сильную головную боль, его знобит, трясет злая лихорадка, во сне он бредит, плачет и начинает говорить разную чушь. В таком случае немедленно приглашают минаашу, который, придя к больному, неистово шаманит, бьет больного изо всей силы нагайкой по спине и лопаткам, заставляя его шаманить, т.е. вторить ему. Наконец он уводит пациента с собой из дома, чтобы ходить с ним, шаманя по улусу, по всем домам и, таким образом, за недолгое время минааша набирает себе большую свиту. Эта свита шаманит хором, шатаясь, не разбирая ни дня, ни ночи, даже по соседним улусам, и там заражают других людей своим примером. Вскоре в тех улусах составляются такие же улусные бөөлөөшэны с собственным минаашей, который набирает себе свиту из своего улуса. Таким образом, создаются особые самостоятельные группы беснующихся людей, не зависящих друг от друга, которые, переходя из дома в дом, кормились за счет улусного населения. Все боялись бөөлөөшэнов и, чтобы не прогневить того духа, которым были одержимы все принимавшие участие в бөөлөөшэне, их обильно поили и кормили, как бы угощали духа-заяна, внедрившегося в каждого шаманящего.

Слишком большая группа бөөлөөшэна, собранных из разных улусов, создавала большое неудобство для сельчан. Прокормить такую ораву одному улусу было трудно. Кроме того, самим

бөөлөөшэнам приходилось испытывать неудобства относительно размещения, а самое главное, возникало острое соперничество минаашей, которое могло перейти в столкновение между ними. Поэтому бөөлөөшэны разбивались на небольшие отряды и продолжали свои походы по разным улусам. Такая сумасшедшая оргия продолжалась в течение многих месяцев и даже лет, переходя из ведомства в ведомство. Первый бөөлөөшэн пришел к северобайкальским бурятам через Тунку в Аларь, он назывался «дуулаашаанаар бөөлэхэ» (подробности в записи о дуулаашанах).

Вторая «эпидемия» бөөлөөшэна настигла иркутских бурят в тридцатых годах прошлого столетия – так называемый «Балехаяар бөөлэхэ» (подробности об этом бөөлөөшэне в записке о хородутах).

Третий большой бөөлөөшэн начался в конце сороковых годов прошлого столетия и просуществовал несколько лет без перерыва, бөөлөөшэн этот назывался «Шуумараар бөөлэхэ». Толпа, шаманящая во время хождения по улусам, носила впереди, как знамя, блестящий широкий топор и деревянную внушительного размера дровокольную колотушку. Высоко держа их над головой, они показывали народу такое чудо. В доме какого-нибудь обывателя по команде минааши один из его свиты ложился посреди комнаты на спину, другой, держащий топор, приставлял лезвие к голому животу лежащего, а третий изо всей силы ударял по обуху топора колотушкой. Человек оставался жив и невредим, а такой финал фокуса выдавался как чудо. Видевшие это люди с благоговением молились и признавали шаманящих как действительно одержимых духом могущественного Шуумара, в честь или по воле которого они шаманили.

Однако этот шаманский фокус не обошелся без последствий. Один из тарасинских больших шаманов – Буяшка, производя действия топором и колотушкой по вышеописанному способу, как-то рассек мочевого пузырь одного бурята и тот от неудачного фокуса умер. Это происшествие окольными путями дошло до сведения земского заседателя, имевшего в то время резиденцию в с. Черемхово, фамилия того заседателя была Руковишников. Он приехал в Тарасу расследовать происшествие на том месте, т.к. донос поступил к нему неофициальным путем. Там он сошелся с шаманом Буяшкой и дело замял, за что получил взятку от шамана

500 рублей и поехал домой в Черемхово. В повозку ему запрягли тройку лошадей и посадили ямщиком бурята, бобыля и отчаянного шутника Сахьяна Маланова. Этот ямщик, переправляясь вброд через реку Иду, как раз на ее середине посадил в грязь всю тройку лошадей и повозку с заседателем. Действие происходило напротив русской деревни Мамруково. Народ той деревни, собравшись на берегу, смотрел, как барин увяз среди речки в грязи. Руковишников, очутившись в таком безвыходном положении, приказал ямщику Маланову звать мужиков, глазающих на берегу, и вытащить увязшее в грязи начальство. Во исполнение приказания начальника ямщик начал во всю глотку орать: «Эй, слушайте! Тройка конь пропал, Сахьяни Маланиха пропал, Руковишников – заседатель пропал, 500 рублей денег пропал!». Конечно, за такую свою выходку ямщик Маланов был награжден от барина в достаточном количестве подзатыльниками и тумаками по разным частям тела. Об этом трагикомическом случае с заседателем Руковишниковым в Бохане говорили долго.

Кроме вышеописанных трех больших бөөлөөшэнов, в последующие времена новые бөөлөөшэны возникали несколько раз в разных местах, но, не принимая широкого распространения, вскоре прекращались. Надо полагать, что в теперешнее время среди современных бурят подобные бөөлөөшэны больше нигде не возникнут, ибо люди достаточно прозрели.

2.2. Ехэ-онгон

В прошлом буряты считали, что все зло и добро на земле происходит от тэнгэринов и подчиненных им духов, поэтому тэнгэринов и духов надо всегда умиловать разными жертвами через шаманов, по их совету и указанию. Изображения таких духов называют онгонами. Онгонов почитают как святых, им ставят угощения и молятся, выпрашивая милости: благоденствие, здоровье, долголетие потомству – все то, что нужно для безбедного и безмятежного существования на земле. Среди многочисленных онгонов главенствующее место в шаманском культе бурят занимал так называемый Ехэ-Онгон, т.е. множество или группа онгонов. Данный онгон представлял из себя собрание изображений целого ряда духов как небесного, так и земного происхождения. В старину та-

кие сборные онгоны имели только зажиточные люди, ибо они обходились весьма дорого. Ехэ-Онгон делался, например, в Алари в три приема, с перерывами не менее трех лет.

Сначала делали три фигуры, вырезанные из войлока, которых одевали в шелковые шубы, выдровые шапки с кистью из филиновых перьев (в знак небесного происхождения) и две фигуры «нахураев» (приставшие чужие духи), одетые в черные кафтаны из бумажной ткани и в черные шапки из мерлушки. Первые три фигуры изображали трех старших небесных дев из девяти дочерей Эсэгэ Малаан Тэнгэри, спустившихся на землю.

Во второй раз делали точно такие же три фигуры, изображавшие средних трех сестер. Затем – последние три фигуры младших сестер, и к этим девяти фигурам и двум нахураям прибавлялись изображения солнца, луны и звезд в виде деревянного раскрашенного красной краской креста. Такой онгон считался хүсэд-онгоном, т.е. законченным полным онгоном. К девяти дочерям Эсэгэ Малаан Тэнгэри пристали под видом конюхов или стремянников два нахурая-тунгуса (урянхайцы) – оба шаманы. Кроме них, к дочерям присоединились и всюду сопровождают их как свита множество духов разных больших и знаменитых шаманов и шаманок, когда-то живших на земле и чем-нибудь отличившихся, но изображения таковых аларцы не делают. По описанию Агапитова и М.Н. Хангалова, число духов, вошедших в состав Ехэ-Онгона или хуутэ-онгона доходит до 58, а фигур, вырезанных из материи и нарисованных, – до 38.

Выше было сказано, что ехэ-онгонов заводили только богатые буряты, т.к. это было дорогостоящее мероприятие. Церемония по сооружению онгонов длилась в течение трех суток непрерывно, днем и ночью. Все это время хозяин обильно угощал многочисленную публику, которая должна была ему помогать в проведении этой церемонии, а именно: шить фигуры онгонов, колоть жертвенный скот (посредством үрлэхэ–разрыва аорты), готовить мясо по обряду, разделяя его по суставам и не ломая костей, тщательно вырезать толстые жилы и т.д. Кроме того, приглашенные люди должны были петь много веселых песен, плясать ехор и всячески веселиться. По обычаю, обязательно требовалось, чтобы при исполнении обряда «онго-хэхэ» (делать онгонов) все присутствующи-

щие были довольны угощением, веселы, играли, громко смеялись и даже шаманили, призывая игровых комических онгонов, иначе большие онгоны будут недовольны и не дадут ожидаемого блага.

Для сооружения Ехэ-Онгона приглашался шаман, хорошо знающий свое дело. Проведение обряда «онго хэхэ» было нелегким делом даже для опытного шамана. Ему надо было помнить имена и степень старшинства всех духов без исключения; помянуть всех духов, входящих в состав онгона; призвать их по порядку, не путая степень старшинства; угостить каждого духа и прославить его; объяснить роль и значение каждого духа в жизни бурят и т.д. Если же шаман по незнанию, оплошности или небрежности что-то упустит, не так прославит или обидит какого-нибудь духа, то считалось, что разгневанный дух может испортить весь обряд «онго хэхэ», и тогда все усилия заводящего онгон пропадут даром. А самому шаману может не поздоровится.

После успешного проведения обряда по заведению онгона шаману полагался солидный мэнзэ (гонорар). Смотри по его достоинству и усердию, ему дарили набор новой, с иголки, богатой одежды, кроме шапки. У бурят дарить шапку было тяжким грехом, т.к. считалось, что шапка имеет отверстие книзу вроде крышки, а крышка символизировала конец всего, и даже жизни на земле. Кроме одежды, на шею шаману навешивали на шелковом шнурке золотую или рублевую серебряную монету и давали самую лучшую лошадь.

По поверью бурят, Ехэ-Онгон по доброму желанию мог даровать чтущим его многочисленное потомство и бесчисленное количество разного рода скота и таким образом вполне удовлетворить чаяния бурята в земной жизни, потому и заводили так дорого стоящего онгона.

При женитьбе сыновей первым долгом молодых приводили на поклонение отцовскому Ехэ-Онгону по установленному порядку. Предварительно Ехэ-Онгон вынимали из футляра и раскладывали рядами на чистом, не бывшем в употреблении, белом войлоке. Перед онгоном ставили угощение, которое состояло из полного жбана тарасуна, мяса и разного рода кушаний из молочных продуктов. Далее воодружали свадебное түрэ, на который надевали богатую женскую шубу, призванную служить символом подарка

онгону. Двух нахураев погружали вниз головою в котел с только что сваренным саламатом с обильным маслом, т.к. считалось, что нахураи – большие любители саламата с маслом.

Если у бурята, имеющего Ехэ-Онгон, есть женатый сын или сыновья бездетные или малолетние, то по совету шамана устраивали так называемые «эсэгтэ онго тайха», что буквально означает: «отцовских онгонов угостить». Для проведения этого обряда требовалось: молодая жирная кобылица, несколько жирных баранов для жертвоприношения, большое количество тарасуна и русской водки, разного рода молочные продукты: үрмэ (молочная пенка), саламат (мука, вареная в сметане), тарак (квашеное вареное молоко), масло топленое, амһан (крупа, вареная в молоке).

Кроме приготовления угощений, родителям полагалось сделать подарок «үмдэхэ», т.е. приготовить новые, специально для этого случая сшитые одежды. Для матери это были обязательно шелковые штаны (шаровары), к которым пришивали рублевую серебряную монету с изображением царицы, а не царя, потому что подарок предназначен женщине-матери, т.к. одежда из ткани недолговечна, чтобы увековечить подарок, к одежде пришивали серебряную монету.

По окончании молебствия, угощения онгонов и огня на очаге отцовской юрты начиналось поклонение родителям, которые сидели рядом на хойморе, т.е. на почетном месте позади очага, на северо-западной стороне юрты. Сначала сыновья и невестки кланялись им три раза до земли и подносили обоим родителям в больших чашках (аяга) водку и тарасун. Поочередно кланяясь, они поили их до тех пор, пока родители не сваливались на спину, не вставая с места (гэдэргээ һарайһаар), причем, мать непременно должна была, лежа на спине, растянуться и раскинуть ноги так, чтобы монета, пришитая между ног к шароварам, была ясно видна всей публике. Тогда люди воочию убеждались в том, как почтили, напоили и одарили дети свою мать.

На другой день утром совершался обряд сожжений грудной кости от жертвенной овцы на очаге отцовской юрты. Затем сын и невестка должны были съесть так называемый хэһэг – вырезанный из грудины, обжаренный на огне жирный кусок мяса. Во время этого ритуала использование ножа не допускалось. Далее вы-

полнялся шаманский обряд по укреплению семейных уз. Для этого брали часть вареного мяса, которую определял шаман, клали в ведро, наливали туда немного молока или курунги и втыкали в мясо стрелу (далангайн номо). После этого шаман проводил освящение посредством «далангаа хурылха», т.е. с ведром в руках он делал кругообразные движения по ходу солнца – алмазной луны) алмаз шулуун (см. в словаре Подгорбунского), высокого неба, широкой земли, огня, воды, барууни-хадов, онгонов и т.д. После освящения и принятия от шамана даланги из дома или юрты ничего нельзя было давать на сторону в течение трех суток, дабы сохранить дома благодать – «хэшэг». Затем в заключение всего обряда «онго тайха», приступали к обряду «хүн шудхаха» (олово лить). Молоко наливали в деревянную чашку, которую держал старший сын семьи, и сверху покрывали тонким слоем овечьей шерсти. Затем шаман, призывая заянов-духов, торжественно лил в чашку расплавленное олово. В это время все присутствующие благоговейно молились правой рукой, громко произнося слова «хуу тудaa, хуу тудaa», т.е. выражали этим восклицанием пожелание, чтобы вылилась желаемая благодатная фигура «хүн» («хон»). Затем остывшее олово вынимали из чашки, все члены семьи обсасывали оловянную фигурку и после ее осмотра высказывали свои предположения по поводу ее формы. Если «хүн» имела хоть отдаленное сходство с фигурой человека, то все радовались, веря в то, что будут дети: если олово принимало гладкую и круглую форму, то будущее сомнительно, а если олово распадалось на мелкие части, то это было весьма плохим признаком. Потом фигурку «хүн» клали в шелковый мешочек, подвешивали к вышеупомянутой стрелке «далагайн номо» и там хранили как святыню.

Несмотря на желания бурят и напоминания шаманов о дополнении начатых Ехэ-Онгонов, подавляющее большинство их оставались незаконченными до самой смерти заводящих, т.к. им было уже не под силу полностью укомплектовать онгоны ввиду больших расходов. После смерти хозяина все имеющиеся онгоны должны были быть сожжены путем проведения особо сложной церемонии упразднения-сожжения, называемой «онго харюулха». Этот обряд тоже недешево обходился наследникам. В ходе этого обряда шаман камланием должен подробно объяснить онгонам причи-

ну их упразднения: «Кто вас заводил, уже умер, а его юрта, где вы до сих пор обитали, сгнила, ее углы разошлись, стены развалились, так что здесь для вас уже не подходящее место. Потому предлагаю и умоляю вас подняться и отправиться туда, где вам следует быть в данном случае. Пусть у вас будет все впереди без препятствий, а позади без претензий и без оглядки назад».

Наилучшим временем сожжения онгонов считается весна или осень, когда наступает сезон перелета гусей и лебедей на север или на юг. По толкованию шаманов, это самое удобное время для переселения онгонов с места на место. По поверью бурят, оставшиеся после смерти хозяина онгоны никакой пользы наследникам не приносили, скорее вредили им, потому последние и стремились как можно быстрее их упразднить и, если позволяли средства, обзавестись своими новыми онгонами.

Как исключение, у унгинских бурят из кости Ханъян существовал так называемый «Бурто үбгэн» – единственный наследственный онгон, переходящий из поколения в поколение. Такой онгон был в старину и у аларцев, имевших какую-нибудь родственную связь с хангинским родом. Теперь аларцы уже давно не делают подобного онгона.

Кем, когда и где был выдуман и создан первый «Ехэ-Онгон», мне в точности неизвестно. В настоящее время таких онгонов в Алари уже никто не делает. Нет и шаманов, умеющих создавать многосложный Ехэ-Онгон и знающих поименно весь состав онгона. Существовавшие аларские шаманы измельчали, захирели. На моей памяти, около шестидесяти лет тому назад, последний Ехэ-Онгон был сделан у аларского бурята Мухара Хамхалова.

Полагаю, что первый Ехэ-Онгон возник у иркутских бурят, т.к. все причисленные к этому онгону духи шаманов и шаманок были уроженцами Северобайкальского района, и места обитания девяти небесных дев, главных лиц онгона, также находятся в Иркутской губернии. Что касается Забайкалья и Монголии, то в сказаниях и преданиях бурят упоминаний о них нет и в помине (возможно, я и ошибаюсь в данном случае).

В одной из аларских легенд о возникновении Ехэ-Онгона говорится следующее. Небо и Земля породнились. Небо за своего сына высватало дочь Земли, а Земля за дочь потребовала в виде калы-

ма от Неба солнце и луну. Небо отдало эти светила, и тогда на Небе стало темно, потому что Земля заперла солнце и луну в ящик. Небо не смогло придумать способа возврата небесных светил обратно и послало гонца за Заря-Заргаши, который считался таким же тэнгэри - небожителем, как и сам Эсэгэ Малаан Тэнгэри. Этот Заря-Заргаши был всезнающим и равного ему в знании всего на Небе не было. В легенде настоящее его имя не называется. Слово «заря» происходит от слова «зариха» – разговаривать сам с собой, судачить и т.д. «Заргаши», значит судачить чужие дела и действия, критиковать. М.Н. Хангалов называет его «Заря-зарга» и объясняет, что это «еж». С таким объяснением я согласиться не могу, т.к. еж по-бурятски называется «заря», но это слово происходит от совсем другого корня, т.е. зариха – ошетиниться, что в действительности бывает, когда еж пугается или защищается от нападения.

Это у Заря-Заргаши Эсэгэ Малаан Тэнгэри надеялся получить совет и указание как поступить в данном затруднительном случае, т.е. возвратить солнце и луну на Небо. Он строго приказал своим девяти сыновьям и девяти дочерям ни в коем случае не смеяться, когда Заря-Заргаши будет входить в юрту, ибо Заря-Заргаши не имел ног и не ходил, а катился, как мячик, был очень безобразен и страшно обидчив. Когда Заря-Заргаши вкатился в юрту, все 9 сыновей и 9 дочерей Неба, увидев его, не смогли удержаться от смеха и расхохотались. Заря-Заргаши, обидевшись и сильно осердившись, ушел, ничего не сказав. Тогда Небо послало пять зверей, чтобы пошли по следам Заря-Заргаши и послушали, что он будет по своему обыкновению говорить сам с собой по дороге. Посланные пять зверей были: шандаган – заяц, инзаган – козленок, үен – горностай, хэрмэн – белка и холонго – хорек. Заря-Заргаши, катясь обратно домой, ругался и проклинал детей Эсэгэ Малаана Тэнгэри и, между прочим, говорил: «Глупое небо Эсэгэ Малан Тэнгэри не может держать в подчинении своих детей. Они смеются надо мной. За это пусть же его девять сыновей спустятся на Землю и сделаются девятью онгонами. Небо отдало Земле солнце и луну и не может их обратно взять у Земли, а для этого нужно пойти к Земле в гости и попросить у нее эхо леса и мерцание воды (иные говорят, что надо просить воздушный мираж и водяную рябь). Земля будет не в состоянии поймать ни эхо леса, ни мерцание воды и вынужде-

на будет отдать назад солнце и луну».

Звери подслушали слова обиженного Заря-Заргаши и передали их в точности Небу. За точное исполнение своей миссии они получили от благодарного неба почетные звания «хошута», т.е. передовые чистые звери, и по сие время шаманы употребляют как необходимый атрибут при камлании шкурки этих зверей под названием «табан хошута». Высокое Небо спустилось к широкой Земле в гости и попросило подарить ему эхо леса и мерцание воды, но три сына Земли не смогли поймать их. Тогда Земля отдала Небу обратно солнце и луну.

Проклятие Заря-Заргаши между тем исполнились. Девять сыновей Неба спустились на Землю и стали девятью юго-западными хадами, а девять его дочерей, тоже спустившись на Землю, стали у бурят Ехэ-Онгонами: «Олон түмэн-усайтан, хамаг түмэн-хасайтан». Небесные сыновья поселились на Саянских гольцах Мундурганах, а девять дочерей сперва осели вблизи устья реки Аха, по-русски Ока, левый приток Ангары (на горе «Айха» кладбище, где хоронят трупы шаманов). Но там им не понравилась местность, оттуда они переселились в Унгу и отаборились на девяти высоких горах Еһон-түрөөн. Это на восток от бывшей Балаганской степной думы, там тоже они прожили недолго. Это место оказалось беспокойным: горы шумели, скалы гремели, тайга трещала, верблюды скрежетали зубами. «Тэнгэри байжа тэнэг, бурхан аад буруу», т.е. тэнгэри глуп, хотя он бог, но не прав. И потому они решили уйти оттуда, но при выборе нового местожительства произошло разногласие, в результате которого они разделились на три равные группы.

Три старшие сестры Хан-Хатан, Хатхуур-Хатан, хута-Хатан ушли вверх по реке Оке и поселились на высокой горе Ахайн харьхан. Однажды эти небесные девы после купания в реке Оке сидели на скале Ахайн харьхан и расчесывали золотыми гребнями свои волосы. К ним приплыли на берестяной лодке двое молодцев (тунгусы или урянхайцы-уйгуры), остановившись под скалою, любовались красотой этих девиц, говорили им на непонятном уйгурском языке, стали заигрывать неотступно с ними, плеская веслом воду на них.

Наконец, девы осердились на такую дерзость их, вызвали вол-

шебством с неба сильную бурю с крупным градом и молнией, утопили этих нахальных кавалеров в глубине реки Оки. Однако этим девы не отделались от них и после их смерти. Духи этих двух молодых не отставали, т.к. они были влюблены в этих дев. В конце концов девы были вынуждены принять обоих духов на должности своих конюхов. Вот эти конюхи стали называться нахураями. И в наше время буряты называют нахального, навязчивого человека нахураем, а чаще именуют так волокиту за женщинами. Есть лица, утверждающие, что эти нахураи были не только конюхами, но имели близкие отношения с небесными девами, обитающими на окинском Харьхане.

Три средние сестры – гурбан тээли басагад (Оргойто-Хатан, Эхэ-Хатан и Орбосор-Хатан) ушли на правую сторону Ангары и поселились на обусинских трех высоких горах (Уула).

Три младшие сестры – гурбан одхон басагад (Бэлэкшэ-Хатан, Хэлдэр-Хатан, Бэшэгшэ-Хатан) поднялись вверх по реке Белой, побурятски Бүлэн, и там поселились на гольцах. Вот эти девять небожителей составляют основу-ядро Ехэ-Онгона. К ним причисляют солнце, луну, девушку из кости Сагаан-баргад, похищенную солнцем и проигранную луне. В качестве товарищей и свиты упоминаются тэнгэри: Уха-Солбон – покровитель табуна, его пастух Доедэ, большая букотская шаманка Хан-Хутю, она же хүгшэ гүүтэй (подробности о ней см. в приложении), ее зять, знаменитый кудинский шаман Түнхэ-Галзуу, он же холонгото үбгэн, посвятивший на своем веку 90 шаманов и 80 шаманок, большая шаманка из кости Монхалют (люди названной кости ныне живут в Боханском аймаке в Янгутах, вблизи высокой горы Хатан-Уула); Хатан-Майлаган – жена хана Бата-үбгэна (этот последний играет в игровом онгоне роль обманутого мужа: его жена Хатан-Майлаган убежала от него с Уха-Солбоном и от него родила сына Хитаран-заарина, который впоследствии был большим шаманом; шесть дочерей Бажигалдая из кости нижнеудинских Шарайт, которых называют «тэнгэрин зургаан галзуушан» – шесть небесных бешеных дев. Имена остальных духов Ехэ-Онгона мне неизвестны.

Говорят, что все игровые онгоны в полном составе входят в число Ехэ-Онгона, но они имеют там второстепенное значение. Надо заметить, что шаман по окончании угощения главных духов

онгона приступает к угощению мелких духов-прихвостней, аттестуя их так: «Хойно ябаашад, хожом мордоошод, муу моритон, мохой хутагатан» – (позади едущие, поздно выезжающие, владельцы худых лошадей и тупых ножей, духи, ешьте и отправляйтесь), «урагшаа уба-убэ, хойшоо хошоо үгы» (вперед без задержки, назад без претензий к нам).

Шаман, когда начинает призывать поочередно, по старшинству духов онгона, сначала говорит от себя, но когда призванные духи вселяются в него по порядку призвания, тогда он шаманит неистово, с пенкой у рта, со слезами на глазах, быстро кружась, прискакивая, выговаривая слова самих вошедших в него духов, иногда пророчествует, предсказывая будущее. В то время шаман действительно бывает страшен и напоминает бешеного человека. Игровых онгонов призывают второстепенные случайные шаманы, находящиеся в числе публики при созывании Ехэ-Онгонов.

Для дополнения аларского материала об Ехэ-Онгоне приведу записи народного учителя-бурята Матвея Фортунатовича Мадасова, разрешившего мне воспользоваться ими, за что приношу ему мою глубокую признательность. Записи касаются шаманки Хан-Хутю и ее зятя, известного шамана Түнхэ-Галзуу. Мифическое сказание о рождении и жизни этого кудинского шамана мною составлено на основании записей М.М.Барбаева, В.И.Подгорбунского и лично мною же собрано у разных лиц.

Из записей Матвея Фортунатовича Мадасова

...Эдир нашан Шитүүхэй (удалой ястреб Шитүүхэ) был кулметского рода Балаганского ведомства, ныне Унгинского хошуна Аларского аймака. Прозвище «Удалой ястреб» он получил оттого, что переборол забайкальского силача-борца по прозвищу «Уулабүхэ» – гора-витязь. Шитүүхэ победил его не силой, а ловкостью и проворством-сноровкой. Ибо его сила была далеко слабее силы своего соперника.

Шитүүхэ был женат на девушке из Аша-абагатского рода Балаганского ведомства, ныне Кимильтейской волости. Жена Шитүүхи была шаманкой, ее звали Алакшан, она родилась с цельною серебряной сережкой в правом ухе. Когда ей было восемь лет от роду, то она, разгневавшись на родителей, превратилась в малень-

кую птичку и улетела ввысь и скрылась из вида. Опечаленные родители обратились к букотской шаманке Хан-Хутю, прося ее возвратить им улетевшую дочь. По приезде к ним шаманка приказала приготовить игрушки, куклы и разные сладкие кушанья, какие девочка любила, и все это разложить на столе, покрытом белым войлоком.

Затем шаманка начала призывание о возвращении улетевшей девочки, которое продолжалось целый день. Наконец под вечер, с высоты стала спускаться птичка и села на войлок, где были разложены игрушки и кушанья. На шее у птички оказались навешаны девять маленьких толи (металлические зеркала). Мать девочки, сидевшая рядом с мужем возле войлока с игрушками, вскочила на ноги, протянула руки, чтобы поймать птичку, но та не далась, вспорхнула, улетела ввысь и скрылась из вида.

Тогда шаманка рассердилась, стала пенять и укорять ее, что она поступила опрометчиво, не смогла удержать себя до того времени, когда птичка успела бы принять человеческий вид и стала бы кушать и играть, тогда-то и следовало поймать ее, а теперь возвратить ее стало очень трудно. Но шаманка все-таки продолжала призывания, которые на этот раз затянулись на целых три дня. На исходе третьего дня, под вечер, птичка опять спустилась с высоты и уселась на войлок. В этот раз на шее у нее висели только два толи.

Когда птичка преобразилась в девочку и принялась кушать и играть, ее мать тихонько подкралась и поймала ее за обе ручки. После этого девочка от родителей больше не улетала, стала спокойно жить дома, расти и работать. Однажды у девушки таинственно исчезла из уха ее сережка, с которой она родилась. Все дивились, как это могло случиться, ведь сережку нельзя было открыть, потому что она была цельная, и сломаться она не могла. Так и осталось это загадкой неразрешенной.

Спустя некоторое время прошел слух, что та самая сережка тоже таинственно вделась в цельном виде в ухо вышеупомянутого Эдир-нашан-Шитүүхэ. Когда аша-абагатская девушка выросла и стала невестой, к ней из Унги приехал Шитүүхэ сватать себе в жены. По сережке она догадалась, что это и есть предназначенный свыше жених, вышла за него замуж и уехала с ним в Унгу,

захватив с собой оба свои толи, которые потомки хранят как небесные святыни и по сей день. Говорят, что около 25 лет тому назад французский путешественник Лаббе видел эти толи и предлагал за них большие деньги, но владельцы их не продали.

У Шитүүхэ были две дочери, которые умерли в молодых годах и сделались заянами-богинями. Унгинские буряты называют их «Абагайтан» или «Мункольжин» и приносят им жертвы и молебствия, прося у них покровительства и всякого рода блага. У того же Шитүүхэ был единственный сын, имя которого было Урянхай, впоследствии сделавшийся большим могущественным шаманом. Однажды он ездил с другим белым шаманом Багандаем в Тунку для поклонения и жертвоприношения Буха-Ноену.

Когда они прибыли в Тунку и стали у тамошних бурят торговать барана для тайлгана Буха-Ноену, то тункинский белый шаман воспретил продавать им барана. Таким образом, не имея возможности достать жертвенного барана, шаман Урянхай, обозлившись, лег навзничь и грозил призвать своих черных злых духов, чтобы они напустили на тункинцев разные болезни и бедствия.

Тогда тункинский шаман сказал своим сородичам: «Уговорите Урянхая, чтобы он не шаманил и не насылал своих злых духов, а барана дайте ему даром, но с тем условием, чтобы по совершении тайлгана эти шаманы не брали из мяса жертвенного барана даланга, а съели бы дочиста, на месте, с присутствующими на их тайлгане тункинцами». На такое предложение оба наших шамана, безусловно, согласились и принесли жертву Буха-Ноену.

На обратном пути в первом ночлеге Багандай говорит Урянхаю: «Далангая дээжэ бария даа гэжэ», т.е., подняв далангу вверх, угостим здешних эжинов, духов, хозяев. Тогда товарищ Урянхай с удивлением спрашивает: «Откуда и какая даланга? Ведь вчера мы все тайлганское мясо, согласно уговору, съели с тункинцами!?». Багандай ответил: «Вчера я успел в темноте, ночью, крадучись, спрятать под свою косу два маленьких кусочка мяса, вот они!». Теперь унгинцы говорят, что благодаря тем двум кусочкам мяса даланга потомки Багандая до сей поры живут зажиточно, а потомки Урянхая – бедно.

Шаман Урянхай долго враждовал и духовно воевал со многими нижеудинскими урянхайскими черными шаманами, которых

буряты называли «Хүниие эдидэг бөө» – буквально шаманы-людоеды. И после долгой и упорной борьбы ему удалось победить своих соперников-врагов, и то с помощью простого охотника, не шамана, меткого стрелка из ружья, бурята по имени Хорхони.

Однажды шаман Урянхай пригласил охотника Хорхони составить ему компанию и ехать на охоту в качестве товарища на равных правах в добыче, при этом он попросил компаньона припасти как можно больше пуль и пороха для винтовки. По приезде на место охоты Урянхай сказал: «Я буду шаманить, тогда с северной стороны будут прилетать птицы, а ты стреляй их без разбору». Когда с севера начали прилетать вороны и садиться на деревья, Хорхони принялся в них стрелять и убил 69 птиц, но семидесятый ворон улетел, обругав стрелка Хорхони человеческим голосом и наслав проклятье, чтобы он ослеп. Проклятие ворона так сильно смутило Хорхони, что он немедленно вернулся домой. Урянхай тоже с ним поехал домой. Говорят, что от проклятия вороны сам Хорхони не ослеп, но его потомки долго были слабы зрением (теперь этот недуг прекратился).

Хорхони был так сердит на Урянхая за то, что тот его обманом пригласил на охоту, заставив убивать его врагов, накликав на него проклятие и гнев злых духов, что решил отомстить ему. Вооружившись копьем, Хорхони пошел к Урянхаю, но тот, узнав его намерения, лег и притворился спящим, нарочито открыв то место, где у него был хобоһон (такое место на теле шамана, в которое можно втыкать без вреда для него нож, саблю, копье или другое оружие). Хорхони, войдя в юрту, застал Урянхая спящим, с открытым местом под грудью, и, недолго думая, проткнул это место, сказав: «Теперь спи непробудным вечным сном» и поспешил удалиться. Однако не успел он выйти из дала (пристройка к юрте вроде сеней), как услышал голос Урянхая, просящего его вернуться в юрту. С удивлением оглянувшись назад, он увидел, что Урянхай стоит на ногах и приглашает его войти и сесть на почетное место. Пораженный таким оборотом дела Хорхони невольно вернулся в юрту и молча сел на указанное место, а Урянхай стал упрашивать его не гневаться на него за обман и сказал: «Ты по моей просьбе убил 69 ворон и тем оказал мне большую услугу, иначе я не одолел бы своих врагов, соперников-шаманов черных, тебе же за убий-

ство их в виде ворон ничего худого не будет».

Затем Урянхай, обильно угостив и щедро одарив охотника, проводил его с большим почетом домой. Когда же пришло время умирать шаману Урянхаю, это было в начале лета, он попросил своих одноулусников похоронить его останки на другой стороне реки Унги, на которой тогда моста через реку не было. На вопрос своих сородичей, как его перевести на ту сторону реки, не имея переправы, Урянхай сказал: «Я сам все устрою, это не ваша забота». Действительно, после его смерти наступил такой сильный холод на несколько дней, что река Унга покрылась льдом. По льду перевезли труп Урянхая и похоронили на указанном самим им месте».

Теперь приведу легендарное сказание о кудинском шамане Тункое (Тункэ), вошедшем в состав Ехэ-Онгона. Названный шаман был прозван бурятами «һолонгото-үбгэн» (һолонго – желтый хорек) за то, что хорек служил ему ездовым животным и был его хубилганом – изображением онгона. Аларцы делают Тункоя из белой жести высотой около одного вершка, глаза – из двух голубых бисеринок – һубадууд, косу из конского волоса, в конце косы прикрепляют один стеклянный желтого цвета королек «шара-тэнгэри». Затем эту фигуру пришивают к полоске желтого сукна, а полосу верхним концом присоединяют к цельной шкурке желтого хорька.

Этот онгон у аларских бурят находился на внешней стене юрты, с южной стороны. О шамане Тункое аларская легенда передает следующее: «В давно прошедшее время одна двенадцатилетняя девочка была застигнута в лесу сильным, крупным градом, от которого она спряталась в дупло толстой лесины. Когда она сидела в дупле, то некоторые градины докатывались до нее, и она брала их в рот и глотала, в это же время над ней с криком кружились лебеди. Девушка от этих проглоченных градин забеременела и в тринадцатилетнем возрасте родила сына. Этот сын и есть шаман Тункэ.

При камлании, между прочим, упоминается: «Мүндэр эсэгэ-тэй, Хундар удхатай», т.е. град-отец и лебедь святая – начало твое. Впоследствии Тункэ сделался могущественным шаманом и занимал высокое положение в среде бурят как шаман небесного происхождения. Однако в жизни он был в высшей степени ветреный и распутный человек, который от одного вида молодых женщин те-

рял всякую пристойность. Буряты говорили, что он «басагадые харахадаа балбалзажа, үхидые үзэхэдээ үндэлзэжэ ябаһан юм гэжэ», т.е. от одного вида девиц и молодых женщин он трепетал, колыхался и настораживался.

Однажды Тункэ, со свойственным ему разгульно-бурным образом жизни, поехал верхом в дальние улусы погулять на свадьбах, поплясать на нааданах и, как говорится, покутить напропалую. Там он кружился в вихре веселья в течение многих суток и, наконец, очнувшись, вспомнил о своей лошади, привязанной им где-то в лесу. Придя на то место, где была оставлена лошадь, он увидел, что она давным-давно пропала с голоду, а ее труп ел желтый хорек. Тункэ поймал этого хорька и обратил его себе в ездовое животное. Ездил на нем вместо коня и потому был прозван «һолонгото», т.е. владелец хорька. Иногда Тункэ сам превращался в хорька, делаясь обротнем. Одним словом, хорек стал хубилганом Тункоем.

Онгон «һолонгото» буряты заводят в начале семейной жизни, т.к. по поверью, он способствует плодородию и, следовательно, умножению семьи. Западные буряты онгон «һолонгото» в юрту не вносят, а держат на улице, согласно преданию старины о том, что Тункэ еще при жизни был осужден туранским хадом Хан Шаргай-Ноеном за нанесение по озорству обиды и убытков урянхайскому шаману Хандагаю, прозванному «Анда-Бар», т.е. охотничий онгон иркутских бурят. Подробное описание столкновения упомянутых двух шаманов слишком удлинит настоящий материал об Ехэ-Онгоне, потому ограничусь кратким изложением того события.

Западные буряты передают эту легенду так: «Хан Шаргай-Ноен, по жалобе потерпевшего Анда-Бара, присудил Тункою возместить ему убытки и, кроме того, обязал испросить у Анда-Бара прощения, пригласив его к себе домой как гостя. Сверх всего этого Хан Шаргай-Ноен постановил: Тункэ за причиненное Анда-Бару насилие после своей смерти, сделавшись онгоном, висеть всегда на улице, где днем будет жарить горячее солнце, а ночью обдувать и трепать черный холодный ветер «Галаб дүрсэ», до скончания века земного. Анда-Бар, вернее, его онгон, должен находиться в юрте на почетном и уютном месте. Поэтому оба эти онгона у аларцев находятся на указанном Хан Шаргаем месте.

Тункэ был женат на дочери шаманки, упомянутой в записи под

именем Букой Эзы, или Хан-Хутю, она же Кукшэ Гуты. Тункэ и после женитьбы продолжал распутную жизнь. Тогда его жена стала жаловаться на мужа своей матери, и мать обещала усмирить его. Вскоре после того, когда Тункэ плясал ночью на одном наада-не, его теща, шаманка Хан-Хутю, превратившись в молодую красивую девуцу, явилась туда же и увлекла его на любовную связь с ней. С тех пор Тункэ сделался больным, у него отнялись ноги и поясница, и он поневоле «номгороо», т.е. присмирел. Говорят, что Тункэ прожил на этом свете 360 лет. У Эрлин-хана в именном списке не было записи о дне рождения Тункоя, т.к. он был зачат неестественным путем и потому в список смертных не попал, и на том свете эрлики не знали срок земной жизни Тункоя, а, не зная года его рождения, эрлики не имели законного права взять его душу и доставить Эрлин-хану на суд. Тункой же никогда и никому не говорил, сколько ему лет от роду, и так он жил на протяжении более трех веков.

Эрлики знали, что Тункэ слишком долго живет на белом свете, и потому один из эрликов взялся неотступно следить за Тункоем в надежде, что Тункэ проговорится о своем возрасте. В Кудинске появилось множество волков, которые стали сильно вредить населению. Когда тамошние буряты собрали местных охотников и готовились устроить облаву на волков, на том суглане был и Тункэ. Вдруг все собравшиеся видят недалеко от них растущую лесину. Люди удивлялись и спрашивали друг у друга, откуда взялась такая толстая и высокая лесина? Одни говорили: «Мы живем 60 лет и ни разу не видели на этом месте даже прутика». Другие утверждали, что им уже по 70 лет, но и на их памяти не было никакого дерева. А Тункой воскликнул: «Я живу 360 лет, но здесь никакого дерева не видывал никогда!» Как только Тункэ сказал о своих летах, большое призрачное дерево, созданное эрликом с целью обмануть Тункоя и узнать точно о его летах, моментально исчезло. Тункэ, проговорившись о своих летах и, таким образом, оплошав, погиб, попав в руки эрлика, и был немедленно утащен на тот свет к Эрлин-Хану на его страшный суд». Некоторые сказители утверждают, что Тункэ прожил на этом свете 105 лет, но мог бы прожить и до 360 лет, если бы не удалось эрлику его обмануть.

Примечание. Далангайн homo заводят специально для ис-

прашивания и собирания воображаемой благодати. Эта стрела переходит по наследству от отца к сыну и т.д. Служит при всяком обряде собирания благодати (даланга-хуралга), например, при обряде кормления или угощения отцовского Ехэ-Онгона, угощения огня на очаге (гал тайха), при возвращении отшатнувшейся души (һүнэһэн) в тело, при приношении жертв Гужер Тэнгэри и водяному хаду. Также аларцы эту стрелу используют на ламайском «Обоо». Такой стрелой никто и никогда из лука не стрелял, да и для стрельбы она не годится, потому что имеет пять ушек «оно», из которых среднее ушко длиннее прочих, т.к. на него во время хубилха (собирания благодати) насаживают кусок вареного курдюка.

Аларский сказитель Михаил Бадашкеев рассказывал, что шаман онго-оруулха во время экстаза, или транса, представляя собой некоторых духов из Ехэ-Онгона, публично, перед всем честным народом, в присутствии женщин и девиц, допускал постыдные вольности в своих словах и действиях, недопустимые в обычное время.

Вообще из всего сказания об Ехэ-Онгоне ясно видно, что у многих членов этого онгона наблюдалось безнравственное и распутное поведение. У бурят издавна существует поговорка: «Оноее һонин онгони тайлгада», т.е. роковой момент наступает при угощении Ехэ-Онгона. Смысл этой поговорки можно разъяснить так: во время созидания и угощения Ехэ-Онгона самое подходящее время для сближения молодых и холостых людей, ибо при непрерывном трехсуточном даровом пиршестве за счет хозяина, завладевшего онгоном, старики напиваются до потери сознания, а у молодых распускаются нравы, что ведет к распутству.

Некоторые названия онгонов

Онгон 1

Хан Шаргай – Лучезарный царь юго-восточных хадов (Барууни-Хад). Этого Хан-Шаргая буряты называют Турани-Хад, т.е. туранский хад и признают его за самого могущественного духа на нашей земле, где обитает черноголовое племя, спустившееся ради спасения духов. Он же, т.е. Хан-Шаргай установил у бурят обычаи и водворил порядок в среде бурятского населения.

Хараасгай-заарин-шаман, который стоит перед Хан Шаргаем, рядом – шаман Хан Хургай-заарин, а третий, который стоит позади него, есть белоголовый старик (не шаман).

Хан Шаргай уполномочил Тулма Сагаан-Ноена торжественно произносить слова благопожеланий, наставлений и благословений молодым, вступающим в брак. На всякой бурятской свадьбе Тулма Сагаан-Ноена представляет один почетный старик из улуса со стороны жениха.

Онгон 2

Тункэ-Галзуу, он же холонгото-үбгэн. Онгон состоит из жестяной фигуры человека, к которой проделана полоска желтого сукна и прикреплена шкурка желтого хорька. Тункэ-Галзуу был большой шаман из ханьгинского шаманского рода, он вошел в состав Ехэ-Онгона, и его онгон, называемый «холонгото», распространен повсеместно у северобайкальских бурят. Подробности о шамане Тункэ-Галзуу и его онгоне помещены в описании Ехэ-Онгона.

Онгон 3

Зуракта-Онгон, т.е. нарисованный онгон. На нем изображено двадцать семь человеческих фигур в три ряда. Верхний ряд имеет девять изображений слепых. Средний ряд имеет девять фигур хромых. Нижний ряд – девять фигур пахоруких. У всех двадцати семи фигур на головах железные шаманские шапки с рогами в знак того, что все эти шаманы-калеки посвящены в шаманское достоинство (жодоото бөөнүүд). Внизу онгона изображены лодка, весло, острога и багор – предметы, которые напоминают, что зурактаны были при жизни рыбаками, а змеи и лягушки служили им хубилганами. Все эти двадцать семь шаманов сделались калекami из-за проклятия, насланного их предком, большим шаманом их Харанутской кости, хохор-Зулгуем (слепым Зулгуем) за неисполнение его завета. По мнению бурят, духи этих шаманов-калек насылают на людей болезни глаз, ног и рук, а за угощение их, по установленному шаманами обряду, сами снимают насланные ими недуги. Зуракта-Онгон находится на улице под сараем с правой стороны юрты, а у кузнецов помещается в кузнице, т.к. Харанутский шаманский род тоже имеет кузнечный удха, и потому каждый кузнец обязательно

должен иметь Зуракта-Онгон в кузнице и молиться ему с приношением угощения.

Онгон 4

Анда-Бар широко распространен у северобайкальских бурят. Есть он и у сойот. Про этого онгона будет рассказано отдельно и более подробно.

Онгон 5

Скотский онгон аларских бурят. Онгон состоит из четырех нарисованных человеческих фигур, две из которых изображены на белой бумажной ткани, а две – на синей ткани. Эти фигуры изображают четырех дочерей монгольского шамана, имена которых: Гузлэ, Бизалай, Атуйхан и Шатуйхан. Во времена нашествия джунгарского Галдан-Бошокто-хана на Халху все четыре сестры погибли насильственной смертью, а души их сделались злыми духами–губителями телят, жеребят и ягнят. В то смутное время много людей самовольно ушло из Монголии в пределы русского государства с угоном своего скота. Вместе с беглецами, халхасскими монголами, в Забайкальскую область явились вышеназванные духи-губители молодого скота и тут продолжали свои козни. Тогда монгольские эмигранты, по совету и указанию одной шаманки из Бурутханской кости, сделали онгон этих четырех духов, затем молились им, угощали их молоком, саламатом, тарасуном и чаем, и задобренные духи из губителей скота сделались хранителями таковых. Когда некоторые монголо-буряты из Забайкалья пришли на северо-западную сторону озера Байкал, в аларскую степь, то вместе с ними в Аларь проникли эти четыре боохолдоя (злых духа), которые стали истреблять молодой скот. Тогда пастух аларского зайсана Баймы Башлеева по имени Боронха (он был уроженец забайкальский) сделал онгон по образцу забайкальцев и установил обряд угощения и умиловливания их. С тех пор культ этого скотского онгона был распространен по всей Аларе и существовал до последнего времени. После Боронхи и до сей поры онгон делали и угощали женщины Бурутханской кости, которые помнили о своем происхождении, благоговели ко всем людям, ведущим род от Бурутханской кости. Аларцы этот онгон называли «Боронхин-он-

гон», т.е. Боронхием сделанный онгон. В настоящее время достать в Алари подлинный скотский онгон нет возможности, ибо их не стали делать, а у прочих северобайкальских бурят подобного онгона, кажется, никогда не существовало.

Онгон 6

Дуулаашан Найгурдай-заяан. Этот онгон есть изображение двух девиц-сироток, умерших в молодых годах трагической смертью от притеснения своей мачехи. После смерти они сделались грозными духами и стали вредить людям. За такие вредные деяния они были сосланы навсегда ламой-чародеем на северо-западную сторону Байкала, к тамошним бурятам, без права возврата на родину, т.е. в Забайкальскую область. Онгон дуулаашанок (поющих духов) имеется у иркутских бурят во многих домах и в настоящее время.

Онгон 7

Хүл-үзүүрэй онгон, т.е. онгон, находящийся у ног людей, лежащих на кровати. Этот онгон относится к разряду «зураг», т.е. нарицательных онгонов. О возникновении вышеназванного онгона в предании говорится так: «В стародавнее время одна взрослая девица, происходившая родом из Муруйской шаманской кости, сошла с ума в весьма бурной форме. Она бросалась на маленьких ребят, чтобы задушить их, а к взрослым людям лезла в драку, и, таким образом, она становилась опасной для тамошнего населения. Чтобы обезопасить себя и укротить сумасшедшую девицу, родные и одноулусники плотно завернули ее в войлок и хубсар (кожаный ковер) и спеленали тугой веревкой. Несчастная душевнобольная девица, в таком связанном положении умерла. После смерти тела озлобленная душа девицы превратилась в зловредного «боохолдой» – злого духа и принялась душить и мучить маленьких ребят, насылая на них разные болезни. И доводить до смерти. Дух этой муруйской зловредной девицы иногда превращался в живую кошку или же в черную бобровую шапку. Такие оборотни в виде призраков показывались людям в тех домах, где этот боохолдой хотел натворить бед. Люди видели ее в образе серой или черной кошки, сидящей ночью у ног хозяйской кровати или в виде черной бобровой шапки

на полке юрты или избы. Так она долго куролесила и губила детей среди бурятского населения. Но впоследствии какому-то ловкому шаману удалось сделать из этого боохолдоя добрую заянку, после чего шаман сделал ей онгон и указал, каким образом совершать обряд жертвоприношения разгневанному духу.

Онгон 8

Уцуше-гуте, иначе букотская баба, по имени Хан-Хутю. При жизни она была могущественной шаманкой (одегон), родом из би-рюсинских шаманов, была замужем за бурятом букотского рода Балаганского ведомства. Одегон Хан-Хутю вошла в состав Ехэ-Онгона. Подробное описание походов этой знаменитой шаманки помещено в записи о происхождении Ехэ-Онгона.

Онгон 9

Булгата-онгон, она же Хан-Хамакша төөдэй, т.е. царственная всеобщая бабушка. Этот древний онгон привезен в Аларь из Монголии. Эта заянка при жизни была большая милостивая шаманка, которая больше всего охраняла от злых духов маленьких детей и потому была названа всеобщей бабушкой. Она имела девять хэсэ – бубнов, т.е. предельное количество бубнов. Прежде ее онгон ставили на собольей шкурке, а впоследствии соболью шкурку стали заменять заячьей.

О возникновении Булгата-онгона предание гласит следующее: «Однажды всеобщая бабушка-одегон Хан-Мүнголэ, желая испытать прыть своего чубарого коня, пустила его во весь мах на высокую Шонхойскую красную гору. Конь доставил ее на вершину той горы без запинки и остановки, затем обратившись к шаманке, сказал: «Ты на старости лет захотела испытать мою мощь, я удовлетворил твоё желание, теперь прощай! Я был послан тебе от шартского желтощекого тэнгэри и теперь возвращаюсь к нему». Так сказав, конь улетел на небо, а шаманка, оставшись без коня, обратилась к трем своим покровителям – соржи-ламам, сидящим на макушке Шонхойской горы, с просьбой о возвращении ее домой. В ответ ламы сказали ей: «По вершинам высоких елей скачет черный соболь, поймай его и поезжай на нем домой». Шаманка Мүнголэ приехала домой на соболе и возвестила народу о том, что скоро

умрет, но после смерти ее душа будет постоянно заботиться и охранять их, при этом завещала ее онгон ставить на собольей шкурке и молиться ей.

Онгон 10

Онгон Үертэ-Хүнэртэ состоит из двух жестяных человеческих фигурок, одна из которых прикреплена к горностаевой шкурке, а другая – к шкурке колонка. О происхождении онгона в разных местах говорят по-разному. Кудинский вариант гласит: «В Монголии когда-то давным-давно жил большой шаман-чародей, который на своем хэсэ-бубне иногда летал, как птица по воздуху, и его звали Хоргилдэ-бөө.

Однажды названный шаман уехал в дальний улус, а домовничать остались две его дочери, которые со скуки вздумали на отцовском бубне полетать по воздуху, как их отец. Оторвавшись от земли, они упали и разбили бубен, за что отец, рассердившись на дочерей, прогнал их из дома и сказал, чтобы они больше не показывались ему на глаза. Изгнанные отцом дочери долго скитались по Монголии и, наконец, пришли в Забайкальскую область, где стали жить около одного озера, питались рыбой и молодыми утятами.

Наступила осень, оперившиеся утята улетели в теплые края, а озеро покрылось толстым льдом. Обе сестры погибли от холода и голода. После смерти их души превратились в боохолдоев и, уйдя на остров Ольхон, служили в качестве прислуги ольхонскому эжину, исполняя у него даже тяжелую плотничью работу. В конце концов обе сестры стали отказываться работать и затеяли войну с ольхонским эжином с целью изгнать его с острова и самим завладеть островом, но были побеждены в борьбе. Ольхонский эжин, схватив их за глотки, чуть не задушил. Тогда одна, превратившись в горностаю, а другая в колонку, убежали к кудинским бурятам. Там они сделались онгонами, и оттуда культ этих зайнок широко распространился среди северобайкальских бурят.

Онгон 11

Шандагата-онгон, или үндэр дээрэхи-онгон состоит из шкурки белого зайца и представляет собой дух большого шамана из Муруйской кости Идэрхэн Алхансаева, умершего в двадцатилетнем

возрасте бездетным. История этого шамана очень длинная, подробное описание о его похождениях помещено в записке о происхождении хорогутских шаманов. Онгон Идэрхэна Алхансаева очень распространен у северо-западных бурят.

Онгон 12

Онгон представляет собой деревянную голову Бүртэ-үбгэна. Бүртэ-үбгэн при жизни был большим монгольским шаманом из Хангинской кости (ханьян яһан). Во время кровопролитной войны он в сопровождении двух своих сыновей бежал на север, в Восточную Сибирь, но дорогой где-то умер. Сыновья голову своего отца отрезали и везли с собою, молясь ей, как богу. Когда голова стала разлагаться, сыновья ее похоронили и заменили ее деревянной моделью, которую, привязав своей косой, старший сын Бүртэ-үбгэна шаман Хортон привез, как святыню, в пределы русского государства. С тех пор люди Хангинского рода, живущие в Улятайском и других улусах Аларского аймака, молятся названному онгону. Надо заметить, что онгон Бүртэ үбгэна не упразднялся как прочие онгоны после смерти заводившего, а переходил по наследству, даже по женской линии, из рода в род.

Онгон 13

Онгон назывался «Түлөөдэйн дахабари боохолдойн-онгон». Она была уроженка хоринская, Забайкальской области, звали ее Онхор-одегон, пришла она в Кудинск в давно прошедшее время и вышла замуж за тамошнего шамана Орэбэ. Они жили в улусе Түлөдэ и были бездетными. Онхор-одегон, будучи черной шаманкой и злого нрава, не уживалась с соседями и вредила населению Түлөдэйскэ-гэ и Улангирского улусов. За ее злодеяния жители названных двух улусов задушили ее, плотно обернув ее голову грязным войлоком. Затем труп сбросили с крутой горы в ущелье, там ее тело было съедено собаками. После насильственной смерти озлобленная душа Онхор-одегона свирепо принялась истреблять жителей тех двух улусов так, что из десяти домов Улангирского улуса остался один дом, а из двадцати түлөдэйских домов остались два дома. От окончательной гибели население тех двух улусов спас какой-то большой и находчивый шаман. Для умиловления разгневанного

духа убитой шаманки он поступил следующим образом. Сделал онгон на куске сукна посредством «зураг», т.е. нарисовал красной краской фигуру человека-одегона, а под ним изображение собаки, съевшей труп шаманки и ставшей ее хубилганом. Дух шаманки, принимая вид собаки, показывался в сумерках жителям вышеназванных улусов, которые называли этот онгон «Нохойто-онгон», т.е. онгон с собакой. Жертвоприношение этому онгону состоит из молока, тарасуна и жирной овцы. Онгон этот не распространен среди бурят, молятся ему только жители Түлөдэйского и Улангирского улусов.

Онгон 14

Ехэ-Онгон – большой онгон. Такой онгон заводили исключительно зажиточные люди, т.к. на это требовалось много разного скота, денег и времени. Этот сборный онгон состоял из 58 небесных и земных духов, кормление которых обходилось весьма дорого.

Онгон 15

Горный онгон дудинских бурят: 15 нарисованных человеческих фигур, 10 из них мужского, а остальные 5 женского рода. Онгон этот имеет связь с Сайтани-бурханами.

Онгон 16

Телячий онгон, или Эзынуши-онгон, что значит «бабий онгон», т.к. такие онгоны делают женщины. Они же угощают, кормят и наказывают их без всякого участия мужчин. Возникновение этого онгона мне неизвестно, а его значение – охрана телят от болезней и смерти. Этих онгонов кормят весной, когда на свет появляются телята, и еще раз кормят осенью, когда онгон делает старуха, уже переставшая рожать детей. Кормит онгона старшая хозяйка дома саламатом и таракон, причем, духов онгона упрашивают, призывая поименно так: «Ишэгэхэн Орогхон хоёр, айлаа бү зайгты, тугал-бурууһаань халан үгы харагты!», что означает следующее: «Ишэгэхэн и Орогхон, оба не шляйтесь по улусам, а нынешних и прошлогодних телят пасите, не отходя от них, охраняйте, за что поднесенный вам саламат и тарак кушайте без стеснения досыта!». По поверью бурят, духами названного онгона являются две девицы, но как и почему они сделались хранительницами телят,

мне неизвестно. Никакого изображения этих девиц нет, только небольшую прядь конского волоса завертывают в синюю бумажную ткань, затем вкладывают в войлочную сумочку и хранят в юрте на женской половине.

В случае, если несмотря на своевременное кормление онгона, начнут хворать и погибать телята, то хозяйка дома снимает онгон со стены и намачивая его в хибыре (бак-холодильник при выгонке тарасуна), жестоко дерет прутом онгона, приговаривая сердито: «Зачем вы покидаете телят, как мираж весенний и как ветер горный, а не пасете их?». Отругав и подвергнув онгона телесному наказанию, она водворяет его на старое место с уверенностью, что после такого сильного внушения духи онгона перестанут скидаться по разным соседним улусам, бросив телят на произвол судьбы, а будут пасти и охранять их неотлучно, под страхом еще большего наказания за неисполнение своих обязанностей. Этого онгона заводят немногие и хранят недолго, самый долгий срок 5-6 лет. Чтобы отделаться от таких онгонов, при кочевке из летника в зимники нарочно кладут их сверху воза и теряют по дороге, в таком случае онгоны сами виноваты, что не сумели удержаться на возу, и предъявлять претензии к хозяевам они не имеют права.

По учению шаманов

Мир духов соприкасается с миром людей в священных местах, таких как горы, деревья, обоо или специально созданные для духов жилища-онгоны. Онгон — это наиболее часто используемый шаманами атрибут, встречающийся практически у всех сибирских и монгольских племен. Форма жилищ духов может быть самой разнообразной: они могут быть вырезаны из дерева, нарисованы на натянутой на деревянный обруч коже, сделаны из металла. Материалы, из которых делают онгон — дерево, кожа, фетр, камень, бумага, мех, перья и металл. Некоторые онгоны имеют абстрактную форму, а некоторые напоминают кукол. Сделать такой предмет может любой человек, но только шаману под силу вызвать дух и убедить его поселиться в онгоне. После процедуры «оживления» онгон помещается в священное место юрты, специально предназначенное для таких вещей, и ему начинают делать подношения в виде спиртных напитков, крови животных, молока и жира.

По толкованию шаманов

По толкованию шаманов и некоторых улусных стариков и старух душа всякого человека при наступлении смерти выходит из тела и превращается в боохолдой (невидимого духа), становится поданной Далдын-хана, т.е. царя потустороннего мира, и продолжает существовать так же, как и на этой земле при жизни, – не изменившись существенно. Шаман остается после смерти шаманом же, шаманка (одегон) шаманкой, кузнец кузнецом, ноен хүн, т.е. чиновник – чиновником и т.д. Причем, боохолдой одет в ту одежду, в какой было одето тело покойника, он ездит на той самой лошади, какую ему дали, когда везли труп на кладбище и затем закололи на могиле покойника. Такой обычай (хойлого мори үгэхэ) давать покойнику коня существует у бурят Эхирит-Булагатского аймака до сей поры.

У идинских и унгинских бурят обычай давать покойнику коня, т.е. убивать его на могиле, существовал еще 60-70 лет назад. Что же касается аларских бурят, то достоверных сведений о том, как поступали с «хойлого морин», мне неизвестно, только я знаю, что аларцы «хойлого» не убивали на могиле покойника, а отдавали таковых ламам.

Ламство распространилось в Аларском ведомстве и официально признано с 1809 года. С тех пор население Аларского ведомства считалось исповедующим буддийскую религию, однако там шаманство существует фактически до наших дней наравне с ламством. По мнению бурят, боохолдой остаются в том возрасте, в каком умер человек, не старея и не молодея, не изменяясь. Все боохолдой делятся на несколько разрядов, в зависимости от силы своего «удха» – шаманского или кузнечного. Имеющие «удха» и шаманские и кузнечные делаются могущественными и грозными боохолдоями.

Боохолдой второго разряда могут наносить вред людям и домашнему скоту. Простые, не имеющие «удха» – слабые боохолдой, они не в состоянии нападать на людей. Каким бы боохолдой ни был, он по природе своей настроен против живых людей, всячески старается вредить людям, насылая на них разные недуги. Об этом у бурят сложилась поговорка: «Үхэхэн хүн үхэхэн тээшээ татаха» – «мертвый человек к мертвым тянет». Когда человек

умирает, боохолдой радуются и принимают вновь явившегося боохолдой в свою компанию, раскладывают костер, устраивают наадан и пляшут ехор-наадан. Затем в безлунные темные ночи совершают толпой прогулки по разным дорогам. Если же какой-нибудь несчастный человек встретится с такой толпой боохолдоев, то может вскоре умереть, а в лучшем случае отделается тяжелой болезнью. Такого человека большею частью спасает заступничество местных заянов-покровителей, т.е. добрых духов умерших больших шаманов, например: идинцев – духов тарасинских шаманов, кудинцев – духов ардайских шаманов, аларцев и унгинцев – духов хородутских шаманов и т.д.

Буряты, выезжая куда-нибудь, считают нужным перед выездом задобрить местных заянов посредством брызгания молоком и тарасуном, прося у них защиты и покровительства на случай встречи по дороге с боохолдоями. Заяны-покровители есть тоже боохолдой, но большими и искусными шаманами превращенные из злых и грозных духов посредством угощения и восхваления их могущества в добрых духов-защитников, молящихся им людей, но такую милость от них можно получить лишь за жертвоприношение через шамана, по совету последнего.

По толкованию шаманов, все добрые и злые духи чрезвычайно обидчивы, раздражительны и во гневе страшны, безжалостны, наказывают провинившихся перед ними жестоко, насылая на них болезни и даже смерть. Причем, они не разбирают умышленно или случайно, по незнанию их обидели – одинаково наказывают, не ограничиваются наказанием прямого виновника, а преследуют его потомков до седьмого колена. Говорят, что ввиду их обидчивости, даже причисленных к добрым духам и покровителям людей, надо всегда опасаться, быть осторожными с онгонами, разными заянами и заянками. Без надобности не следует произносить их имена, пристально смотреть на них опасно. Молодым женщинам воспрещается близко подходить к онгонам, нужно обходить их подальше, в особенности Ехэ-Онгоны (великие онгоны). Вообще следует быть настороже и опасаться всяких бед и напастей со стороны злых и добрых духов.

Духи и онгоны делятся на две части, например: весь состав Ехэ-Онгона за угощение по собственному желанию может даро-

вать почитающим их людям благодеяния. Онгон, вышедший из Монголии под названием «Булгата-онгон» – дух великой шаманки по имени Хан-Мүнгөөлэй, которая имела девять хэсэ (бубнов), дарует (или способствует этому) возможность иметь многочисленное потомство. Еще, пожалуй, можно с некоторой натяжкой отнести к добрым онгонам, способствующим семейному благополучию, дуулаашанок, иначе хоринских заянок Бороя двух девиц. Остальные духи: хамхарская толстая и сумасшедшая баба по имени ?омэ (не имеющая онгона) весьма зловредная. Она преимущественно вредит женщинам, в особенности беременным, и губит их при родах, умиловит ее, чтобы она сняла насланную болезнь, стоит дорого; кроме снятия недуга никакого блага она людям не делает и не желает.

Вторая, тоже хамхарская баба, иначе онгойская бабушка, дочь Мандагая-Баранак (имеет онгон на заячьей шкурке) насылает на людей болезни ног, опухоли и язвы, от которых сама погибла, запертая в пустой юрте. За жертвоприношение ей, говорят, излечивает она названные болезни, но кроме этого, никакого добра не делает людям. Третья, в Алари, есть зловредный дух под названием «Боориин эзы» (подувальская баба), она была шаманкой и душевнобольной, умерла в сумасшедшем доме в Иркутске (онгона ее нет). Она вредит женщинам, насланные ею же недуги за угощение овцой по шаманскому обряду снимает, но добра никому не делает.

Четвертый онгон – изображение муруйской сумасшедшей девицы, убитой своими родными, называется «Хүл-үзүүри-онгон». Она вредит маленьким детям и добра никому не делает. Пятый онгон называется «Үентэ-хүнэртэ». Они – монголки Хоргилдэя, две девицы: Бурихан и Будихан, обе погибли за Байкалом от холода и голода. Они насылают на людей опухоли, язвы и половые болезни, за угощение их рыбою, утиным и конским мясом снимают эти болезни. Шестой онгон – «Зурагта-онгон» есть изображение 27 шаманов из Харанутской кости: девять из них слепые, девять хромые и остальные девять пахорукие. Эти духи насылают на людей болезни глаз, ног и руки. Люди, страдающие перечисленными недугами, молятся жертвоприношением названному онгону.

Упомянутая выше хамхарская сумасшедшая баба Ноомо была убита русскими жителями г. Балаганска. Онгоева бабушка Бара-

нак погибла, запертая в юрте. Подувальская баба была убита в сумасшедшем доме. Муруйская сумасшедшая девица была убита родными своими. Хоргилдоевы две девицы погибли голодной смертью. Зурактаны пострадали из-за проклятия предка своего шамана хохор-Зулгуя. Все перечисленные духи при жизни подвергались разным мучениям и погибли насильственной смертью. После смерти озлобленные души их, сделавшись заянами и онгонами, приносят людям несчастья. Подробные записи об этих духах и онгонах переданы П.П. Баторовым в Буручком, а часть – в Восточно-Сибирское отделение Русско-Географического общества (ВСОРГО).

2.3. Ритуал исцеления (шаманское врачевание)

Считается, что духи-хранители есть не только у шаманов, но и у обычных людей. Такие духи способны приходить к человеку на помощь в опасной ситуации.

Шаманы давно чувствовали, что сила духа-хранителя увеличивает физическую энергию человека и его сопротивляемость болезни (вредной энергии). Она также придает ему внутренние силы и уверенность в себе.

Если человек потерял своего духа-хранителя (при этом говорит, что он «расстроен»), для его излечения приглашают шамана. Чтобы излечить своего пациента, шаман совершает исцеляющее путешествие в необычную реальность, где старается найти утраченного хранителя и вернуть его пациенту.

Если же последний страдает от какой-то локальной боли, то задача шамана заключается в том, чтобы вынуть вредную силу и помочь восстановить здоровье человека.

Это два основных подхода в шаманском врачевании: удаление вредных сил и восстановление полезных.

Путешествие, предпринимаемое шаманом в Нижний мир для возвращения больному человеку утраченного им духа-хранителя (у животного – силы), обычно совершается им в одиночку. Но встречается и необычный, тщательно разработанный вариант возврата духа-хранителя больному человеку – это так называемые групповые путешествия, совершаемые несколькими шаманами одновременно. Для такого путешествия шаманы создают «духовную лод-

ку», или «духовное каноэ».

В назначенную ночь шаманы создавали два воображаемых каноэ, становясь двумя параллельными рядами внутри большого дома. Рядом с каждым шаманом находилась его магическая кедровая доска, врытая в земляной вал. Каждая доска была украшена изображениями того, что ее обладатель видел в своем первом духовном каноэ. Кроме того, у каждого шамана был шест, которым он толкал каноэ или греб. Шаман, сидящий на носу каноэ, считался ведущим, а сидящий на корме – рулевым.

В сопровождении трещоток, барабанов и пения шаманы «проваливались» сквозь землю, «плывя» в духовной лодке, имеющей силу «причаливать в воде», где бы они ни путешествовали. Каждый шаман, находившийся в духовном каноэ, пел песню своего хранителя. Зрители сидели вдоль стен, присоединяясь к пению, чтобы помочь шаманам.

Путешествуя в духовном каноэ иногда в течение 5-6 дней, шаманы днем спали, а по вечерам толкали каноэ с того места, где они остановились на рассвете. Чаще всего путешествие продолжалось две ночи. Первая ночь была путешествием в страну духов, а вторая – возвращением оттуда. Шаманы начинали обратный путь, как только становились обладателями духа-хранителя исцеляемого. После того как дух-хранитель был возвращен пациенту, шаман вставал и плясал.

Использование духовной лодки для шаманского путешествия встречается в Сибири, Малайзии, Индонезии, где это связано с «ладьей мертвых». Часто духовные каноэ имеют форму змеи, как, например, в Австралии. В других местах используются иные формы.

Духовное каноэ используется не только для возврата духов-хранителей, но и для исследований в путешествиях. Для исследовательского путешествия требуется присутствие пациента в середине каноэ. Барабанщик при этом занимает ключевую позицию, лучше, если роль отводится опытному шаману.

Команда делится опытом после каждого путешествия для того, чтобы ускорить накопление шаманских знаний. Во время исследовательских путешествий шаман приобретает духов-помощников и знания о том, как лечить разные болезни. В таких путешествиях его ведет дух-хранитель, который водит шамана по местам обитания

особых духов. Ниже приведем отрывок из рассказа шамана о его первом путешествии в Нижний мир, когда дух-хранитель ведет его в местность, где он может научиться лечить помешательство.

«Мы увидели перед собой девять палаток. Мы вошли в первую палатку, где нашли семь голых мужчин и женщин, которые все время пели и рвали свое тело зубами. Я очень испугался. «Теперь я объясню тебе это сам, иначе ты ничего не поймешь, – сказал мой спутник. – Сначала было создано семь земель, и из-за духов этих земель люди теряют разум. Некоторые начинают петь, другие умирают, третьи становятся шаманами. Наша земля имеет семь возвышенностей, и на каждой из них живет один помешанный. Когда ты станешь шаманом, ты сам найдешь их».

«Где я могу их найти? Ты завел меня не туда», – подумал я.

«Если бы я не привел тебя увидеть духов, как мог бы ты лечить помешанных? Тебе нужно показать все пути болезней».

Все же шаманы, совершающие путешествие в Нижний мир, чтобы вернуть дух, не пользуются каноэ и иными «транспортными средствами». Каждый шаман должен быть достаточно гибким в своих методах и уметь применять их наиболее эффективным образом.

Вот одно из описаний подобных путешествий, во время которого шаман встречается в Нижнем мире с животным – силой пациента (тигром): «Я спустился в дыру и шел под землю вдоль корней сосны. Поскольку идти по земле было неудобно, я влез на один из корней и шел по нему. Корни разветвлялись и становились все тоньше. Затем я дошел до корня светлого цвета, которым я пользовался в своем предыдущем путешествии, и пошел по нему. Внезапно он кончился. Передо мной был глубокий колодец, все стенки которого были совершенно черными. Я понял, что мне нужно спуститься, и прыгнул прямо в колодец. Очень долго я падал в темноту, пока наконец не увидел очертания чего-то узкого и прямого. Это была толстая веревка, которая оказалась частью висячего моста, пересекающего колодец. Я спустился по этому мосту и пошел направо. Когда я перешел мост, я увидел великолепного тигра, который глядел на меня...».

Иногда путешествие не помогает шаману вернуть пациенту животное-силу. Следующий рассказ описывает именно такой слу-

чай. «Это путешествие было для меня особенно странным. Я странствовал по совершенно необитаемому миру. Он был искусственно создан людьми или другими разумными существами. Геометрически все было очень правильным. Это было что-то вроде суперкосмической станции, без каких-либо признаков жизни. Однако казалось, что там могли быть спрятаны роботы».

Шаман пользуется силами не только животных, но и растений. Все они получают силу от Солнца. Животные обычно служат духами-хранителями, в то время как растения – духами-помощниками. В отличие от духов-хранителей, которые есть не только у шаманов, но и у обычных людей, духи-помощники – привилегия только шаманов. Лишь только они могут владеть силами растений.

Точно так же, как духи-хранители бывают дикими и неприрученными, духи-помощники – дикие растения. Это объясняется тем, что большинство домашних животных и растений просто не обладают необходимой силой для помощи шаману. Сам факт, что животное или растение позволило себя приручить, – свидетельство отсутствия у него силы.

Растения-помощники не имеют такой силы, как животные, но шаман может иметь в своем распоряжении сотни духов-помощников. Эти растения существуют в двух реальностях – обычной и необычной. Необычной природой может быть форма насекомого – огромная бабочка, например, или другая зооморфная или неодушевленная форма.

В рассказе о путешествии в Нижний мир сахского шамана описывается способ, которым растения открывают свою истинную природу и становятся полезными.

«Проходя вдоль берега, я увидел две вершины, одна из которых была покрыта ярких цветов растительностью, а другая была сплошной черной землей. Между ними оказался островок с несколькими цветущими растениями, очень красивыми. Они напоминали цветы морозики. «Что это?» – подумал я. Вокруг меня никого не было, но я понял сам, что растения говорят мне. Когда человек умирает, его лицо синее, и шаману нечего больше делать с ним. Красная трава росла вверх, черная – вниз. Вдруг я услышал крик: «Возьми камень!». Камни были красноватыми. Я понял, что мне суждено выжить. Я схватил красный камень. То, что я принял за цветы, оказалось кам-

нями». Чем больше у шамана духов-помощников, тем с большим количеством заболеваний он может справиться.

Шаман пользуется духами-помощниками при исцелений людей, страдающих от вредных сил. Удаление этих сил – более сложная работа, чем возвращение животного-хранителя. Вторжение силы подобно заражению. Чаще всего это случается в густонаселенных районах, особенно в больших городах. С точки зрения шаманов, это происходит оттого, что многие люди, сами не подозревая об этом, способны приносить другим вред, когда они впадают в состояние эмоциональной неуравновешенности – гнева, страха, уныния. Когда мы говорим о том, что кто-то излучает враждебность, это полностью соответствует шаманской точке зрения.

Болезни, возникающие от вторжения вредных сил, проявляются в таких симптомах, как местные боли, часто с повышением температуры, которая (с шаманской точки зрения) связана с энергией от вторжения этих сил. В известной степени понятие вторжения силы соответствует современному понятию об инфекции. Как от обычного инфекционного заболевания, так и от его необычного вида пациента следует лечить соответствующими методами.

Удаление вредных сил, вторгшихся в человека – дело трудное, т.к. шаману приходится «высасывать» эти силы из пациента не только физически, но также эмоционально и мысленно. Эта техника широко применяется в шаманских культурах таких далеких друг от друга мест, как Австралия, Северная Америка и Сибирь.

При лечении шаман осознает две реальности. В шаманском сознании вторгшаяся сила имеет отвратительный вид (например, вид паука). Шаману известно, что это скрытая природа какого-то определенного растения. Высасывая эту силу, шаман захватывает ее в плен с помощью такого же растения, которое является носителем этой сущности в обычном состоянии сознания. Иными словами, шаман помещает у себя во рту «ловушку» в виде растения-силы – маленькие веточки того растения, которое является домом высасываемой силы. Он ловит силу в одну из веточек, используя другую для помощи. То, что эти веточки материальны, не противоречит происходящему при этом в шаманском сознании.

Процедура удаления или перемещения вторгшихся сил подобна путешествию за духом-хранителем пациента, за исключением

одного момента. Этот момент наступает в путешествии еще в Туннеле. Если в пациента вторглась вредная сила, то шаман внешне видит что-нибудь подобное прожорливым или опасным насекомым, клыкастому змию или другим пресмыкающимся, рыбе с клыками или зубами. Он немедленно останавливается, чтобы заняться этими агрессивными силами.

Столкновение с подобным существом означает, что его следует удалить высасыванием. Это может сделать лишь шаман, обладающий двумя духами-помощниками, аналогичными духам встреченной им вторгшейся силы. Если шаман не готов к этому, ему следует либо вернуться из Туннеля, либо пройти мимо существа, обойти его и отправиться в путешествие за духом-хранителем пациента, что поддержит его до тех пор, пока не будет удалена вторгшаяся сущность.

Если опытный шаман встречает в Туннеле одно из описанных выше существ и если он обладает духами-помощниками, подобными вредоносным сущностям, то он должен прервать немедленно свое путешествие и подняться на коленях. Шаман начинает петь свою песню силы, призывая своих духов-помощников помочь ему в высасывании, которое он собирается совершить. Он также придвигает к себе корзинку или кувшин с песком или водой, чтобы выплескивать туда извлеченное из пациента.

Шаман должен найти место внутри пациента, где находятся агрессивные силы. Для этого он пользуется техникой предсказания. Если он не принимает психотропных растений, он может совершить следующее: пребывая в шаманском состоянии сознания, он протягивает вперед свободную руку и водит ею вперед и назад над головой и телом пациента, медленно разыскивая какое-нибудь незнакомое и особенное чувство-тепло, энергию или вибрацию, исходящее из какой-нибудь точки тела. Проводя рукой в нескольких дюймах над телом, медленно, туда-сюда, опытный шаман получает отчетливое ощущение в руке, когда она находится над местом агрессивной силы. Другая техника заключается в том, что над пациентом проводят пером для замера либо вибрации.

Если шаман чувствует определенное место, он зовет двух духов-помощников молча или песней и упорно продолжает трести трещоткой над пациентом. Когда он ясно видит помощников, при-

ближающихся в темноте, он с закрытыми глазами силой воли загоняет их себе в рот. Там они будут заперты и будут поглощать агрессивную силу, когда он будет высасывать ее из пациента. Если он определенно чувствует или видит обоих помощников у себя во рту, он просит остальных духов-помощников помочь ему при высасывании. Теперь он готов к работе.

В том месте тела пациента, где он чувствует вредное вторжение, шаман сосет из всех сил. Это может быть сделано сквозь одежду, но обычно эффективнее расстегнуть одежду в этом месте и физически сосать кожу там, где находится агрессивная сила. Включается не только тело шамана, но также его ум и эмоции, обостряющиеся в шаманском состоянии сознания, что повышает эффективность его работы.

Шаман должен быть очень осторожным, чтобы вредная сила не вошла сквозь рот и горло в его желудок. Эмоционально она так отвратительна, что маловероятно, чтобы шаман ее проглотил. Если же это произойдет случайно, то ему следует немедленно искать помощи у другого шамана (поэтому желательно, чтобы у шамана в таких случаях был партнер). Шаман сосет и извергает высосанную силу столько раз, сколько это необходимо. Важно не проглатывать высосанную силу, а после каждого высасывания выгонять ее в специально приготовленную емкость, стоящую на полу или на земле. Это делается иногда с сильными и реальными спазмами, вызывающими чувство очищения от отвратительной силы, извлеченной шаманом. Высасывание продолжается до тех пор, пока шаман, проводя рукой вперед и назад над телом пациента, не почувствует больше каких-либо местных выделений тепла, энергии и вибрации.

В конце концов, когда шаман убеждается в духовной чистоте своего пациента, он трясет трещоткой вокруг его тела по кругу четыре раза, чтобы обеспечить единство очищенного пространства, очерчивая его границы для духовного мира. После этого пациента может или лежать, или сидеть.

В этот момент важно, чтобы шаман забрал емкость с извергнутой агрессивной силой из дома и надежно спрятал ее. Затем он выбрасывает содержимое, приносит обратно емкость, чтобы позже снова наполнить ее песком или водой для дальнейшего пользо-

вания в случае необходимости.

Один из методов шаманского врачевания – это стать на время пациентом. Этот метод применяется следующим образом. Сначала шаман обсуждает с пациентом природу его заболевания. Он узнает все возможное о том, как пациент чувствует боль, и развивает в себе это чувство. Он расспрашивает пациента о первом приступе и обо всем, что происходило с пациентом в то время. Затем он пытается узнать, что за человек пациент, каковы его взгляды на жизнь, его проблемы и надежды, т.е. делает все возможное, чтобы понять, как бы он чувствовал себя, если бы был пациентом.

Когда шаман чувствует, что он уже может эмоционально отождествиться с пациентом, он готов начать лечение. Тогда шаман и пациент удаляются в местность, где нет человеческого жилья. Ударами трещотки и пением песни силы шаман призывает своего духа-защитника. В это время пациент просто сидит с ним рядом. Когда шаман чувствует себя полным силы, он и пациент медленно раздеваются и меняются одеждой. Надевая каждую часть одежды пациента, шаман сосредоточивается на том, чтобы принять в себя личность пациента. Надев на себя последнюю часть его одежды, шаман чувствует себя пациентом.

Теперь оба начинают плясать под удары трещотки шамана. Шаман подражает каждому движению и жесту пациента. Почувствовав, что его сознание изменяется, шаман упирается руками в тело пациента, пока не ощутит, что принял на себя все, что было необходимо для пациента, в той степени, насколько нагрузка сильна и безопасна. Если все сделано правильно, шаман почувствует волны боли, перекатывающиеся через него. Тогда шаман убегает на несколько сот метров в безопасное место, останавливается и протягивает руки вперед. Из всех сил он изображает «отбрасывание прочь» агрессивной болезненной силы, которая ранее вредила пациенту, а теперь лежит на нем. Он кричит и движениями рук отбрасывает вредоносную силу далеко за горизонт – так далеко, как только сможет.

Этот сеанс обычно занимает несколько минут. Когда шаман почувствует, что боль и страдание покинули его, процесс окончен. Шаман ощутит себя очищенным и расслабленным.

Он возвращается к пациенту, и они снова обмениваются одеж-

дой. Шаман заканчивает работу пением песни силы и, стоя рядом с пациентом в дыму костра, в котором горит дикий шалфей или кедровая ветка, завершает очищение.

Һүнэһэн-һүлдэ – дух-миф

Һүнэһэн по суеверным и религиозным представлениям – душа. Һүнэһэ-һүлдэ – дух-миф.

У бурят есть понятие «Һүнэһээ гараха», что в переводе на русский язык означает: от испуга душа человека отделяется от тела. Такое случается, когда человек сильно испугался чего-либо. Особенно этому подвержены дети. Признаки: болезненный вид, сонливость, отсутствие аппетита.

В этом случае буряты делают хурылха-возглашение «хуры!», хэшэг хурылха – призывают счастье. По такому случаю бурятские женщины готовят любимые кушанья ребенка, собираются 4-5 человека, берут с собой продукты и идут на то место, где ребенок чего-то испугался, с шапкой больного на голове, ее поднимают и опускают. При этом ведущая говорит: «Ахри-ахри, иди сюда, где ты бродишь, мы принесли тебе твои любимые блюда, игрушки, ждут тебя дома любимые родители, братья, сестры и друзья». Когда душа возвращается в тело, все присутствующие на себе ощущают это, и невольно бегут слезы у всех, значит – душа вернулась к хозяину.

Часто этот обряд проводят улусные шаманы и шаманки (одегоны).

Юрта и священный круг

Юрта, или гэр, является традиционным жилищем монголов, а также бурят. Каркас ее составляет решетка из деревянных шестов, расходящаяся по кругу от находящегося сверху кольца (тооно). Отверстие, которое образует наверху это кольцо, предназначено для вывода дыма очага. В Америке такие же жилища, называемые здесь хуган, традиционно использовались индейским племенем навахо. Многие сибирские племена, в т.ч. и монгольские, также живут в типи (вигвамах), которые назывались здесь уурт. При этом традиционная ориентация юрт, или типи, и связанная с ними символика совпадали у большинства населяющих алтайский реги-

он народностей.

Конструкция юрты создана таким образом, чтобы ее можно было легко собрать или разобрать, что имело важное значение для монгольских племен, которые вели преимущественно кочевой образ жизни. Однако независимо от того, где юрта была поставлена, она всегда рассматривалась как центр Вселенной, и более того, микрокосм. Фактически она является картой мира, в которой небесный свод представлен сферообразной формой внутренней поверхности ее крыши. Вход в юрту всегда находится в южном направлении и является ее передней стороной. Северная сторона юрты, расположенная за очагом и носящая название *хоймор*, считается в ней самым почетным местом. Здесь на стол кладутся священные предметы – жилища духов онгоны и прочие религиозные атрибуты. Место для сидения, расположенное рядом с хоймором, считается также почетным, и его обычно занимают старики, вожди, шаманы или другие уважаемые гости. Правая, западная, сторона юрты – это мужская половина. На этой стороне сидят все мужчины и хранятся принадлежащие им инструменты – седла, луки и ружья. Левая, восточная, половина предназначена для женщин, и в ней содержится кухонная утварь, колыбель и разные женские принадлежности. Т.к. южная сторона юрты считается наименее почетной, младшие члены семьи обычно сидят в южной части левой и правой половины.

Перемещение в юрте производится по направлению движению солнца – по часовой стрелке. В этом направлении днем перемещается пятно солнечного света, попадающее через отверстие для выпуска дыма в центре крыши. Когда находящийся в юрте человек хочет куда-либо пройти, он должен двигаться по часовой стрелке. То же направление движения обязательно для шаманских танцев и культовых ритуалов.

Центр юрты считается самым священным местом во всем мире – гал гуламта – место огня. Здесь обитает Гуламта, дочь Отца-Неба, и к этому месту надо относиться с максимальным почтением. Так же, как юрта является центром мира, гал гуламта – центр Вселенной, которую представляет собой сама юрта. Вертикальная ось, которую образует столб поднимающегося из гал гуламта дыма, представляет собой также Древо мира. По нему

шаман черех врата, которым является тооно (кольцо для выпуска дыма), может подняться в Верхний мир. В некоторых шаманских ритуалах, например, при инициации шамана в Бурятии, в центре юрты действительно устанавливается дерево (тору), поднимающееся из гал гуламта и выходящее через отверстие для дыма. В экстатическом трансе шаман поднимается по этому дереву, совершая путешествие в Верхний мир. В других традициях, где такое дерево не ставится, шаман путешествует в другие миры, проходя через отверстие для дыма после того, как его дух примет образ птицы.

Таким образом, юрта в шаманских практиках сибирских племен играет ту же роль, что и магическое колесо у американских индейцев, являясь представлением как священного круга, ориентированного по четырем сторонам света, так и Вселенной в целом.

Личная сила и буян хэшэг

Важное значение в шаманизме играет личная сила и удача в жизни людей. Хотя каждый день заставляет человека вступать в разнообразные контакты и, таким образом, его личный мир пересекается с мирами других людей, конечный результат жизни человека оказывается внутри его собственной вселенной. С этой точки зрения, каждый человек является абсолютным центром мира, опирающимся на Мать-Землю и окружаемым прозрачной голубой безбрежностью Отца-Неба. Его космическая душа (санс) сияет в центре Вселенной как яркая белая звезда, а душа его тела «ами» — как точка, испускающая красный свет. Любой человек может свободно парить в безбрежности пространства или путешествовать под землю. При этом каждый имеет свой собственный путь и поэтому полностью отвечает за все свои поступки.

Личная психическая сила человека, которая называется «хии» (ветер) или «хии морин» (лошадь ветра), находится в груди. Ее количество зависит от того, каким образом человек ее накапливает и использует. Большой запас личной силы позволяет ее обладателю ясно думать и насквозь видеть любой обман. Хии морин — это та энергия, который дает шаманам и другим людям силы и способность выполнять поставленные перед собой задачи легко и свободно. Использование личной силы с целью принести кому-ни-

будь вред или нарушить баланс Вселенной истощает ее запасы. Именно это является причиной того, что по-настоящему плохие люди время от времени испытывают склонность к саморазрушению. Увеличить количество личной силы можно действиями, направленными на восстановление баланса Вселенной, и с помощью религиозной практики. Кроме этого, увеличению личной силы способствует ежедневное повторение таких простых действий, как предложение напитка небесам, земле и предкам, молитвы, а также почитание небес, земли и духов природы и предков. Священный дым ладана, шалфея, тимьяна (чабреца), можжевельника и других растений может увеличить запас личной силы, если его воскуривать во время шаманских обрядов. Еще одним способом наращивания личной силы являются жертвоприношения, совершаемые для особых целей или на традиционных праздниках.

Связанной с хии морин является концепция «буян хэшэг» – благословения Неба или духов. Человек может представлять себе буян хэшэг как счет в банке, который можно увеличить или уменьшить, поступая определенным образом. Большой запас буян хэшэг (или кратко буян) приносит человеку удачу и счастье, а также защищает его от опасностей. Человек может лишиться буян, нарушая табу, выказывая неуважение к Небу и духам предков или нападая на духов природы путем убийства животных без необходимости. Отрицательно влияет на буян также личная развращенность и отрицательные черты характера. Увеличить же его количество можно, поступая великодушно, например, предлагая гостям еду или даря какие-то вещи нуждающимся людям. Буян хэшэг так же, как и личная сила, увеличивается у человека, ведущего правильный образ жизни и совершающего религиозные акты и жертвоприношения. Призвать Отца-Небо и духов можно с помощью ритуала даллага, использование которого буквально приманивает буян в жизнь совершающего этот ритуал человека или группы людей. Выполняется этот ритуал таким образом: человек совершает круговые движения руками по направлению движения солнца и восклицает при этом: «Хурай, хурай, хурай».

Осознавая существование в своей жизни таких вещей, как хии морин и буян хэшэг, человек может смело идти по своему жизненному пути, и ему будут сопутствовать сила, безопасность и удача.

Такое мировосприятие вырабатывает привычку критически относиться к собственным поступкам и позволяет осознать, каким образом ваши собственные действия формируют вашу судьбу. Совершенный человек, согласно верованиям монголов, живет правильной жизнью и следует всем обычаям, т.е. живет, уважая и не нарушая табу, которые созданы для поддержания баланса в мире.

Легенда о шаманской пещере на острове Ольхон

В древние времена, сообщает легенда, жил в пещере и владел островом Ольхон Гэгээн-бурхан. Он был повелителем монголов, которые тогда населяли остров. Остров понравился Хан-хута баабая, потомку небесных тэнгэринов и теперешнему хозяину Ольхона, и он вступил в борьбу с Гэгээном. Долго шла борьба между ними, и, наконец, оба согласились решить дело жребием. Взяли чашки, наполнили их землей и условились, что у кого за ночь земля сделается красной, тому и владеть Ольхоном, другому же придется кочевать на новое место. Легли спать, чашки были поставлены у того и другого между ногами. Хан-хута баабай проснулся раньше и увидел, что земля окрасилась в чашке у Гэгээна. Недолго думая, он подменяет чашки и ждет пробуждения своего соперника. Гэгээн, проснувшись, вынужден был кочевать на новое место, хотя и догадывался об обмене. Он отдал распоряжение своим монголам разобрать войлочные юрты и навьючить на верблюдов все имущество (в то время на острове Ольхон водились верблюды и существовали юрты у монголов). Затем Гэгээн приказал всем лечь спать. За ночь монголы чудесным образом с верблюдами и всем имуществом были перенесены за Байкал. Наутро они проснулись уже на другом берегу моря. Но не все из монголов, впрочем, желали перебираться за Байкал. Несколько человек не исполнили повеление Гэгээна, спрятались между камнями и остались жить на Ольхоне. От них-то и произошли ольхонские буряты. Таким образом, ольхонские буряты происходят от Гэгээна.

Шаманская пещера потому и названа так, что в ней живет страшный дух Хан-хута-баабая, теперешнего властителя острова. Легенда интересна, как мне кажется, тем, что она касается происхождения ольхонских бурят и их отношений с монголами. Этот вопрос мало разработан, как и вопрос о происхождении северных бу-

рят вообще. История расселения бурят по Иркутской губернии до появления русских, борьба и взаимоотношения их с остальными народами, когда-то жившими вокруг Байкала – якутами, тунгусами, монголами, до сих пор опирается на самые скудные данные и крайне отрывочна.

Краткие выводы к главе 2

1. О шаманящем хором сборище.

По-бурятски «Бөөлөөшэн» – шаманить толпой, хором. Такие боолоошэны с давних пор и до наших дней возникали среди бурят Иркутской области несколько раз. Бөөлөөшэн – это какое-то эпидемическое, заразительное, социальное, психическое, нервное расстройство многих людей одновременно. Слишком большая группа, собравшаяся из нескольких боолоошэнов, создавала большое разорительное неудобство для сельчан. Прокормить такую ораву для одного улуса было трудно. Такая сумасшедшая оргия продолжалась в течение многих месяцев и даже лет.

1. Ехэ-Онгон

По мнению бурят, все зло и добро на земле происходит от Тэнгэринов и подчиненных им духов, поэтому Тэнгэринов и духов надо всегда умиловать разными жертвами через шаманов, по их совету и указанию. Онгон – это наиболее часто используемый шаманами атрибут, встречающийся практически во всех сибирских и монгольских племенах. Форма жилищ духов может быть самой разнообразной: они могут быть вырезаны из дерева, нарисованы на натянутой на деревянный обруч коже, сделаны из металла.

Сделать онгон может любой человек, но только шаману под силу вызвать дух и убедить его поселиться в нем. После процедуры оживления онгон помещается в священное место юрты, специально предназначенное для таких вещей, и ему начинают делать подношения в виде спиртных напитков, крови, молока и жира.

Некоторые названия онгонов:

Онгон 1 – Хан-Шаргай; 2 – Тункэ-Галзуу; 3 – Зуракта-онгон; 4 – Анда-Бар; 5 – скотский онгон; 6 – Дуулаашан; 7 – Хүл-үзүүрэй; 8 – Кукше-гутэ; 9 – Булгата; 10 – Үентэ-Хүнэртэ; 11 – Шандагата; 12 – Бүртэ-үбгэн; 13 – Түлөдэн-дахабари; 14 – Ехэ-Онгон; 15 – Горные онгоны; 16 – Телячий онгон.

ГЛАВА 3

3.1. Онгон АНДА-БАР

Этот онгон в старину был сильно распространен у иркутских бурят, а ныне существует у кудинских бурят и у сойет, живущих в отрогах Саянского хребта, почти у каждого домохозяина. По аларским сказаниям, Анда-Бар был большим хадским белым шаманом, происходил он из урянхайского племени. Он был звероловом, потому-то почти всегда скитался по тайге. Имя его – Хандагай-боо, а жена его Хантар-одегон. При его призывании и угощении аларские шаманы величают его так: «Ерэн-хадаахи Ехэ-Бар, олон хадаахи Одхон-Бар», что означает: «Девяносто хадов – большой Бар, множество хадов – последний Бар». Из этого явствует, что он у хадов первый и последний Бар в одном лице, а в Кудинске существует в двух лицах. Что означает слово «Бар», ныне никто не может объяснить, хотя всюду оно в ходу. Кудинцы изображают его в двух лицах и называют: «Андайн хүбүүн Эрхэ-Бар» и «Цэжин хүбүүн Анда-Бар». Первые говорят, что он человек, пришедший издалека, с западной стороны, но к какой нации он принадлежал, никто не знает. Сойеты выдают Анда-Бара за урянхайского шамана из Уйгорской кости. Онгона Анда-Бара аларцы вырезают из белой жести в виде человеческой фигурки около одного вершка вышиной, глаза делают из двух голубых бисеринок. Фигурку эту пришивают к полоске желтого сукна или же к полоске замши из звериной кожи, затем все это пришивают к шаманскому бубну и сзади бубна навешивают длинную косу из конского волоса с одним стеклянным кольцом на конце. Это знак того, что Анда-Бар был шаманом, носил шаманскую косу и имел хэсэ-бубен. Его жену изображают точно так же из жести, но пришивают фигурку к куску замши и нижнюю часть замши нарезают мелкою бахромой длиной 1,5 вершка. Эта бахрома изображает «пабига» – мелкие косы молодухи, которые женщины носили около года после замужества или до первого признака беременности, тогда «пабига» упразднялись в особой церемоний улусными старухами и вместо «пабига» заплетали две косы, называемые «боолто», с которыми женщины остаются на всю жизнь.

Кудинцы фигуру Анда-Бара изображают одинаково с аларской, а первую фигуру Эрхэ-Бара делают из подбрюшка гурана с

сохранением передней части полового органа, на этом куске шкуры пришивают жестяную фигуру Эрхэ-Бара. Анда-Бара величают Ерэн хаады Ехэ-Бар, а Эрхэ-Бара – Олон хаады Одхон-Бар, что означает, соответственно, девяносто хадов – большой Бар, множество хадов – младший Бар. Анда-Бара угощают саламатом, а Эрхэ-Бара – еще вином или тарасуном, ибо первый никакого вина не употребляет, а второй, как тунгус, любит всякое вино, причем, кудинцы, угостив их, ожидают от них дарования на охоте богатой добычи зверей, в торговле – барыша и размножения потомства в семье, что видно из текста призывания к Барам. А аларцы от Бара ожидают лишь только дарования обильной добычи зверей на охоте и извлечения чесотки, потому-то заводили называемого онгона охотники и страдающие чесоткой, ибо говорят, что сам Анда-Бар страдал чесоткой и нашел средство избавления от такого недуга.

Сойотского онгона Анда-Бара я не видал, но сойоты говорят, что они тоже изображают онгона в двух видах: на бубне и на замше. Первого называют Жартамайн хүбүүн Анда-Бар, так же еще называют сына его Тахяана и охотничью собаку их тайгаша нохой, всех троих угощают саламатом, включая и собаку. Причем говорят, что Анда-Бар был урянхайский шаман, он постоянно занимался звероловством, был хадским белым добрым шаманом и зла никому не причинял. Однажды он вышел в тайгу на охоту, погрузив свое походное имущество на ручного козла. Вечером, отпустив козла кормиться на траву, сам улегся спать у костра. Утром он видит, что козла его кто-то убил. Опечаленный Анда-Бар, сидя у трупа козла, гладил его и приговаривал: «Юунэй, хэнэй хүбүүн тэхымни алаба? Арбан жэлдэ абаахайн мүрөөр, хорин жэлдэ хорхойн мүрөөр мүршэлжэ, мүшхэжэ, хорото-шарата хүниие олохоб гэжэ», что можно перевести приблизительно так: «Чей сын совершил такое злодеяние над моим козлом? Я в течение 10 лет по следу паука, в течение 20 лет по следу червяка дойду до злодея и, найдя его, посчитаюсь с ним». В это самое время вдруг пред ним является с хохотом известный озорник, нахальный шаман Тункэ-Галзуу (Тункэ бешеный), в то время живший в Кудинске, и говорит: «Нечего тебе трудиться в поисках виновника, я убил твоего козла ради потехи, если хочешь, я и с тобой, шутя, управлюсь, как и с козлом твоим». Анда-Бар был уже пожилым, а Тункэ-Галзуу силен и духовной силой пре-

восходил его. Ввиду такого обстоятельства Анда-Бар не стал вступать в открытую борьбу с Тункоем, а прямо отправился к Туранскому хаду Хан-Шаргаю и пожаловался ему на Тункоя, убившего его козла, обидевшего и угрожавшего убить самого Анда-Бара. Хан-Шаргай, милостиво выслушав жалобу Анда-Бара, призвал к себе Тункоя, самолично разобрал возникшую из-за убийства козла вражду между двумя шаманами. Находя Тункоя виновным, приговорил так: «Тункэ-Галзуу должен возместить все убытки, понесенные Анда-Баром, попросить у него полного прощения за проступок, для чего пригласив Анда-Бара домой, должен угостить его как дорогого гостя и больше не допускать никакого насилия над ним ни словом, ни делом. А за свои прегрешения против Анда-Бара Тункэ после смерти обязан, когда сделается заяном бурятского народа, в виде онгона-изображения висеть открыто на улице, где его будут: «Халуун наранда шаруулжа, хара хүйтэндэ, халхинда галаб-дүрсэ үлээлгэжэ байха», т. е. Тункэ должен находиться у бурят всегда на улице, где его горячее солнце будет жарить, а холодный черный ветер трепать и продувать до скончания века земного. «Анда-Барай онгон гэртэ баруун тээ, арюун дулаан газарта байха», т.е. онгон Анда-Бара всегда будет находиться у людей в юрте, в теплом и почетно-чистом месте. Согласно такому решению оба эти онгона до сей поры находятся у бурят на указанных Хан-Шаргаем местах. Во исполнение решения Хан-Шаргая, Тункэ пригласил Анда-Бара в Кудинск, куда тот заявился, захватив с собой хэсэ-бубен, на котором мог летать по воздуху как птица, и толи (металлическое зеркало), в котором мог видеть многое, как из прошлого, так и из будущего. Тункэ и кудинские буряты так усердно угощали тарасуном гостя, посланного к ним самим всемогущим Хан-Шаргаем, что тот привел без сознания много дней и ночей. Находясь в таком бесчувственном состоянии, Анда-Бар потерял свой бубен-хэсэ и толи и, наконец, очнувшись от чрезмерно выпитого тарасуна и выпитой с похмелья арсы (последняя была приготовлена нечистой женщиной), сильно захворал. Лишившись своих волшебных хэсэ и толи, старый шаман был вынужден возвращаться домой пешком и, едва добравшись до баруни-тайги и вполне осознавая свое непростительное поведение в Кудинске, дал клятву такого содержания: «Архи мангартай, аарса жэлбэнтэй, ганса зөөхэй зүб эдээн, би

энээнһээ хойшо ганса зөөхэй эдээд ябахаб» – тарасун вреден похмелью, арса вредна кислотой, единственно подходящая пища – саламат, с этих пор я буду питаться только саламатом. Поэтому сойоты и аларцы угощают этот онгон саламатом. Когда он умер, душа его скиталась по всей тайге и не давала покоя находящимся там белковщикам, подходя ночью к балагану, он кричал: «Анда-Бар! Тогда один шаман-белковщик сделал из своей нагольной шубы онгон Анда-Бара, угостил его саламатом, с тех пор он перестал тревожить белковщиков и сделался покровителем охотников и исцелителем чесоточных.

Вышеприведенное сказание было записано П.П. Баторовым со слов Хончонского сойота Соуссор Постыева, но эта запись сгорела в пожаре в 1921 году, и теперь привожу то, что только сохранилось в моей памяти.

Аларцы происхождения Анда-Бара передают следующим образом: «В давно прошедшие времена в Унге жил один хорогутский могущественный шаман, современник Анда-Бара, который за свою свирепость был прозван Махунай. Он постоянно и страстно хотел неудержимо и неутомимо воевать не на живот, а на смерть с другими большими и сильными шаманами. Однажды Махунай ехал верхом на медведе в Урянхайский край через тайгу с целью повоевать с Урянхайскими знаменитыми шаманами, и, как буряты говорят: «Захайн бөөнүүдые залгихая, үзүүрэй бөөнүүдые үмхэхээ», что значит: крайних шаманов проглотить и высших шаманов забрать в рот свой.

Раз Махунай, запоздав дорогой, расположился в тайге переночевать, а своего ездового медведя отпустил на ночь кормиться на траву. В то самое время, как на грех, там, где Махунай ночевал, оказался другой большой урянхайский шаман Анда-Бар. Рано утром Анда-Бар, увидев пасущегося медведя, пустил в него боевую стрелу и убил его наповал, когда он подошел к убитому медведю, то заметил на его спине следы седла. Анда-Бар сразу догадался, какого медведя убил нечаянно, и ясно сознавая, что Махунай за медведя убьет его самого, испугался и, недолго думая, бежал на юго-восток в сторону Турана под защиту тамошнего хада Хан-Шаргая. Прибежав, он едва успел рассказать Хан-Шаргаю о несчастном случае с медведем Махуная и спрятаться под его шире,

как Махунай тоже прибежал по следу Анда-Бара в Туран и стал настоятельно требовать от Хан-Шаргая выдачи ему Анда-Бара для расправы с ним по своему усмотрению за убийство его ручного медведя. Но Хан-Шаргай со своей стороны иначе посмотрел на это дело и сказал Махунаю: «Я беру Анда-Бара под свою защиту, ибо он пришел ко мне с надеждой, что я его спасу, и к тому же он убил твоего медведя, приняв его за дикого зверя. За такой свой невольный грех он заслуживает снисхождения и потому я отказываюсь выдать его тебе, а чтобы дело не оставить открытым, я предлагаю вам покончить миром». Такое предложение всесильного Хан-Шаргая – равносильное приказанию свыше. Махунай нехотя был вынужден принять и дать клятву, что с этого времени он не будет преследовать Анда-Бара за убитого медведя.

Кудинцы же о походе Анда-Бара толкуют иначе, чем аларцы и сойоты. Анда-Бар, будучи уже пожилым, пустился в путешествие пешком из далекого запада на восток, в Кудинск. Он шел зимой по глубокому снегу, по едва заметной тропинке, устав и проголодавшись, едва-едва передвигал ноги. В таком бедственном состоянии его увидел молодой шаман Тункэ-Галзуу и со свойственным ему озорством вздумал подразнить его и посмеяться над едва живым старым шаманом. Тункэ, превратившись в желтого хорька, стал перебегать ему дорогу взад и вперед много раз. Анда-Бар застрелил хорька и, изжарив его, съел. Немного утолив голод, Анда-Бар продолжил путь и, наконец, добрался до жилого места. Войдя в первую попавшуюся юрту, он увидел там женщину, которая снимала котел с огня и сливала горячий тарасун с танхи (чугунный кувшин). Утомленный дорогой Анда-Бар, угостившись тарасуном и опьянев, остался в той юрте ночевать, но т.к. тарасун был приготовлен нечистыми руками женщины, то он от выпитого тарасуна осквернился, тяжело захворал, в довершение всего, еще заразился от той же женщины чесоткой и лежал при смерти. Тогда хозяева юрты, где слег больной Анда-Бар, пригласили тунгуского шамана Эрхэ-Бара, который пошаманил и, сделав очистительное омовение по шаманскому обряду, живо вылечил больного Анда-Бара. Когда Анда-Бар поднялся на ноги, то дал клятву такого содержания: «Энээнһээ хойшо хара архи уугаа болбол хоолойгоо отолуужам, ха-муутай эзын хажууда няалдаа болбол ханшараа хахалуужам», что

означает: «Если с этих пор я позволю себе пить черный тарасун, то пусть глотка моя перервется, и, если коснусь чесоточной женщины, то пусть брюхо мое лопнет». С того времени оба шамана, Анда-Бар и Эрхэ-Бар, подружились и клятвенно обещали друг другу жить неразлучно вместе. Так, до сей поры они живут вместе, а их онгоны изображаются вместе и угощаются одновременно.

Убийство хорька не прошло без последствий, ибо Тункэ-Галзуу принес жалобу Эсэгэ-Малаан Тэнгэри на Анда-Бара, убившего и съевшего его хубилгана – желтого хорька и просил его наказать Анда-Бара за это. Эсэгэ Малаан Тэнгэри разобрал это дело. Однако Эсэгэ Малаан обвинил Тункоя в том, что он, встретив старого утомленного человека в пустыне, вместо оказания ему помощи начал издеваться над ним, и приговорил его за точь в точь такому же наказанию, какое дано было Тункою Хан-Шаргаем за насилие над Анда-Баром.

Сойотское призывание Анда-Бара, сына его и зверовой собаки для угощения и испрошения благоволения очень коротенькое и произносится так:

Жартамайн хүбүүн Анда-Бар!
Тахяанай хүбүүнтээ, тайгаша нохойтоео
Шанахан шаратай зөөхэйдэ хүрэгты,
Сасараа барандаа эдигты.
Тайгада гарахадамнай олзо дээр,
Гэртээ ороходомнай баяр дээр
Ябуулагша заяан!
В переводе это выглядит так:
Жартамаева сын Анда-Бар!
С сыном Тахяаном и таежной собакой
Сваренным маслянистым саламатом
Угоститесь досыта, при выезде в тайгу
Даруйте добычу, при возвращении домой
Доставьте нам радость!

Аларцам для кормления онгона Анда-Бара, кроме саламата, ничего не требуется. Обряд кормления может совершить и не шаман. Каждый аларский охотник, имеющий онгон Анда-Бара, в старину считал своей обязанностью перед выездом в тайгу кормить саламатом этого онгона, для чего на черепок клал горящие угли,

на них из ложки капал масло и бросал немного саламата, и держа онгон с чадающим саламатом, говорил так:

Ерэн хаадай Ехэ-Бар
Олон хаадай одхон Бар,
Хандагай бөө, Хатан удаган!
Харгааһанда халсарһан,
Бургааһанда болсорһон
Баян хангайн ангар
Бүргээмни бүтэсэ хушаһан,
Хабтаһаймни хахарса ашаһан
Урда бүргээмни уухэн болгоһон,
Хойто бүргээмнай шуһан болгоһон
Хээрэ гарахада олзо дээр,
Гэртээ ороходо баяр дээр
Ябуулагша заяан!

Перевод:

Девяноста хадов большой Бар
Множества хадов младший Бар,
Хандагай шаман, Хатар шаманка!
Кустарником огораживающий (зверей),
Прутиками задерживающий (зверей для ловца)
Зверями богатого эжина Хангая,
Передние и задние луки наши заваливающий,
Полицы седел до развала накладывающий (добычей),
Переднюю луку (седла) покрывающий жиром,
Заднюю луку заливающий кровью дух!
При выезде в лес направляющий на добычу
При возвращении домой дарующий радость, заян!

Аларцы, когда совершают тайлган барууни хадам (юго-западным хадам), по окончании брызганья сразу совершают обряд «Бар-барьяха». Это делается следующим образом. Шаману, сидящему на турге, вручают полную чашку молока или курунги, с которой он отходит от турги на пятнадцать шагов и, становясь лицом на юго-восток, произносит молитвословие то же, что произносит при частном кормлении Анда-Бара. Затем шаман, сразу переменив свою роль, протяжно и громко говорит, якобы устами и словами самого Анда-Бара, высоко подняв чашку с молоком, так: «Халуун үдэр

хамуу маажаһан, харанхы һүни тэмээ манаһан хүбүүн, бари!», что означает: «В знойный день чесотку царапающий, во тьме ночной верблюдов стерегущий, парень, прими!». И после этого шаман, повернувшись вполукруг, протягивает руку с чашкой. В тот же момент несколько человек стремительно бросаются к нему, и кто первый успеет принять чашку из рук шамана, тот капает несколько капель молока из чашки на землю, выпивает ее до дна и передает пустую чашку людям, сидящим за тургой. Те наливают в эту же чашку до краев тарасуна и передают шаману. Шаман в таком же порядке как и в первый раз, повторяет то же молитвословие словами Анда-Бара: «Орой унтаһан, эртэ бодоһон, тэһэ харбаһан, тэгнэсэ ашаһан хүбүүн, бари!». В переводе: «Поздно ложившийся и рано встающий, наповал бьющий стрелой зверей, наперевес (ровно) приорачивающий (зверя), парень, прими!». Опять несколько человек бегут к протянутой чашке. Опередивший и успевший взять чашку с тарасуном проделывает то же самое, что и с молоком, а затем пустую чашку передает сидящим за тургой. На этом обряд «Бар-барьяха» заканчивается. Существует поверье, что первая чашка с молоком от Бара предохраняет выпившего на целый год от заражения чесоткой, а вторая чашка тарасуна обеспечивает обильную добычу всякой дичи на охоте тоже в течение одного года.

Из кудинского текста призывания Анда-Бара приведу только отрывки, т.к. полный текст мне не удалось записать. Призывание Анда-Бара кудинцы начинают так:

Ерэн хааши ехэ Бар
Олон хааши одхон Бар,
Сээжин хүбүүн Анда-Бар
Андайн хүбүүн Эрхэ-Бар.
Харгыда хани болоһон
Хажуудам нүхэр болоһон,
Хээрэ гарахада гура заяаһан
Гэртэ ороходо хүбүү заяаһан
Хайрата ехэ заяан!
Перевод:
Девяноста хадов наибольший Бар,
Множество хадов младший Бар,
Сэжин сын Анда-Бар.

Андаева сын Эрхэ-Бар.
В дальней дороге спутник,
Сбоку близкий товарищ и друг.
В лесу гурана создающий,
В юрте сына нам дарящий
Велико милостивые заяны!

Некоторые сказители говорят, что тяжба между Тункоем и Анда-Баром у Хан-Шаргая из-за козла имела тяжелые последствия для обоих шаманов. По шаманским понятиям и правилам, некоторые великие шаманы после смерти согласно хадскому постановлению на суглаане по ходатайству самих шаманских духов возводились в хадское достоинство. Звание «хад» является высшим чином в шаманской иерархии и удостоившийся такого звания причисляется к высокому роду хадов и приобретает право на владение определенным районом земли, вроде Турни-Хад, Халбын-Хад и т.д. Хад в своем районе становился повелителем местных эжинов: духов и заянов. Эти второстепенные духи, безусловно, ему подчинялись. Когда Тункэ Галзуу и Анда-Бар возбудили ходатайство о присвоении им звания «хад», совет хадского суглана отклонил просьбу обоих претендентов, на основании того, что Тункэ был осужден Хан-Шаргаем быть онгоном и находиться на улице до окончания века земного, а Анда-Бар – из-за пьянства в Кудинске и потери своих шаманских атрибутов – хэсэ и толи. И так оба шамана остались онгонами навсегда, не получив хадского достоинства.

Откуда мы знаем о прошлом

Жизнь народов не проходит бесследно. Устные рассказы о давно минувших событиях, древние письменные памятники, здания, утварь, орудия и уцелевшие вещи – все это следы минувшей жизни народа. Чем образованнее люди, тем больше они дорожат свидетельствами старины, понимая, что нельзя жить среди народа, не зная его нравов, обычаев, сказаний. Описание былой жизни народа есть задача истории, а всевозможные предметы старины служат источниками, откуда историк черпает сведения о былом.

Как отдельному человеку, так и целому народу надо помнить свое прошлое и любить его. Кому не приходилось замечать, как любят рассказывать о минувших днях люди старые да бывалые и

рассказывают они порой так хорошо, подробно да красочно, что заслушаться можно. Так было во все времена. Рассказывают старики про былое своим детям да внукам, и глубоко тем в сердце западают эти рассказы. Пройдут десятки лет – деды уже в могилу сошли, внуки и дети сами стали отцами и дедами. Рассказывают и они своим детям старые дедовские были и о том, что сами на своем веку видали. Так, из рода в род передаются рассказы о былом, потому и называют их преданиями. Века проходят, а сказания о старине, словно наследство заповедное, наряду с дедовскими обычаями переходят от поколения к поколению.

Хоть и крепка бывает память у стариков на прошлое, а все-таки ей не удержать всего, что они видывали и от других слышивали: ускользают имена, путаются события, забываются порой место и время, где и когда, что случилось. При этом ведь не все, что знаешь, рассказывать хочется, а что глубже врезалось в память да к сердцу ближе, только то и на язык просится. Лихие беды, подвиги молодецкие, лютое горе и светлые радости – вот о чем больше всего сказывается в народных преданиях.

Однако, когда сердце слишком уж сильно заговорит, ум порой молчит. Иной рассказчик говорит о силе дивной могучего богатыря, о чудесных подвигах его, да невольно, от полноты души, и прибавит от себя слово-другое, где преувеличит, где приукрасит. Смотришь, быль уже сплелась с небылицей. Прошел такой рассказ уста нескольких поколений – предание уж в сказку обратилось, и трудно в ней отличить быль от небылицы. А то найдутся в народе такие досужие да умелые люди, что иные сказания в песни переложат: в песне они выходят складнее и слушать их приятно.

Жизнь не стоит на месте, года идут за годами, совершаются новые дела, у каждого поколения свои печали, свои радости, свои заботы, зарождаются новые сказания, новые песни складываются. Они мало-помалу смешиваются в народной памяти, новое сплетается со старым или вытесняет его. Много древних преданий и старых песен затерялось, забыто народом, прежде чем ученые стали собирать, записывать и изучать их, но все же немало их хранится и до сих пор в народной памяти. Давным-давно уж нет на свете тех, про кого говорится в иной песне, даже и от их могил давно уж и следа нет, а живая песня все еще говорит про их дела.

Сотни лет проходят, горе и радости их все живут в их песнях.

Народные песни, сказки, предания служат историку драгоценным устным источником. Не станет он черпать из них сведений о событиях и лицах, но узнает, во что верил народ, на что надеялся, что любил он и что из пережитого или передуманного им особенно глубоко врезалось в его память. Вот чем дороги для истории устные народные произведения.

3.2. Хорин хоер заяан, дуулаашан, заяашан залаатан, найгуурдай

По словам ширетуя Аларского дацана Нанзана Гармаева, когда-то очень давно, за Байкалом в Хоринском ведомстве по реке Хелго (где теперь железнодорожная станция Хилок) жил бурят, потомок больших шаманов, имеющих удха от Зуни 44 тэнгэринов, по имени Боро-Ноен. Мать его Идха тоже была шаманка и имела удха от Баруни 55 тэнгэринов. У Боро-Ноена была жена Нал-хатан и дочь Ботэ. Брата аларцы зовут Дорнэ-ноен, а боханцы – Дурлай и жену его Багадай, а жену Боро-Ноена зовут Алдар-Хатан.

По рассказам нынешнего аларского ширетуя Содбо Назарова, Боро-Ноен жил в местности Пудык, происходил от кости Галзут. У него были от первой жены дочери-двойняшки, которые сделались после их трагической смерти по вине мачехи боохолдоями и стали всячески вредить людям, за что обе были пойманы ламой Цонгольского дацана Тамайланом, усмирены и затем сосланы на северо-западную сторону озера Байкал. По словам Доржи Ринчино и других бурят-знатоков старины, этот Боро-Ноен забыл свое удха – корень от больших тибетских шаманов и, находясь всецело под влиянием местных лам, перешел в их ламскую веру и совсем забросил шаманство, за что разгневанные его предки – шаманские духи начали ему мстить. Прежде всего убили жену его Нал. Он взял другую жену, но сам вскоре был убит своим удха, а дочь его Ботэ от первой жены осталась круглой сиротой у злой мачехи. Мачеха возненавидела падчерицу, обращалась с нею дурно, била ее нагайкой, плохо одевала, изнуряла непосильной работой, на ночь запирала в овечью стайку и присвоила все ее наследственное имущество, одним словом, всячески мучила и изводила несчастную сиротку. Наконец, когда Ботэ в 15-летнем возрасте захворала ос-

пой, дядя ее Дорнэ, желая обложить больную горячим лошадиным мясом (аргалха), уехал в поисках нужной лошади. Не дождавшись возвращения его, мачеха обложила больную мясом четырехлетней черно-пегой коровы. Больная от такого злонамеренного способа лечения сразу умерла. Тогда мачеха тело Ботэ выбросила на берег Байкала, труп ее обсасывали змеи и черви, а душа ее в это время скиталась по всей хоринской степи и блуждала в тумане и пыли, нигде не находя пристанища. Тогда-то дядя Ботэ Дорнэ-Ноен отыскал труп племянницы, аршанской водою обмыл, арсой обкурил, пыльную часть тела озолотил, одежду ей золотой пуговкой застегнул, в течение десяти дней обмахивал золотисто-шелковым платком, оживил, обелил и нашел способ душе ее вознестись на небо. Там, на небе, Ботэ не нашла душу родной матери своей, и потому она, находясь там в одиночестве, заскучала и, стосковавшись, спустилась обратно на землю. Для того чтобы отомстить мачехе своей за все причиненные ей обиды при кратковременной сиротской жизни на земле, а также прославить имя родной матери для народа, она сделалась могущественной заянкой и напустила на людей разные эпидемические болезни, вроде повальной истерии без различия пола и возраста. Люди от этих недугов сильно страдали, сходили с ума, плакали навзрыд и дико хохотали без причины, наконец, уходили из дома и, собираясь в улусах толпой под предводительством минааши, ходили из юрты в юрту, из улуса в улус, угощаясь там. Причем, все шаманили хором на мотив старинных протяжных, заунывных песен, проклиная мачеху Ботэ, прославляя родную мать ее Нал. Таким образом было заражено почти все Забайкалье, люди отбились от обычной домашней работы и стали психически больными. Напоследок эпидемия добралась до баргузинских бурят, и там начали некоторые обыватели шаманить по-хорински. Тогда тамошнее население вынуждено было пригласить корейского ламу-чародея и упросить его как-нибудь избавить их от напасти хоринской заянки. Приглашенный корейский лама несколько дней и ночей производил по ламаистскому обряду гурым (служба с молебствием) и затеял упорную борьбу с хоринской заянкой и с тамошними баргузинскими шаманами, т.к. последние приняли сторону заянки и помогали ей в борьбе с ламой. Наконец, лама одолел и изгнал дух хоринской заянки из пределов Забайкаль-

ской области навсегда, без права возврата туда. Он как заянку, так и баргузинских шаманов сослал на северо-западную сторону, к иркутским бурятам.

Тарасинские шаманы постоянно вели смертельную духовную войну с обусинскими онго-хородутскими шаманами. Теперь из этого тарасинского шаманского рода в живых никого не осталось, последний потомок их умер в начале этого столетия. Некоторые забайкальские буряты утверждают, что у Бороя была единственная дочь Ботэ, но, несмотря на это, в Тунку, в Аларь и ко всем иркутским бурятам являлись заянки в лице двух дочерей Бороя под именем Хорин-хоер заяан, или Борэн хоер хүүгэд. Все иркутские буряты, безусловно, признают обеих заянов за двойняшек-дочерей Бороя и потому их считают нераздельными, равными, одинаково почитаемыми и изображают их на онгоне тождественными. Онгон этот есть у многих бурят в Алари, Унге и Бохане, в особенности он очень популярен в Кудинске и Верхолenske. Буряты изображения заянок не делают и обходятся без онгона, но жертвоприношения им делают. Боханцы прежде ежегодно совершали общественные тайлганы в некоторых улусах. В Алари при угощении дуулаашанок в частных домах колют молодую овцу и известную часть, т.е. грудину, тазовую кость с мясом, ложные ребра, почки и печень жарят на очаге юрты на рожнах-вертелах, а остальное мясо той овцы варят в котле. По окончании обряда угощения заянок присутствующие все мясо съедают, а кости овцы жгут на огне в юрте. Обряд угощения заянок, вернее онгона, устраивают следующим образом. В юрте водружают шире из березового дерева, конец которого высовывается наружу через дымовник юрты. Ставят у западной тэньги (колонны) высокий стол, на котором расстилают изображение заянок и перед ними зажигают две плошки. На тот же стол ставят чай, сахар, шаньги, табак с курительной трубкой, ожерелье из маржана, браслеты и перстни, полный жбан тарасуна или целую бутылку простой водки. Этот последний напиток предназначается для дяди заянок – Дорнэ-Ноену, изображает которого кто-нибудь из присутствующих, и все вино выпивает он один. Когда жаркое поспеет, кладут его на блюдо или в деревянное тэбшэ (корытце), ставят на тот стол, где разложены и другие предметы для угощения заянок и их родственников. Потом шаман или шаманка, надев

на себя хоолобшо (ожерелье), браслеты и перстни, становится перед столом, где разложен курек (изображение) двух хоринских девушек Ботэ-буумал и Бушхай-галзуу. Держа обеими руками шелковый платок за два верхних угла и плавно обмахивая им, шаман начинает, покачиваясь медленно-истово из стороны в сторону, шаманить, вернее, петь. В пении воспевается как бы устами и словами самих духов-заянок, якобы вселившихся в шамана временно, все страдания этих заянок и приключения их на этом и на том свете. Говорят наши старики, что полный текст воспевания дуулаа-шанок был очень длинный. Из него в настоящее время многое забыто, нынешние шаманы совершают обряд с пропусками многих слов из песни. В доказательство того, что песни в честь дуулаа-шанок были очень длинные, ныне говорят, что в старину знаменитая аларская шаманка Кузухэ-одегон, посвятившая себя исключительно служению хоринским двум девушкам, обряд угощения их посредством «стол үргэхэ» едва оканчивала за двое суток, и то с помощью Зонского шамана, близкого друга своего. Без этого шамана она отказывалась шаманить заянкам, следовательно, необходимо было пригласить шаманку из Куйтинского улуса, а шамана из Зонского улуса одновременно и платить мэнзэ обоим, что составляло двойной расход для приглашающего их.

Хотя иркутские буряты считают хоринских двух девушек родными сестрами, однако, судя по содержанию песнопений о похождениях самих заянок, можно допустить, что Ботэ вознеслась и спустилась оттуда одна на землю, и потому называют ее Ботэ-буумал, что значит, спустившаяся с неба Ботэ, а сестру ее просто называют Бушхай-галзу. Один тункинский шаман, живший в Алари, по имени Мунду Харамов утверждал, будто Бушхай-галзу не родная, а названная сестра Ботэ, приставшая в Хоринске. Доказательством тому приводил фразу из текста песнопения самих заянок такого содержания: «Амадажа унаһан алтан шарга моримнай, алядажа ниилтэһэн хорин хоер нүхэднай». В песнопениях в некоторых местах фигурирует одна заянка Ботэ, а в других – поминаются обе заянки нераздельно, т.е. здесь есть некоторая путаница.

Из собранного материала в Алари, Бохане и Кудинске о хоринских двух заянках, также и у уроженцев Забайкальской области Д.Ринчино, ширетую Аларского дацана Нанзана Гармаева, Цэбэна

Жамцарано и других лиц ясно видно, что заянки эти сначала появились в Хоринском ведомстве и были сосланы корейским ламой на северо-западную сторону Байкала – к иркутским бурятам с лишением права возврата на родину, т.е. в Забайкальскую область, навсегда. А между тем, на днях я получил от Н.Г. Оширова запись воспевания тех же хоринских заянок, составленную им со слов гражданина Мольки Гэргэсова. Из этой записи явствует, что заянка здесь фигурирует одна, а не две. После ссылки ламой на северо-западную сторону Байкала она самовольно вернулась на родину и отомстила ламам за ссылку следующим образом. Всех лам она сокрушила, перебила и разбросала тела их повсюду. О такой расправе заянки над ламами, кроме как в Мольке, нигде не говорится, не говорится также о возвращении ее из ссылки на родину. Почему возникла такая разница в толковании походов хоринских заянок у молькинских бурят, сравнительно с другими весьма малочисленных, объяснить затрудняюсь. Из молькинского варианта не ясно, где заянка осталась после победы над ламами. Онгон названных заянок проник в самые отдаленные селения иркутских бурят, и все население края, за исключением молькинских бурят, считает, что заянки существуют после ссылки у них неотлучно. Байкальцы отрицают возвращение заянок на родину и победу, одержанную над тамошними ламами. Онгон хоринских заянок существует и у малобельских тунгусов, которые объясняют, что онгон этот проник к ним от соседних аларских бурят четыре или пять поколений тому назад.

О родоначальнике Шошоолоков

Родоначальником кости Шошоолока был Нагада-заарин. Он родился не на земле, а опустился с неба от Анкир Сагаан Тэнгэри. Появление его на земле сопровождалось сильной бурей с крупным градом, стайей небесных лебедей. На земле Нагада-заарин очутился в образе человекоподобного существа, т.е. маленького младенца в стеклянной банке, которая стояла во дворе у одной ламы, живущего в местности Санага. Ноги его были с белыми копытами, а во рту торчали длинные белые клыки. Хозяин того двора, великий лама, вынул ребенка из банки и воспитал его как собственного сына. Когда ребенок вырос, он сделался большим белым шаманом, а впоследствии был призван туранским Хадом

Хан-Шаргаем быть у него первым помощником и спутником его. На рисунке онгона Хан-Шаргая Нагада-заарин изображается держащим правый повод верхового коня Хан-Шаргая. От Нагада-заарина родился сын по имени Сагаан-бөө (белый шаман). Он был большой могущественный шаман, излечивающий детские болезни. Когда хворали дети, то люди немедленно обращались к Сагаан-бөө за помощью, но он сразу не шел, куда его звали, а звавшего к больному ребенку отсылал обратно домой, говоря: «Ты ступай домой, приготовь мне приличное угощение, а я приду тогда». Придя в назначенный срок к больному, Сагаан-бөө много ел и пил горячий чай до пота, затем, собрав свой пот ладонью, натирал ею тело ребенка, и от такого способа лечения больной немедленно выздоравливал. Итак, он считался у населения спасителем детей. Сагаан-бөө совершал обряд брызганья разным духам исключительно молочной пищей, кровавых жертвоприношений никогда не делал, также ни вина, ни тарасуна духам не брызгал и сам не употреблял их. К такому исключительному способу шаманских действий Сагаан-бөө пришел по следующему случаю: когда Сагаан-бөө был юношей, отец его Нагада-заарин послал его на реку по воду. Он еще не успел зачерпнуть воды, как вдруг двое на серых лошадях, схватили его и увезли на вершину одной большой горы-уула и доставили к владельцу той горы, который принуждал арестованного Сагаан-бөө сделаться черным шаманом. Сагаан-бөө упорно отказывался, за что был задержан на вершине горы на девять суток. Наконец он изъявил желание стать белым шаманом и никогда кровавых жертвоприношений не совершать, также вина и тарасуна для такой цели не употреблять, а обходиться исключительно молочной пищей. Тогда хозяин той высокой горы согласился с ним и в знак своего благоволения подарил ему эмблему Нэшэк – благодати в виде шарообразного белого камня, в котором заключалось начало пяти благодатей, именно «һүлдэ» - души будущих людей, также «һүлдэ» четырех видов домашнего скота.

Возвратившись на десятый день домой, Сагаан-бөө, не входя в юрту, вызвал на улицу отца и прочих своих домашних и объявил им: «Я обречен великим горным духом быть белым шаманом и потому немедленно приготовьте в чане белый бүхээг и белую шаманскую шапку с кистью из шкурки белого зайца». Когда все это

было сделано, он сел на белый войлок, и четыре человека внесли его в белый бүхээг (будка) и подали ему в чашке молоко, тогда он, отведав саламат, взял в руки жодоо (кора пихты) и сам себя посвятил в шаманское достоинство без помощи другого шамана. После Сагаан-бөө, отделившись от отца, переселился в Тунку. Он имел двух сыновей: Билбана и Балахея. Старший был даргою (родовой старостой), имел на пергаменте указ пожизненно быть старостой и был пожалован серебряным кортиком. Служил он долго, до глубокой старости. Однажды начальство потребовало Билбана для объяснения по делам службы в Иркутск, но, будучи уже дряхлым, послал туда брата своего Балахея, дав ему свою должностную печать и нужные бумаги. Балахей, приехав в Иркутск, доложил начальству, что старший брат его Билбан сильно постарел, приехать в Иркутск по дряхлости не может и от дальнейшей службы отказывается. Иркутское начальство, уволив от должности родového старосты Билбана, вместо него назначило старостой младшего его брата Балахея. Возвратившись из Иркутска уже старостой, Балахей приготовил тарасун, наварил мяса для угощения брата и послал за ним человека. Билбан очень удивился, почему он сам не пришел к нему рассказать, как он съездил в город и как исполнил его поречения там, но все-таки, скрепя сердце, пошел к брату. Тот объяснил ему, что начальство гневается на него за неявку в Иркутск и, не желая держать дальше на службе одряхлевшего человека, уволило его со службы, а Балахея назначило быть старостой. Билбан сразу догадался, что это устроил брат его Балахей, осердившись, поданный ему тарасун выплеснул прямо в глаза брату и ушел, не сказав ни одного слова. Затем, немедленно собравшись, Билбан со своим семейством уехал навсегда в Аларь и там поселился в Нижнеолзабейском улусе, завел пашню в местности Дамбран, а впоследствии перекочевал ближе к пашне в Барабанский улус. Потомки его теперь живут в том улусе. Со времени прибытия Билбана в Аларь прошло восемь поколений. Один из потомков Билбана большой шаман Дахин-Хүбүүн Шемке-баабай жил в Халтинском улусе. Из очага шамана Шенке выросла одинокая лиственница, которая и теперь существует.

Люди из кости Шошоолок и в настоящее время приносят жертвоприношение той лиственнице молочной пищей и тарасуном.

Шошоолоков в настоящее время в Аларском хошуне насчитывается более двадцати душ мужского пола. Также есть ясачные инородцы в деревне Красный брод, прописанные к Гомутской волости несколько семейств по фамилии Рушановы-Баршановы из кости Шошоолок. Они считают себя небесного происхождения и шаманского корня, людьми чистыми, не едят до сей поры внутренности скота, т.к. таковые считаются у них нечистыми, погаными, могущими осквернить их. Бывали, говорят, случаи с некоторыми шошоолоками, съевшими селезенку и прочие внутренности, когда эти люди заболели чирьями, опухольями и разными язвами по всему телу. Говорят, что не очень давно подвергался такого рода недугам житель Барабанского улуса Турусей Тумуров, съевший селезенку на тайлгане в нетрезвом состоянии, от этого он страдал почти целый год всеми вышеперечисленными болезнями. Избавляются от болезней, происшедших от осквернения, шаманским омовением, имеющим очистительное свойство. Обряд очищения совершает шаман с непременно употреблением при камлании табан-хушута.

Люди из кости Шошоолок очень кичатся своим небесным происхождением и шаманским корнем. Некоторые из них и теперь занимаются, опираясь на свое «удха», изгнанием у верующих в шаманство населения разных нечистых духов-боохолдоев-дахулов, вредящих маленьким детям. Такой шаманкой считается в Алари из Шошоолокского рода жена иркутского крестьянина Николая Билибина, она же дочь ясачного инородца Степана Рушанова Аксинья. А другой житель улуса Барабанского Александр Дармаев 52 лет – тайлганский белый шаман, со слов которого записано П.П. Баторовым (1925) вышеизложенное, т.е. о шошоолоках.

Кроме Алари, шошоолокский род есть в Тунке и в Закамне.

Зло и добро (нүгэл и буян)

Что означает «нүгэл» и «буян» по понятиям шаманов и шаманистов, П.П. Баторов и другие точно установить не могли, т.к. многие шаманы отвечают на эти вопросы уклончиво и неопределенно. Некоторые смутно и отрывочно передают, что за грехи свои перед Эрлин-ханом отвечают начальники-взяточники, творящие кривосудие, и шаманы, берущие большой «мэнзэ» (гонорар), зная, что

больной не выздоровеет. Как начальники, так и шаманы за свои грехи попадают в темницу Эрлин-хана за ложную присягу (арюун хэрэг). Чиновник за такую присягу должен будет поплатиться, т.е. потерять до сорока душ из своего поколения, самых лучших из них, по достижении ими совершеннолетия. Кроме вышеназванных грехов, подсудных Эрлин-хану, считалось грехом гневить заянов, онгонов и шаманов, но тут, кажется, за такие грехи виновники получают возмездие, т.е. наказание, от самих обиженных духов и шаманов по их усмотрению.

Проливать молочную пищу на пол и ходить по ней – это был грех. Такой проступок грозил виновному в будущем потерей «хэ-шэг» (благодати), что означало потерю достатка.

Разврат по шаманской вере, кажется, не возбраняется, что видно из истории Ехэ-Онгона. Некоторые лица из состава этого онгона, а именно, Хатан-Майлаган, Ухаа Солбон и, в особенности, Тункэ-Галзуу отличались при жизни очень развратным поведением, и это в призывании этих духов не только не осуждается, но и выражается похвалой их деяниям.

Черный шаман, погубивший своих соперников – других шаманов и простых людей, духовной силой их умертвивший, считается могущественным, а его деяния – подвигом. Чем больше он одержит побед над другими, тем выше становится его положение в глазах верующих шаманистов. Такого рода подвиги черного шамана возвеличивают его.

О слове «Хад»

Необходимо точно выяснить значение слова «хад». Хотя Д.А.-Клеменец считает, что «хад» следует перевести как царь. Но такое объяснение никак нельзя согласовать с бурятской терминологией.

Мне кажется, что «хад» есть название высших духов, обитающих на земле в вершинах высоких гор и гольцов, присвоенных ими. Эти духи давным-давно были удостоены самого высокого звания в шаманской иерархии, и буряты таких духов называют «хад», но точное значение этого слова объяснить в данное время трудно. По-монгольски подобные духи называются «Сабдан», а второстепенные – «Сыбдык», эти последние у аларских бурят называются

«Хада-Уулын эзэд» или «үбгэд» – горные хозяева или старцы.

Есть предание, что когда-то два великих шамана, один кудинский Тункэ-Галзуу, а другой уйгорский Анда-Бар, одновременно отправились к Барууни Хад на их суглаан с ходатайством, чтобы их зачислили после смерти в хад, т.е. удостоили высшего звания великих, заслуженных шаманов. Но, несмотря на достоинства и заслуги как Тункэ-Галзуу, так и Анда-Бару, оба они Барууни-Хадами не были удостоены после смерти хадского звания по следующей причине: Тункэ-Галзуу – как находившийся под судом у Хан-Шаргая за озорство и обиды Анда-Бару, а этот последний – как потерявший в пьяном виде, находясь в Кудинске в гостях у Тункоя, свои хэсэ-бубен и шаманские толи. И оба эти шамана, вернее их духи, до сей поры остались онгонами.

Кроме Барууни 99 Хад, есть еще так называемые Зууни-Хад, мне неизвестно, одного из них называют Хан-хута-Баабай, ольхонский эжэн.

Туранского Хад называют: Туран-Хада, Зан-Шаргай. Если бы слово хад означало хан, то не было бы надобности сначала говорить Турани-хад Хан-Шаргай, а сказали бы прямо – Турани-хан.

Некоторых второстепенных духов, т.е. шаманов и шаманок, после смерти признанных заянами, покровителями бурят, называют как шаманы, так и простонародье так: Хан-Улалзар, Хан-Бугдан, Хан-Мэргэн.

Эти три хорогутских шамана умерли в Алари и там почитаемы как покровители. Также входящую в состав Ехэ-Онгона шаманку зовут Хан-Хото: обманутого мужа шаманки Хатан-Майлагана называют Хан-Бата үбгэн, но, несмотря на прибавление перед каждым именем выше перечисленных лиц шаманов и шаманок слова «Хан» (Царь) и Хатан (Царица), никого из этих названных духов не признают имеющими достоинство Хад. Следовательно, можно думать, что между словами «Хад» и «Хан» есть разница. Дальнейшее исследование этого запутанного вопроса надо предоставить знатокам бурятского языка.

Примечание. По жалобе Анда-Бара на Тункоя-Галзуу, Хан Шаргай лично разобрал дело их, обвинил Тункоя, присудил возместить убытки и, кроме того, Тункой обязан был просить у Анда-Бара прощение и, пригласив к себе, угостить его. Анда-Бар, нахо-

дясъ в гостях у Тункоя в Кудинске, напился там тарасуна до потери сознания и потерял свои хэсэ-бубен и толи, а от чрезмерного употребления тарасуна захворал и потому он дал клятву никогда не пить тарасуна.

Хан-Шаргай приговорил: за нанесение обиды Анда-Бару Тункой т.е. онгон его – изображение, будет висеть на улице, где будет его днем печь горячее солнце, а ночью обдывать и трепать холодный черный ветер. Онгон Анда-Бара будет находиться в юрте на почетном месте.

Сказание аларских бурят о хадах

Юго-западные девяноста хадов обитают на земле в разных местах, большинство из них находится в Парьдаке, т.е. в Саянских горах: Буха-Ноен на Мундарге, Хан-Шаргай и Арахад-Улаан залаа Мэргэн в Туране, Дыхэ на реке Краке, правом притоке реки Белой, некоторые говорят, что Арахат живет на берегу реки Китой (приток Ангары). Из всех девяноста Хадов аларские буряты считают спустившимися с неба только трех, а именно: Буха-Ноена, Хан-Шаргая и Арахат-Улаан Залаа Мэргэна. Остальные хады все земные, т.е. земного происхождения. Кроме них еще существуют Зуни-хады, во главе которых Эрлин-Номон-хан или Толи-хан (толи – зеркало). В этом зеркале отражаются все грехи земных людей, и по нему Эрлин-хан судит души умерших и живых людей.

Юго-западные добрые Хады постоянно поддерживают сношения посредством курьера Сагаани хүбүүн. Такую постоянную службу Сагаан-Ноен несет по решению Хан-Шаргая за кражу Буха-Ноеновой дочери Эрхэ-Сүбэн и передачу ее Эрлин-хану для женитьбы его сына. На Эрхэ-Сүбэн намеревался жениться Хан-Шаргай, а также Сагаан-Ноен, однако последний, не имея сил отбить невесту у Хан-Шаргая, из ревности украл ее и передал Эрлин-Хану. За такое преступление Хан-Шаргай распорол Сагаан-Ноену живот, обнажил печень, сверху срезал, снизу подрезал, на толстых местах исписал и в довершение всего приговорил вечно быть курьером между правыми и левыми хадами.

«Хүлэг мориншни эсэжэ, хүхүүр соохи хүнһэншни барагдажа, хайра-шулуунда мориншни туруугаа элээжэ, харгана-бургааһанда хормойгоо хахалжа ябаарай гэбэ!» Приблизительный перевод: «Что-

бы конь твой стирал дресву копыт своих, а сам ты о кустарники рвал свои подошвы и не доставало тебе пропитания в хухаре (кожаная посуда для пищи и питья). Другими словами – быть ему впроголодь и страдать вечно.

Этот страдалец Сагаан-Ноен иногда называется хоер хаади элшэ, т. е. посланник-гонимый между двумя хадами. При этом он, кажется, тоже один из Хадов, т.к. буряты приносят ему в жертву барана, а особенности те, которые состоят на службе по выборам. Еще говорят, что у Хан-Шаргая есть помощник Боро-Шаргай, который по некоторым сведениям, является младшим братом Хан-Шаргая.

Боро-Шаргай в земной жизни назывался Хан-Сута-Мэргэн и имел сестру Алтан-Шагай. Он был сказочным героем, воевал с мангатхаем Жэрбэн-хара-тайжи и победил его, но по возвращении домой был пойман эрликами и доставлен к Эрлин-хану. Узнав об этом, Хан-Шаргай с бумагой от Эсэгэ-Малана явился к Эрлин-хану, вынул оттуда душу Хан-Суты-Мэргэна и возвратил на этот свет.

Это сказание было очень длинное и передавалось устно, нараспев, бурятами Аларского района из кисти Эудэй-Вадла Гутаров. К сожалению, это сказание ныне забыто, и о нем могут вспомнить живущие там буряты. Говорят, в старину унгинские буряты приносили жертву Боро-Шаргаю, но теперь нет такого шамана, который бы решился совершить ему хэрэг, т.к. Боро-Шаргай был очень строг и свиреп, и за малейшее упущение в обряде губил шамана.

Северо-восточные сорок четыре хада считаются злыми тэнгэри, и их имена представлены в следующем списке:

1. Хан-Хурмаста	тэнгэри
2. Эсэгэ-Малаан	тэнгэри
3. Хүхэ-Мүнгэн	тэнгэри
4. Манха-Малаан	тэнгэри
5. Удай-Мүргэн	тэнгэри
6. Оер-Сагаан	тэнгэри
7. Хан-Буудал	тэнгэри
8. Ясал-Сагаан	тэнгэри
9. Галта-Улаан	тэнгэри
10. Кухосой мэргэн	тэнгэри

11. Тат-Хара	тэнгэри
12. Сахилгата	тэнгэри
13. Луу	тэнгэри
14. Сагаан-Сэбдэг	тэнгэри
15. Долоон-Хүхэ	тэнгэри
16. Болуур-Сагаан	тэнгэри
17. Уха-Солбон	тэнгэри
18. Хун-Сагаан	тэнгэри
19. Хан-Сагаан	тэнгэри
20. Алтан	тэнгэри
21. Оедол-Сагаан	тэнгэри
22. Будурга-Сагаан	тэнгэри
23. Задай-Улаан	тэнгэри
24. Мондори	тэнгэри
25. Гурбан халхинай	тэнгэри
26. Гурбан-Эмээлшни	тэнгэри
27. Гурбан-Мананай	тэнгэри
28. Гурбан-Борооной	тэнгэри
29. Хюруу	тэнгэри
30. Ехон-Шухон	тэнгэри
31. Гал-Зуни	тэнгэри
32. Ухин-Дева	тэнгэри
33. Хожоронги-Долоон	тэнгэри
34. Гужир	тэнгэри
35. Баатар-Дайшан	тэнгэри
36. Дзол заяагша	тэнгэри
37. Аха-Ду хүн сүлдж	тэнгэри
38. Заян-Сагаан	тэнгэри
39. Хомой-Сагаан	тэнгэри
40. Ури-Мүнхэн	тэнгэри
41. Сар- Сагаан	тэнгэри
42. Шара-Хасар	тэнгэри
43. Асарин-Найһан	тэнгэри
44. Хажир-Хара	тэнгэри.

Несколько слов о том, какое имел значение калым в старину

Ныне почти все смотрят на калым как на средство купли и продажи невест, а между тем, калым имел в свое время совсем другое значение. Это было со стороны родителей средство обеспечения своей дочери в будущей ее жизни в чужедальной стороне. И она, выданная замуж, вступала в семью мужа в качестве покорного и безгласного члена новой семьи. Положение молодухи было тяжелое и незавидное в доме мужа, в особенности если была жива мать мужа, такие старухи в большинстве случаев относились к невестке недружелюбно и старались заставлять молодую работать как можно больше и исполнять тяжелую работу, поэтому содалась даже поговорка: «Хунэй урэ хундэ харамгуй юм», что значит – чужое семя для другого не жалко.

Если в доме матери находились еще сестры мужа, то положение невестки вдвойне ухудшалось: мать дочерей своих всегда хлила и берегла, а невестке приходилось быть в услужении, кроме свекрови, и у дочерей ее. Если матери мужа не было в живых, то такой молодухе-счастливике другие завидовали и говорили про нее: «Ерэхээр бээ-бэээрээ мэдээд нууна», т.е. как пришла, так сразу села полною хозяйкою в своем доме.

В старину у бурят не дозволялось выдавать девушку замуж за рожденного из одной с ней кости, следовало выдавать за чужеродца, потому выдавались невесты далеко от родины. Например, из Кудинска в Аларь, и наоборот.

Отдавая свою дочь в чужую сторону, где не было никого из родных, чтобы защищать ее от притеснения, родители старались как можно больший калым получить за свою дочь. И соответственно взятому калыму родителями готовилось приданое для дочери: платья, постель, украшения, состоящие из маржаков для ожерелий и к ним разных золотых и серебряных монет, колец и перстней золотых и других женских украшений. Приданое невесты называют «Басагаа заһаха», т.е. красиво и богато снарядить свою дочь. Все предметы такого снаряжения трудно теперь перечислить. Чем богаче были родители невесты, тем обильнее было приданое у людей честолубивых. От полученного за дочь калыма ничего не оставалось у родителей, иногда даже приходилоась до-

бавлять им из собственных средств. Богатое приданое вещами и разного рода скотом называлось «Энжэ-адуун». Чем больше невестка привезет вещами и приведет за собой скота, тем выше поднимется достоинство ее в глазах новой семьи и их соседей и одноулусников.

Родители ее приобретают большой почет и громкую славу как со стороны новой родни, так и со стороны своих сородичей. Таких людей, прославивших себя выдачей большого приданого дочери, долгое время ставили в пример другим. Аларцы до сей поры передают рассказ о том, что прадед мой – аларский тайша Василий (Башинши), выдавая дочь, дал «Тогоони барюул» из выдровой шкуры – это два квадратных лоскута, которыми снимают горячий котел с огня очага юрты. Надо тут заметить, даже подчеркнуть, что в случае развода с мужем все приданое, полученное от родителей, считается неприкосновенной собственностью жены. Кроме самой владелицы, никто не может распоряжаться этим имуществом без ее согласия. Уходя после развода с мужем, она свободно может забрать все свои вещи и угнать весь свой скот с приплодом, не платя своему бывшему мужу или его родным ни копейки за прокорм скота, но, в свою очередь, она не имеет права предъявлять иск за прожитое время у мужа и за труды свои за время нахождения у него. Такой порядок существовал у бурят. Но разводиться было нелегко.

Кудинские шаманы и тайлганы

Худайн голой бөөнүүд, иначе Хүхэ моритон

Первым основателем этого шаманского рода был бурят Кудинского ведомства Харанутского рода Бужуухан Ирбанов. Этот род существует и насчитывает восьмое поколение шаманов. Когда кудинцы приносят тайлга духам умерших шаманов, первым поминают основателя шаманского «удха» Буржуухана Ирбанова, вторым – Бааһана Эмыгеева, третим – Дакта Мухаева, четвертым – Бутэ Хажинова, пятым – Оки Мотоева, шестым – Маланака Пабалзаева, седьмым – Башэ Пирсэнова, восьмым – Янтаран Урмакшеева, девятым – Ербака Шурконова, десятым – Махара Анхаева, одиннадцатым – Ятвая Яндаева, двенадцатым – Молона Хотхоева, тринадцатым – Хамтая Хамархаева. Все упомянутые

лица были «жодоото бөөнүүд», т.е. посвященные шаманы. Кроме посвященных шаманов, в этом шаманском роду насчитывалось до сорока непосвященных пеших шаманов, ныне не существующих в живых.

В настоящее время принадлежащие к хүхэ-моритонскому шаманскому роду посвященные шаманы в Харанутском улусе – от Матвея до Евсея Елбоева включительно и П.Б. Павлов и в Эмыгейском улусе – Дмитрий хахалов.

Рассказчик Ешон Елбоев вспомнил имена еще пятерых умерших посвященных и одного непосвященного шаманов: первый – Хамаганов, второй – Нахудай и третий – Ханта. Они все родные братья Хэтыевы. Четвертый – Бүтхэ Цубухэев, пятый – Тыкшэ Анхаев, а шестой – Ягур Анхаев. Последний хотя был непосвященный шаман, но, тем не менее, он превосходил могуществом всех упомянутых пяти шаманов, ввиду чего ему и поныне посвящают живого коня голубой масти. К духам этих шести умерших шаманов обращаются ныне практикующие шаманы Матвей Павлов и Дмитрий хахалов.

Кудинские буряты харанутской кости дореволюционных годов делали ежегодно восемнадцать тайлганов. В настоящее время число тайлганов сократилось до десяти (1927 г.) и они делаются:

1. Барууни Хадам.
2. Нюгаям монголам.
3. Ардайским үбгүүтам.
4. Бурханам холодных стран Зулхэн-Эжину, т.е. хозяину реки Лены и его приближенным.
5. Бужууханай хоер басаганда (Бужуханским двум девицам).
6. Ольхоной баабайда (хозяину острова Ольхон).
7. Бида Ортонав, который хотя и не был шаманом, но славился как пророк-ясновидец прошлого и будущего.
8. Два раза в году эжинам гор: Булен Самса-Хатану и ее сожителю эжину Бухолютской вершины хахы бөө.

Ныне упраздненные тайлганы у харанутов следующие:

1. Барууни Хонгоодорам и Шошоолокам.
2. Бүхэ-Унгани эжину хүжэ бөө Хүдэ-Галзуу.
3. Духу шамана Убонкона из улуса Ата.
4. Шаману Тэхылэ Степановского улуса.

5. Маланакү Хабалзаеву, который был большой шаман, специалист по ловле ада.

6. Шаману Махару Харанутскому.

7. Мурини эжину Мор-Сагаан-Ноену.

8. Хүрэн буумал бурхану, Хүхэ-нахал-Ноену.

Яһан-кости, не принадлежащие к эхирит-булагатским костям, ныне существующие в Кудинске, следующие:

1. Аша-абагаты.

2. Дарханы.

3. Гучиты.

4. Сонголы.

Краткие выводы к главе 3

1. Онгон Анда-Бар. Этот онгон в старину был широко распространен у западных бурят, а ныне существует у кудинских бурят и у сойот, живущих в отрогах Саянского хребта, почти у каждого домохозяина. По рассказам аларских сказителей, Анда-Бар был большой хадский белый шаман и происходил он из урянхайского племени. Он был звероловом, потому почти всегда скитался в тайге, имя его Хандагай-бөө, а жену звали Хандар-одегон.

2. Откуда узнаем мы о прошлом?

Жизнь народов обыкновенно не проходит бесследно. Устные рассказы о давно минувших событиях, древние письменные памятники, здания, утварь, орудия и другие вещи, уцелевшие от прежних времен – все это следы минувшей жизни народа. Чем образованнее становятся люди, тем больше они дорожат этими остатками старины: понимают, что нельзя разумно жить среди народа, не зная его нравов, обычаев, а узнать и вполне понять их только и можно, уяснив себе, как складывались они в многовековой жизни народов, разъяснить это, изобразив былую жизнь народа, – есть задача истории, а всевозможные предметы старины служат для историка источником сведений о былом.

3. Хорин хоер заяан, дуулаашан, залаатан, найгурдай и т.д.

По сказаниям аларского ширетуя Содбо Назарова, Боро-Ноен жил в местности һудук, происходил от кости Галзуут. У него были от первой жены дочери-двойни, которые сделались после трагической смерти по вине мачехи боохолдоями и стали всячески вре-

дить людям, за что обе были пойманы ламой и затем сосланы на северо-западную сторону Байкала.

4. О родоначальнике Шошоолоков

Родоначальником кости Шошоолок был Нагада-заарин. Он не родился на земле, а спустился с неба от Анкир-Сагаан Тэнгэри. Появление его на земле сопровождалось сильной бурей с крупным градом, стайей небесных лебедей. На земле Нагада-заарин очутился в стеклянной банке, которая стояла во дворе у одного ламы, живущего в местности Санага, в образе человекоподобного существа, т.е. маленького младенца. Ноги его были с белыми копытами, во рту длинные белые клыки. Хозяин того двора великий лама вынул ребенка из банки и воспитал его как собственного сына. Когда сын вырос, он сделался большим белым шаманом, а впоследствии стал у туранского Хада Хан-Шаргая первым помощником и спутником его. На рисунке онгона Хан-Шаргая Нагада-заарин изображается держащим правый повод верхового коня Хан-Шаргая. От Нагада-заарина родился сын по имени Сагаан-б?? (белый шаман). Люди из кости Шошоолок и в настоящее время приносят жертвоприношение ему молочной пищей и тарасуном.

ГЛАВА 4. Шаманизм в других странах

Шаманизм – достаточно распространенное явление как в России, так и в других странах. Предлагаем несколько материалов по шаманизму в Индонезии, Сибири, у арабских кочевников и в Лапландии.

4.1. Шаманизм у народов Индонезии

Термин «шаманизм», которым вначале обозначали религию некоторых сибирских народов, со временем стали применять и для характеристики религиозных представлений некоторых народов малайского мира – семагов, сеноев, джакунов, кубу. Формы шаманизма у коренных обитателей Малаккского полуострова, Суматры и Калимантана не совпадают и в некотором смысле представляют собой различные ступени развития шаманизма в целом.

4.2. Шаманизм в Сибири

Сибирский шаманизм уходит своими корнями в незапамятные времена. Именно в этом регионе родилось понятие «шаман», которое стало в наше время интернациональным. Мировоззрение исконных жителей Сибири во многом похоже на верования и стиль поведения американских индейцев. Почтение перед Матерью-Землей, Отцом-Небом, а также духами животных и природы выработало среди сибирских племен стиль жизни, преисполненный уважения к естественным природным силам и заставляющий человека избегать причинения вреда окружающей природе. Монголы верят, что целью существования человека является жизнь в равновесии с природой (тэгшэ). Человек, разделяющий такое мировоззрение, получает источник огромной силы и оказывается в одиночестве в центре своего собственного мира с бесконечным голубым Отцом-Небом сверху и поддерживающей и питающей его Матерью-Землей снизу. Живя правильной и достойной уважения жизнью, человек (хүн) может поддерживать баланс в своем мире и таким образом максимально увеличить свою личную силу (хии морин).

4.3. Шаманизм у арабских кочевников

У арабских племен (бедуинов) традиция шаманизма имеет

свое собственное развитие. Местные шаманы называются здесь «фукара», что означает «слабый», т.к. большинство из них воздерживаются от употребления тяжелой пищи. Результатом этого являются худоба и слабое тело, из-за которых шаманы получили свое название.

Фукара является членом племени, которое занимается врачеванием, дает советы, учит и отвечает за связь с миром духов, находясь в медитативном или экстатическом состоянии. Виды экстаза могут варьироваться в разных племенах, а средствами его достижения являются музыка, пение, барабанный бой, медитация, отшельничество, а также отвары растений, обладающих эффектом воздействия на психику. Традиция шаманизма среди бедуинов связывает воедино систему верований и практические методы. Основной составляющей этой традиции является трансформация шамана, благодаря которой он может попасть в потусторонние уровни бытия, путешествовать по царству духов и лечить людей.

Обряд инициации нового фукара происходит рано, иногда в 14 лет. После этого новоиспеченный шаман обнаруживает, что от его взора более ничего не скрыто: он не только может видеть то, что находится на большом расстоянии, но также способен видеть души и искать украденные души, вещи, спрятанные сокровища, скрытые средства от болезней и получать другую, недоступную обычному человеку, информацию. Фукара совершает путешествия, во время которых он разговаривает или встречается с духами, которые могут явиться ему в видениях или даже в физической форме.

Шаман племени кочевников-бедуинов может играть в своем сообществе разнообразные роли: священника или шейха, метафизика или целителя. Основой силы шамана является более глубокое понимание мира и своего собственного сознания.

4.4. Шаманизм в Лапландии

Лапландия – это территория, включающая в себя северо-восточные районы Финляндии, Швеции и Норвегии, а также Кольский полуостров, принадлежащий России. Коренные обитатели этих мест – племя саамов, которых русские звали лопарями.

Как и везде, в Лапландии шаманы для вхождения в состояние транса и поиска «правды» в других мирах использовали барабан.

С его помощью они общались с духами, спрашивая их о причинах болезней и о будущем, прося послать удачу. Почти все из настоящих финских шаманских барабанов были уничтожены церковью в XVIII столетии.

Священник Самуэль Рин, живший в то время, писал, что барабан помогал шаману:

1) получить знание того, что произошло в других местах, даже весьма отдаленных;

2) предсказывать, будет ли сопутствовать успех планам на будущее, заболит ли какой-нибудь человек;

3) находить метод лечения больного;

4) узнать, какое жертвоприношение умилюстит богов и какое животное необходимо принести в жертву.

«Колдовской» или «лапландский» барабан делали из дерева и кожи. На поверхности кожи рисовали символы разных мест и событий, таких как охота. На других, более новых, относящихся к христианскому периоду, были нарисованы рай с ангелами и ад с дьяволом. Перед игрой на барабан клался небольшой предмет, который под воздействием боя перемещался в какую-либо область. С помощью перемещения шаман ставил свой «диагноз» или заставлял духов выполнять то, что он хотел.

Шаманизм (краткие выводы)

Что такое шаманизм? Когда он возник? Многие исследователи считают шаманизм особым вариантом магической религии, который предшествовал монотеистическим религиям (буддизм, христианство, ислам), отчасти сформировавшимися на его основе. Другие исследователи видят в шаманизме скорее стихийно-природное явление, которое во многом предопределяется особенностями и состоянием человеческой психики. В любом случае, с древнейших времен и до сего времени, шаманы являются носителями сверхъестественных способностей – ясновидящими, магами, заступниками людей.

Прежде всего надо отметить широкое, хотя и не беспредельное распространение шаманизма. Шаманизм практиковали народы Сибири, Урала, Севера. Под именем нойдов существовали шаманы у лапландцев, у венгров – талтосы. У казахов и киргизов

шаманов называют бакши или бахши – одаренный чародейской силой и знанием врач, поэт и музыкант в одном лице. К сибирским шаманам близки в формах своей деятельности цыганские шаманки – човали. В Турции существует клан танцующих дервишей-суффиев-бекташей, мистерии и ритуалы которых весьма сходны с шаманскими. Не надо забывать и о таинственной религии Вуду.

По мнению авторитетных исследователей, все эти формы, вплоть до сибирской, восходят к древнему культу Митры, который был занесен в Центральную Азию из античного мира в форме малоизвестной религии «бон», в которой слились элементы митраизма и староиранского зороастризма. Из бона шаманский элемент проник в культы Тибета, Бутана, Сиккима, Внутренней Монголии. Китайские ву, малайские поянш, эскимосские ангакок, грузинские кадаги. Нечто подобное шаманизму существует и у племен Австралии, Южной Африки и Америки.

Одно из замечательнейших свойств шаманских методов – их сходство во всех концах планеты. Так, в Австралии, Северной и Южной Америке, Сибири и Центральной Азии, Восточной и Северной Европе, Южной Африке шаманские методы, по сути, одинаковы. Те же методы были известны в античных культурах Средиземноморья. Колдуны средневековой Европы, находясь под гнетом инквизиции, также практиковали подобные методы.

Один из современных антропологов заметил: «Где бы шаманизм ни встречался в наши дни, – будь то в Азии, Австралии, Африке или Америке, – шаман действует одним и тем же способом и со сходной техникой, – как хранитель психического и экологического равновесия своего племени и его членов, как посредник между видимым и невидимым мирами, как хозяин духов, как сверхъестественный врачеватель и т.д.».

Известный исследователь культуры народов Севера Л.Я. Штернберг считал: «Талант шамана – не дар, а бремя». В шаманских генеалогиях заметна как бы некая тенденция к истреблению рода – избранничество не давалось даром. Искусство шамана никогда не было наследственным в прямом смысле слова, однако оно имело «родовую приуроченность». Считалось даже, что великим (наиболее сильным) шаманом может стать только тот, у кого в роду было не менее 10 шаманов-предшественников, которые становились ду-

хами-покровителями по отношению ко вновь избранному.

Однако несмотря на то, что общие признаки шаманских традиций на земном шаре во многом совпадают, в деталях между ними имеются довольно существенные различия. Причина этого заключается в огромной площади географического пространства, в котором шаманы проживают, и в историческом соседстве с различными племенами, которые оказывали и оказывают свое влияние на культуру соседних народов.

4.5. Сукор-ноен (аларское предание)

Настоящее предание о Сукор-Ноене составлено П.П. Баторовым со слов разных лиц, тогда живущих в районе Аларского хошуна, а именно: М. Бадашкеева, Т. Онеева, Д. Бартанова, Х. Барнушкина, И. Ханхалова и Ш. Дарханова. Последние трое из кости Бадархан, потомки Удха-Баймы, вызвавшего поход Сукор-Ноена в пределы Иркутской губернии, судя по некоторым преданиям, о переселении из Монголии в Восточную Сибирь Бахака Ирбанова и его дяди (нагаса) Адая с «некоторым народом» (монголами) и летописи о городе Балаганске, напечатанной в памятной книге г. Иркутска за 1881-й год.

Можно полагать, что Сукор-Ноен жил в Монголии в половине XVII столетия, т.к. в 1668 году он осаждал Балаганский острог, где был назван монгольским Сэйн-тайшой и с тех пор его имя не встречалось в летописи. Тункинское предание называет его Соохор-Ноен (это было напечатано в «Известиях Восточно-Сибирского отделения Русского Географического общества» в 1895 г. (том XXVI, по записи И. Честохина). Аларское предание говорит следующее: «В смутное время в Монголии Сукор-Ноен грабил соседних монголо - бурят, присваивал их имущество, а самих превращал в невольников (ара-барлаков). В числе таких завоеванных барлаков попала к Сукор-Ноену одна богатая вдова (ее муж был из кости Бадархан и погиб, по всей вероятности, на какой-то войне). У нее остались после мужа малолетние сыновья Байма и Сыгэн. Перед самым нашествием Сукор-Ноена та вдова далеко спрятала своих сыновей, а сама пошла в качестве невольницы к Сукор-Ноену. В течение многих лет она пасла сукор-ноенских овец в количестве 3000 голов и постоянно жила в широкой монгольской степи. Когда

оба сына вдовы-бадарханки выросли (гарынь анзаһанда, хулын дүрөөдэ хүрэн), т.е. руки их доросли да ручки сохи, а ноги – до стремян седла, тогда они отправились искать свою несчастную мать-ара-барлак. Переходя через очередную реку, братья увидели на песчаном берегу следы человека с шестью пальцами на правой ноге, и стали искать этого человека. Вскоре неподалеку они нашли овечьего пастуха – эта была их мать. Сыновья не сразу подошли к ней, а украли из отары жирного барана, которого зарезали, мясо зажарили на вертелах (шоро) и начали есть. Тогда мать подошла к ним и стала ругать такими словами: «Что вы, боохолдой? Зачем у бедной старухи украли барана?». На это братья ответили: «Мы не боохолдой, а твои родные сыновья. Мы пришли издалека, чтобы выручить тебя из неволи и увезти с собой далеко-далеко отсюда. Мы нашли тебя по твоему следу, так как знали, что у тебя на правой ноге шесть пальцев, потому-то мы думали, что именно ты есть наша родная мать». Но она им не совсем поверила и сказала: «Если вы подлинно мои дети, то сосите грудь мою, и в ней должно появиться молоко». Когда и на самом деле у нее оказалось молоко, то и это ее не вполне убедило. Тогда женщина сказала: «Разденьтесь и покажите мне мои метки на ваших телах в виде двух надрезов на подмышках». И когда она увидела эти надрезы, то заплакала, понюхав головы сыновей, поцеловала их. Сквозь слезы радости она сказала: «Я верю теперь, что вы мои дети!».

Байма и Сыгэн сказали своей матери, что они задумали отомстить Сукор-Ноену за присвоение их наследственного имущества и унижение их матери, для чего они намерены устроить «дэrmэ», т.е. украсть весь конный табун (тысячу голов) Сукор-Ноена и угнать его по следам Бахака и Адая в пределы Российского государства. Такой замысел своих сыновей мать не одобрила и сказала им: «Сукор-Ноем большой чародей, который знает, что делается вокруг него на расстоянии ста верст, и угадывает наперед, что будет за десять дней. Он может нас догнать и предать мучительной смерти. Лучше вам вернуться туда, откуда пришли, и жить там мирно, чем пускаться на такое трудное и рискованное дело. Я же уже старая и никому не нужная, и теперь я знаю, что вы уже возмужали и здоровы, поэтому могу спокойно дожить свой век и

тут, на пастушеском посту». С такими доводами матери Байма не согласился и сказал: «Я тоже чародей не хуже Сукор-Ноена, и раз задумал дело, то исполню его во что бы то ни стало, иначе не смогу жить, т.к. у меня не будет душевного спокойствия, а без этого какое житье на этой земле?». Мать никак не могла уговорить сыновей оставить задуманную затею и все-таки посоветовала им следующее: «Сейчас Сукор-Ноена нет дома, но он может скоро вернуться. Поэтому нужно как можно скорее украсть его рыжего кривого коня (слепого на один глаз), который находится взаперти в восьмистенной юрте, охраняемой восемью цепными собаками. Там же, на стенах юрты, висят разные военные доспехи: бухарские луки, боевые стрелы, кольчуги и т.п. вещи. Завладев всеми этими предметами, только можно надеяться на благополучный исход задуманного, т.е. бежать за границу с угоном конного табуна в тысячу голов. Для того чтобы попасть в юрту, необходимо подбросить собакам восемь туш мяса ирғынов – краденных баранов».

Выслушав наставления матери, Байма и Сыгэн проделали все в точности: завладели кривым рыжим конем и боевыми доспехами, забрали весь конный табун Сукор-Ноена. Посадив на кривого рыжего коня свою мать и пригласив с собою друга-приятеля Тахир-Хундака (тахир – сведенная рука, которая не разгибается) из кости Баршуха, братья отправились в путь в далекую северную страну по следам Бахака и Адая. Спешно уходя, беглецы по дороге перешли с табуном шестидесятиверстную полосу песчаной пустыни и свои следы заматали метлой. Сукор-Ноен, пустившись догонять воров своего табуна, достиг той песчаной пустыни и потерял след беглецов. Он находился там несколько дней и ночей, пока ему не удалось найти след. А тем временем Байма со своими спутниками и табуном поднялся на Дарьинский перевал и проскользнул через дарьинский проход, имеющий семьдесят троп, в Тунку. Достигнув Тунки, Байма сделал из соловой кобылы тайлга тамошнему Хаду Хан-Шаргаю и, взяв даланга (даланга – освященное посредством хуруйлха тайлганское мясо жертвенного животного), ушел дальше, к Иркутску. Вскоре вслед за Баймой в Тунку приехал Сукор-Ноен, но в поисках его следа он кружил по разным направлениям целых трое суток. За это время братья достигли Хамар-Дабана, но их мать по дороге так сильно «разбилась» на сед-

ле, что не могла дальше следовать верхом на лошади. Между тем Сукор-Ноен, уже выйдя на след беглецов, стал их настигать. Тогда Байма наскоро сделал матери бүхэг-шалаш, один ее глаз заклеил клеем, одну руку и ногу тоже заклеил, а на очаг поставил котел, в котором сварил конский помет. В стороне в яме сыновья оставили мясо, а ухаживать за матерью до их возвращения поручили Тахир-Хундаку, сами же отправились дальше, по направлению к Алари.

Когда Сукор-Ноен приехал туда, где был бүхэг-шалаш, он в нем нашел старуху, которая там лежала и громко стонала, будто от нестерпимой боли. Сукор-Ноен узнал ее и стал расспрашивать о ее сыне Байме. В ответ старуха сказала: «Какие-то двое бооходо-доев приехали, насильно забрали меня с собой, выкололи глаз, сло-мали руку и ногу и, бросив тут, ушли дальше, а я питаюсь теперь вареным конским пометом. Ты, пожалуйста, догони их и предай самой мучительной смерти». Тахир-Хундак в это время спрятался в лесу. Сукор-Ноен, не добившись никакого толка от старухи, отпра-вился по следам беглецов к Алари. А Байма, добравшись до края аларской степи, на короткое время остановился на берегу реки Ирети, по-бурятски эта река называется «Эрыт» (где теперь мно-го мельниц).

Байма сказал: «Эта река в будущем будет течь с начала до конца, т.е. от истока до устья, золотом, на истоке ее находятся три золотых (больших) самородка, но их эжин реки никому не отдаст». Затем Байма угнал табун к реке Белой (Белун), где пробыл не-сколько дней. За это время лошади паслись на обильных лугах и поправились, поэтому Байма это место назвал «Баян-хээр» – бога-тая степь. Когда Сукор-Ноен стал приближаться к нему, Байма свой табун из Баян-хээрэ угнал к реке Алари (тогда еще безымян-ной) и на правом ее берегу пробыл семь дней. В настоящее время ниже аларского моста есть солончак в несколько десятин, на кото-ром никакая трава не растет, и, по преданиям, это и есть то самое место, истоптанное табуном Баймы.

С приближением Сукор-Ноена Байма был вынужден весь свой табун перегнать через реку Аларь вброд. Однако дно этой реки оказалась настолько вязким, что впереди шедшие лошади сплошь увязли от одного берега до другого, а идущие следом лошади пе-ресекали реку по спинам увязших.

Когда Байма перебрался на левый берег реки, он сказал: «Я много рек переходил, начиная с самой Монголии и до сей местности, но не встречал такой грязной и вязкой реки, пусть же с этого времени эта речка называется «Олэр» (в переводе «настил»), ибо ее пришлось настлать своими лошадьми. Впоследствии название Олэр в искаженном виде перешло в слово «Аларь».

Продолжая путь дальше, Байма пришел в местность, где была никем не тронутая трава с весны до осени, и это место Байма назвал «Атар». Позднее это название стало звучать как «Отор». В настоящее время здесь находится Тайшинский улус, названный так потому, что там сначала была заимка Аларского тайши Батора Васильева.

По следам Баймы Сукор-Ноен дошел до центра аларской степи, где стоит гора Сорготой, получившая название от слова «Сорго» («тэнгэрийн сорго» означает «небесная радуга», т.к. радуга после дождя всегда упирается одним концом на эту гору Сорготой). Сукор-Ноен, забравшись на вершину этой горы со своим военным отрядом численностью в триста человек, сказал: «Какая это прекрасная гора, если бы она имела язык и умела говорить, то я бы беседовал с нею от души; кабы у ней были руки и ноги, то я увел бы ее за руки к себе в Монголию». Затем, обозрев вокруг аларскую степь, он сказал: «Вся эта страна очень красива, имеет человеколюбивую печень (хун эльгэтэ). Здесь приезжие издалека посторонние люди не будут скучать и тосковать по своей родине. Вблизи этой Сорготойской горы постоянно будет обитать «Сүлдэ-хүлдэ» (Прим. автора: «Сүлдэ» означает жизненная судьба, жизненная сила). Есть знамение для одного славного молодца, что когда он родится, то будет иметь огненные глаза, волчье сердце, каменную печень и в жизни своей сделает много добра и пользы бурятскому народу. Сама аларская степь похожа на корову-стародойку, и потому здесь не будет очень богатых людей. Окружающая степь, горная гряда напоминают волчьи зубы, и потому люди, родившиеся здесь, будут зубасты как волки и не дадут себя в обиду. И время от времени будут появляться сутяжники.

Далее, относительно местности Тогот, Сукор-Ноен сказал: «В Монголии есть уголок, где находится «шагайн шэнээн шара тоһон» – благодатное небесное желтое масло величиной с ладошку. Одна

капля этого масла попала сюда, потому отощавший за зиму скот весной поправится тут за одну неделю. А люди, родившиеся в Тоготе, будут поголовно первостепенными бегунами». В Тоготе живут монголо-буряты из кости Тайбажан, про которых издавна говорят: «хурдан моритон, хурса хотиготон» – владельцы быстрых лошадей и острых ножей, что значит – они профессиональные воры скота.

Аларские и унгинские буряты прежде часто говорили про Сукор-Ноена и уверяли, что все его предсказания сбылись и до сей поры еще сбываются. Однако, живущие на правом берегу реки Ангары буряты стараются не вспоминать о Сукор-Ноене. Существует предание, что когда Сукор-Ноен со своим войском стоял на горе Сорготой, шаманка по имени Харжан сидела на Улзэтуйском ключе-аршане, пила воду и умывалась. Увидев Сукор-Ноена, она испугалась и, в спешке оставив на аршане шаманские трости, побежала к реке Оке (к северо-западу от Алари). Сукор-Ноен догнал ее в местности «Зүүн шэнэһэндэ» (Сто листовенниц) и убил. По местному поверью, после смерти душа шаманки вернулась в Аларь и на Улзытуйском аршане сделалась эжином. И если около ключа-аршана летом появляется красная дикая коза, то это означало, что душа шаманки Харжан требует угощения. С тех пор местные жители каждое лето делают общественное брызганье эжину аршана. В старину брызганье эжину аршана делали по несколько раз за одно лето. Аларские буряты верят в то, что вода Улзытуйского аршана помогает от кашля, поноса и малокровия. Последнее может быть и имеет основание, ибо вода ключа железистая. Пользующиеся водой аршана больные предварительно делают брызганье молоком и тарасуном эжину ключа Харжан-одегону через шамана или ламу Аларского дацана.

Спасаясь от преследования Сукор-Ноена, Байма бежал из Алари к реке Тагнэ (приток Оки), где сделал тайлга пяти тагнинским хадам. Затем он достиг правого берега реки Оки, построил амбар и запер там трехлетнюю лошадь. После этого Байма написал письмо Сукор-Ноену, которое пригвоздил к стене амбара. Письмо было следующего содержания: «Оставляю тебе провизию в виде трехлетней лошади, а письмо мое прочти и посмотри свой «ном» (священную книгу), в ней ты увидишь три бога (преграды

пути). Которые я устроил, чтобы удержать тебя от дальнейшего преследования. Первый богол – огненный, второй – каменный, а третий – водяной». Кроме письма, Байма сделал символические три преграды: выкопал яму, разложил огненный костер, сверху огня положил камень-плитняк, на который поставил горшок с водой. После этого он с табуном перебрался на левый берег реки Оки.

Сукор-Ноен, приехав к амбару, нашел там оставленную ему лошадь и письмо Баймы. Прочитав письмо, он посмотрел в свой ном и нашел все описанные в письме боголы. Решив продолжить погоню, Сукор-Ноен углубился в тайгу, однако, задобренные тайлганом Баймы Тагнинские Хады мешали ему продолжать путь, часто напуская густой туман. Потеряв несколько дней в поиске следов беглецов в туманной тайге, Сукор-Ноен решил прекратить погоню за Баймой, спустился вниз по левому берегу реки Оки и вышел к речке Унга. В середине унгинской степи он дневал и, обозрев тамошнее место, сказал: «Эта степь будет любима всеми видами домашних животных, ибо имеет скотолубивую печень (адунда эльгэтэ газар) и где мы дневали, здесь будет зургаан (присутственное место)». Впоследствии действительно на этом месте располагалась бывшая Балаганская степная дума.

Затем, осадив Балаганский казачий острог, Сукор-Ноен перебрался на правый берег Ангары и, поднимаясь по берегу реки, достиг устья реки Улятай. На этом месте теперь стоит Александровская тюрьма. В то время напротив устья реки Улятай на острове реки Ангары жил большой шаман, впоследствии признанный эжином Улятая. С ним на острове жил еще один молодой шаман. Сукор-Ноен, остановившись на берегу Ангары, стал звать к себе обоих шаманов, но старший шаман, будучи пьяным, ответил руганью: «Ангара – моя крепость, а ее торосы – моя городьба, убирайся ты туда, откуда пришел!».

Сукор-Ноен, осердившись, приказал своему войску убить шаманов. Когда стали убивать младшего шамана, то старший шаман на бубне поднялся кверху и полетел ввысь. Тогда Сукор-Ноен приказал одному своему стрелку пустить в шамана поганую стрелу, которая в шамана не попала, а перелетела над его головой. От той поганой стрелы шаман «бузартаад» (испоганившись) отяжелел и, упав в Ангару, утонул. Сукор-Ноен, поднимаясь по берегу Ангары,

видел рядом труп утонувшего шамана, плывущего против течения реки трое суток. Заподозрив в этом дурное предзнаменование, Сукор-Ноен решил перебраться на левый берег реки и отъехать от Ангары подальше. Остановившись на берегу, он приказал Ангаре среди лета, когда цвела красная сарана, покрыться льдом, однако Ангара не послушалась его. Тогда Сукор-Ноен отдал приказ войску розгами сечь Ангару, и она покрылась льдом на самом широком месте Сохойн-Тальян (Сушинский плес). Сукор-Ноен с отрядом перебрался на левый берег Ангары и около устья реки Китой наткнулся на большую шаманку из кости Шошоолок. Она была теткою Ангарского Хада шамана Гүүртын хүбүүн Мүнгэшэ-заарина. Сукор-Ноен имел обыкновение всех найденных им шаманов и шаманок убивать, потому принялся мучить одегона шошоолокского. В течение трех суток он ее мучил, но никак не мог убить. Наконец, сама шаманка не выдержала и сказала ему: «Ты меня таким образом никогда не убьешь, а если не хочешь оставить меня в покое, то оберни мою голову войлоком, на котором два дня тому назад родила моя соседка». Когда сделали так, как шаманка сказала, она сразу умерла. Покончив с шаманкой, Сукор-Ноен двинулся дальше и вскоре достиг реки Иркут. Увидев, что воды реки полны щепок, плывущих вниз по течению, Сукор-Ноен догадался, что в верховьях Иркуты живут люди. Он повернул свой отряд и, двигаясь вверх по Иркуту, приехал в Тунку. Тем временем Ангарский Хад удивлялся долгому отсутствию вестей от его тетки – шошоолокского одегона. Когда он узнал, что его тетка убита Сукор-Ноеном, он отправился с жалобой к Буха-Ноену, который в ответ ему сказал: «Мне с Сукор-Ноеном не справиться, сил не хватит у меня, но я попрошу Туранского Хада Хан-Шаргая и надеюсь, что он справится с ним по-своему».

Тем временем Сукор-Ноен ехал по долине Тунки и, остановившись у столба-бариса, водруженного в честь Хан-Шаргая, потряс его и сказал: «Столб этот поставлен около 100 лет тому назад и еще долго простоит». Когда он недалеко отъехал от столба, ему встретился небольшой человек – замухрышка, ехавший на маленькой соловой лошади (это был оборотень Хан-Шаргай). Сукор-Ноен не удостоил его даже взглядом. Когда человек миновал его, Сукор-Ноен оглянулся назад и увидел, что встречный человек одним

взмахом сабли отсек у его отряда головы, за исключением трех воинов, и моментально исчез из вида. В действительности же его отряд ехал как ни в чем не бывало. Это видение не на шутку встревожило Сукор-Ноена и дальше он ехал весьма опечаленным. Под вечер, когда воины расположились на ночлег, Сукор-Ноен вдруг увидел скачущих во весь опор двух верховых всадников, один из которых, догнав другого, на всем скаку отсекает ему саблей голову и, поймав ее, исчезает бесследно. Увидев это зловещее предзнаменование, Сукор-Ноен с грустью сказал воинам: «Хан-Шаргай увез мою голову, и наше дело вообще дрянь. Мы до дома не доедем, ибо еще днем Хан-Шаргай снял одним взмахом сабли все ваши головы, за исключением трех. Вряд ли эти трое доедут до своей родины, но кто бы из нас они ни были, приехав домой, не говорите о том, что я погиб из-за смерти шаманов и шаманок от руки Хан-Шаргая, а скажите, что я дорогой захворал и умер естественной смертью».

Отряд Сукор-Ноена тогда остановился на ночлег в Куртуйском красном сосняке. В ту ночь поднялась страшная снежная буря, снега нанесло ветром до нижних сучьев больших сосен. Этот снег засыпал Сукор-Ноена и весь его отряд, за исключением трех человек. Уцелевшие три человека из Тунки направились в далекую родную Монголию. По дороге двое погибли от истощения и лишь один человек, чуть живой, добрался до родины и принес глубоко печальное известие о гибели на чужой стороне Сукор-Ноена и всего его отряда.

Ута-Байма, отделавшись так благополучно от Сукор-Ноена, возвратился из-за реки Оки и обтиборился на левом берегу реки Белой, по-бурятски Белун. Ту местность Байма назвал «Тайтарак», что значит «спокойное место»: тайбан – утешиться, успокоиться, благополучный, мирный.

Байма, оставив в Тайтурке (Тайтарак) брата Сыгэна с табуном, поехал за Байкал разыскивать свою мать и друга-товарища Тахир-Хундака. Вскоре он нашел их обоих живыми и здоровыми. Находясь за Байкалом, Байма услышал, что у Ужахан-Батора есть необыкновенная дочь-красавица, которая теперь цветущая невеста. Байма захотел взять ее себе в жены и поехал свататься. Приехав к Ужахан-Батору, он узнал, что невеста сосватана и уже сде-

лан предсвадебный наадан. Байме девушка очень понравилась, в свою очередь он тоже понравился дочери Ужахан-Батора. Сговорившись, в ту же ночь молодые люди бежали, прихватив с собой бовые доспехи Ужахан-Батора: лук, стрелы и кольчугу. Когда же хватились беглецов и хотели пуститься вдогонку, то у Ужахан-Батора не оказалось боевых доспехов, а самое главное – кольчуги, и погоня за Баймой не состоялась. По дороге Байма захватил свою мать и друга Тахир-Хундака и благополучно прибыл в свой Тайтурак, где прожил с краденой женой три года и имел от нее сына и дочь.

Однажды Байма поехал со своим неразлучным другом Тахир-Хундаком в тайгу на охоту. В его отсутствие в Тайтурку приехал Ужахан-батор и сказал своей дочери, что уже не гневается на нее, он приехал помириться и теперь уже на Байму не сердится. Дочь поверила словам отца и не стала прятать украденную Баймой кольчугу, которая висела на западной тэньгэ – колонне юрты.

Ужахан-батор снял кольчугу и, надев на себя, сказал дочери, что будет ждать Байму для разговора на берегу Ангары напротив Сохойн-таляан – Сушинского плеса и уехал. Прибыв домой, Байма на другой же день поехал на указанное место встречи, азяв с собой друга Тахир-Хундака. При приближении к Сушинскому плесу их встретила свистящая стрела Ужахан-батора. Байма остановился и начал, в свою очередь, отстреливаться. Тахир-Хундак не стрелял, т.к. его сведенная рука не могла натягивать лук, но, стоя позади Баймы, подавал ему стрелы. Хотя Байма и попадал стрелой в Ужахан-батора, но кольчуга его предохраняла. Ближе подойти Байма не решался, не имея кольчуги. Так они стреляли друг в друга издали долго и безрезультатно. Но как-то Тахир-Хундак замешкался с подачей стрелы и Байма повернулся к другу, чтобы спросить, почему он не подает стрел и много ли их еще осталось. И в это время стрела вонзилась в спину Баймы и проникла внутрь его так, что он больше был не в состоянии стрелять. В запасе у них остался только одна стрела. Тогда Байма попросил Хундака пустить эту последнюю стрелу в Ужахан-Батора. Хундак не мог стрелять больной рукой, тогда он лег на спину, ногой натянул лук, а здоровой рукой пустил стрелу. Та роковая стрела попала точно в подмышку Ужахан-батора, где кольчуга не была застегнута. Стрела

проникла внутрь и разорвала сердце его пополам. Ужахан-батор упал замертво, как пораженный громом. Тяжелораненный Байма сказал Хундаку: «Мне остается немного жить на этом свете, ты меня похорони так, чтобы птицы не клевали мое тело и лисицы не обнюхивали мои кости, а когда вернешься домой, то возьми мою жену и детям мои замени отца родного». Затем Байма выдернул вонзившуюся в него стрелу, при этом железный наконечник стрелы остался в нем, и сразу скончался.

В настоящее время потомки Баймы живут в Аларском хошу-не, большинство из них находятся в Куконурском улусе, есть потомки и в других улусах названного хошуна и называются «хара бадархонами». Потомки Сыгэна, младшего брата Баймы, называются «сагаа бадархонами» и живут смешанно с хара бадархонами в разных улусах. Большинство же жителей Аларского района, принадлежа к кости Хонгодоров, до сих пор относятся к бадархонам немного свысока и с презрением, зная, что их предки Байма и Сыгэн были знаменитыми ворами. Причем, часто говорят старинную поговорку: «Удха ударха үгы, түүхэ төөрихэ үгы», что означает «порода не порется, а старинное народное сказание не заблудится и мимо не пройдет».

Сукор-Ноен имел привычку публично предсказывать будущее. Западные (аларские и унгинские) буряты, живущие на левом берегу Ангары, прежде часто говорили про Сукор-Ноена и уверяли, что все его предсказания сбывались и до сих пор сбываются, и во время шаманского обряда некоторые западные шаманы произносят его имя и, считая его своим покровителем, часто приносят ему жертвы.

Однако живущие на правом берегу реки Ангары буряты стараются не вспоминать о Сукор-Ноене, потому что в Аларском предании говорится следующее: «В смутное время в Монголии Сукор-Ноен грабил соседних монголо-бурят, присваивал их имущество, а самих превращал в невольников (ара-барлаков)», т.е. наживался грабежом простых людей.

4.6. Природа все решает

Природа – это великий источник и жизни, и энергии. То, что передается по наследству от родителей потомству всех живых

существ на земле, – сила живой природы. Любая частицы живого тела обладает наследственными качествами. Механизм наследственности пока еще остается загадкой, т.е. большим секретом природы. Если бы разгадать эту тайну, то, наверно, человек мог бы в какой-то степени сотрудничать с природой, направлять процесс в нужное русло, как бы в положительную сторону, для пользы самой природы и человечества, чтобы меньше было отрицательных качеств у потомства. Эта великая тайна природы ждет своего гения.

Существовала хромосомно-генная теория Мейсмана-Моргана. Они считали, что некий материальный носитель наследственности в организме будто бы находится в хромосомах. Но мичуринская биология отвергает хромосомную теорию наследственности, как совершенно несостоятельную, утверждая, что любая частица живого тела обладает наследственными качествами.

Мичуринская биология допускает, что при половом процессе наследственные свойства передаются в том числе и через хромосомы, но категорически отвергает попытки морганистов трактовать хромосому как специальный автономный аппарат или орган наследственности.

Видимо, не так-то легко и даже невозможно быстро изменить тысячелетиями созданные природой, т.е. отточенный механизм естественного отбора дикой природы. При естественных отборах в условиях дикой природы выживают и формируются только здоровые и сильные особи.

Академик Н.В.Цицик в послевоенный период пытался вывести новый многолетний сорт пшеницы ППГ-56 (пшенично-пырейный гибрид, 56-й номер делянки на опытном участке). Цель была – один раз хорошо посеять по всем правилам высокой агротехники и потом пожинать плоды 5–6 лет и более без посева. Но, к сожалению, его многолетний опыт не дал положительного результата, ибо выносливость корневой системы и зимостойкость пырея не передавалась гибриду. В суровую зиму пшеница вымерзала. Видимо, что-то было не учтено, не разгадали секрет природы.

Нет большего счастья для человека, чем жить согласно законам живой природы. Ни в коем случае не следует грубо вторгаться и нарушать природный баланс равновесия. В природе нет ничего лишнего, все имеет свое место под солнцем и создано по назна-

чению. Если хочешь отрегулировать в количественном соотношении обитаемых вокруг тебя диких животных, зверей-хищников, птиц, насекомых до определенного уровня, то следует поступать разумно и грамотно, в пределах допустимого, под строгим контролем. Одно время, по чьим-то указаниям сверху, начали отстреливать и уничтожать над озером Байкал чаек, якобы они уничтожают ценную породу рыбы омуля. Почти довели до нуля количество чаек над озером, однако количество обитаемых омулей в Байкале заметно уменьшилось. Потом, после суматохи, люди поняли, что чайки выполняли роль санитаров: очищали байкальскую воду от больных рыб. Был похожий случай в Китае. Там перебили полностью воробьев, будто они на полях уничтожают зерновые культуры. После этого урожайность зерновых упала, потому что некому было уничтожать насекомых-вредителей. Так же необдуманно проводили у нас в советское время раскорчевку деревьев и кустарников. Поднимали целинно-залежные земли, т.е. где надо и не надо – все подряд. В результате вода грунтовая ушла навсегда, поднялись страшные черные бури, а все из-за того, что вспахали целину, где нельзя было, да так, что автомашины днем ездили со светом фар.

Природа любит тех, кто исполняет ее законы. Она их возвышает, в изобилии дает им жизнь. Того, кто не исполняет ее законов, она считает недостойным ее благ и лишает всех гражданских прав в своем царстве. Такой человек обречен на ряд болезней и несчастий.

«Мораль природы – говорил французский философ-материалист, атеист и идеолог Поль Анри Гольбах (1723–1789), – вот та единственная религия, которую истолкователь природы предлагает своим согражданам, народам, человечеству, будущим поколениям, освободившимся от предрассудков, так часто нарушавших счастье их предков. Друг людей не может быть другом богов, всегда бывших истинными бичами человечества. Апостол природы никогда не окажет содействия лживым призракам, превращающим этот мир в обитель иллюзий, поклонник истины не пойдет на уступки лжи, не заключит мира с заблуждением, т.к. последствия такого мира всегда будут пагубны для смертных; он знает, что для счастья человечества надо до основания разрушить мрачное, шаткое здание суеверия и воздвигнуть природе, миру, добродетели подобающий им храм; он знает, что надо вырвать с корнем ядовитое

дерево, которое на протяжении стольких веков покрывает своей сенью вселенную: только тогда глаза людей узрят свет, способный просвещать их, направлять их, согревать им души».

Жизнь и смерть зависят от соблюдения великих законов природы. Если бы человек соблюдал эти законы в абсолютном смысле слова, то он достиг бы бессмертия.

Отсюда напрашивается вывод, что всегда надо стараться правильно жить и честно трудиться на благо общества, прислушиваться к советам добрых, честных и знающих свое дело людей, особенно старшего поколения, у них побольше жизненного опыта, надо учиться у старших. Быть самокритичным, помогать людям, беречь своих добрых и честных друзей. Беречь родную природу, т.е. окружающую нас живую среду – красоту, ибо мы сами являемся частицей данной красоты.

Природа постаралась создать условия, близкие к идеальным условиям развития органической жизни на Земле. В частности – для обитания человека. Можно назвать, по крайней мере, три важнейших источника жизни на Земле. Это энергия Солнца, воздух и чистая питьевая вода. Особенно велика роль Солнца. Солнечная энергия – главная «виновница» возникновения жизни на Земле, основа многих природных процессов. Благодаря ей происходит создание биомассы (в процессе фотосинтеза), движение воздушных потоков, вод в океанах. При этом следует помнить, что атмосфера пропускает к земной поверхности лишь 67% притока энергии, 27% – поглощает, а 6% отражает. Большое количество опасных для человека ультрафиолетовых лучей поглощается озоносферой.

Воздух, пригодный для дыхания человека и животных, сосредоточен в нижней части атмосферы, называемой, как мы вомним, тропосферой. Чистый воздух состоит на 78% из азота, 21% кислорода, 1% аргона и других газов, из которых наиболее важен углекислый газ (0,03%). Благодаря в значительной мере кислороду происходит работа мускулов человека, согревается его организм, обеспечивается работа его нервной системы, деятельности мозга и т.д.

Наконец, третий и главный источник жизни на Земле – это вода. При этом основное условие жизни человека – чистая питьевая вода. Она необходима ему для приготовления пищи, выведения отходов и ядовитых веществ из организма и т.д.

Человек – составная часть природы. Его дом – географическая оболочка Земли, сфера взаимопроникновения и взаимодействия литосферы, атмосферы, гидросферы и биосферы.

Природа, растение, человек... Неразделимы эти понятия, огромна зависимость между ними. Так было сотни, тысячи лет назад, вчера, сегодня, так будет завтра. Не стоит гадать, когда именно возникли растения, как развивались, видоизменялись, – это история. Главное, что без них наше существование невозможно. Роль растений в природе многогранна, нас же интересуют их питательные и целительные свойства.

Знаменитый древнегреческий врач Гиппократ, которого справедливо называют отцом медицины, утверждал: «Наша пища должна быть целебным средством, а наши целебные средства должны быть пищей». Как справедливы эти слова в применении к зерновым, культурным, картофелю, овощам, плодам, ягодам, чаю или кофе – ведь они, действительно, и пища, и лекарство.

Человечество в будущем спасет тесное и честное сотрудничество с природой.

«Да, пора вернуться в объятия природы, нашей матери и кормилицы. Нам неотложно надо научиться будить защитные силы организма, заменять почти уже привычный машинный ритм на ритм биологический, тем самым согласуя его с ритмом природы. Запасы прочности организма человека многократно превосходят таковой любого творения инженерии (включая космические аппараты) и даже кошек, известных своей живучестью. Но давайте поможем нашему мудрому организму», – пишет заведующий кафедрой фармакологии Иркутского государственного медицинского института, профессор Л. Усов (1993).

Заключение

Культура поведения и сбор шаманами взяток у населения

Проведенное исследование шаманизма у западных бурят позволяет сделать следующие выводы:

1. Принцип становления шамана у западных бурят (аларских, боханских, осинских, кудинских) не отличается от общепринятых в бурятском шаманизме норм. Избранность человека на статус шамана определяется наличием в его родословной наследственного шаманского дара (бөө удха).

Те молодые люди, на кого пал жребий стать шаманом, узнавали об этом неожиданно, по проявившейся у них «шаманской болезни». Избавиться от такой психической болезни (или длительного психического кризиса) можно только принятием звания шамана и началом шаманской деятельности.

2. В шаманстве западных бурят (тарасинских, кудинских, обусинских) огромное значение придавалось культу шаманских предков, божеств (тэнгэри) и различных духов. Одним из значимых культов в традиционных верованиях бурят (западных) является шаманское происхождение (дар, корень или наследственность – «удха, удха-узуур»). Каждый человек носит в себе как духовную, так телесную жизненную силу, которыми наделен от природы при самом зачатии плода семенем обоих производителей (родителей), и таким образом, он будет проявляться в жизни, когда сделается взрослым человеком, в хорошую или в дурную сторону. Это он делает не по собственному желанию или произволу, а вследствие природного влечения, унаследованного от предков, т.е. «удха».

Но взрослый человек в какой-то степени кое-какие вредные привычки и нравы, унаследованные от своих предков, обязан изменить в лучшую сторону, вооружаясь человеческим умом и сознанием.

В то далекое, давно ушедшее время, примерно несколько сотен лет тому назад, в улусах бурят Иркутской губернии господствовала религия шаманизма. Шамана в обществе считали почетным и уважаемым человеком, чуть ли не богом, и он творил даже много недозволенного в своих действиях, как говорится: что хочу, то и ворочу. Никто не мог что-то сказать против его действий, особенно обусинские хородуты и тарасинские ахануты, по-

тому что шаманы были бесконтрольные, обладали беспредельными правами, которые сами себе установили и навсегда закрепили. Шаманы смело и без оглядок совершали недозволенные поступки: хамство, наглость и своеволие с простыми улусными людьми.

Самую неприятную и опасную сторону жизни шамана составляет то, что шаманы у бурят живут в постоянной вражде друг с другом. Причиной этому служат: конкуренция, тщеславие, вражда предков шаманов (удха-род), происхождение) и т.п. О столкновениях и войнах между шаманами северо-западными – обусинскими хородугами и юго-восточными тарасинскими аханутами и другими шаманскими родами в среде бурят Иркутской области до сих пор существуют разные предания, содержащие большой этнографический материал.

Однако, надо заметить, что в настоящее время все сказания о старине быстро исчезают из народного внимания и памяти. И думается, что недалеко от нас то время, когда неоткуда будет почерпнуть сведения, как жили и чему верили наши предки, для составления истории бурятского народа. Сбор такого материала крайне необходим, т.к. прошлое бурятского народа было тесно связано с шаманством с незапамятных времен, и веками создавались разные мифы о шаманах. Говорят, что черные шаманы-хородугы Улалзар, сын его Бугдан, Махунай, Загал-Хара-Бахан и другие их родственники, т.е. все обусинские шаманы, воевали с тарасинскими шаманами, но одолеть их не смогли.

В предыдущих поколениях шаманов у бурят, по всей вероятности, проявлялись в их повседневном общении с людьми бестактность, бескультурие, грубость, недозволяемые вольности, безнравственность и самоуправство. Невидимая война между шаманами, их родами, людьми и между улусами (Обусой и Тарасой) длится до сих пор. А начало войны надо искать в нескольких предыдущих поколениях шаманов. Потому что запевалями всех дел в обществе бурятского народа в то время были именно шаманы. Причинами распрей между шаманами были: конкуренция, корысть, нажива. Каждый шаман считал себя выше всех, и потому они бесконечно враждовали между собой, рады были перегрызть друг другу горло. Вражда, невидимая война и сила ненависти еще предков к своим врагам-соперникам передается от шамана к шаману, т.е.

от поколения к поколению, по наследственной цепочке, как преемственность потомков и как наказ предков.

Плохое плохо забывается и трудно стирается из памяти людей.

Некоторые эпизоды из шаманской жизни западных бурят в начале XVIII века в улусах Обуса и Тараса

3. Из имен некоторых больших тарасинских шаманов известны только Косто-Лянга, Буин, сын его Буяшка и сын последнего Алешка.

Этот Алешка в 1865 году был специально привезен молькинским бурятом Арднеем Штопкиным в Аларь, т.к. жена Штопкина Катя была дочерью бурята куркатского улуса Запха, ушла от мужа и, не желая возвратиться к нему, жила у брата своего Зурбадая в названном улусе.

Однажды Штопкин явился к своей жене Кате в сопровождении шамана Алешки тарасинского с целью напугать ее этим страшным шаманом и увезти жену домой. В старину тарасинские и обусинские шаманы частенько вмешивались в семейные и тяжбные дела, возникающие по разным поводам между бурятами. В таких случаях по приглашению какой-нибудь стороны шаман разыгрывал роль покровителя и защитника интересов своего «клиента», запугивая противоположную сторону своим «эльбэ-жэльбэ» (магическая сила), гневом и местью и выигрывал на суде дело в пользу своего подзащитного. Тогдашний народ и даже бурятские родоначальники-судьи страшно боялись этих шаманов-адвокатов, дабы не накликать на себя их гнев и месть, и потому во всем уступали им. Шаманы выигрывали тяжбные дела, за это получали обильный «мэнзэ» (плату-гонорар), легким для себя образом наживались. На этот раз веками испытанное шаманское адвокатство шаману Алешке не помогло в Алари, когда он с мужем Кати явился в дом ее брата Зурбадая Запхаева и стал грозно требовать возврата Кати к мужу. Жена Зурбадая Намбар в ссоре сцепилась с шаманом Алешкой и с мужем Кати Штопкиным и, в конце концов, ключикой вытурила их обоих из своего дома.

Шаман Алешка, потерпев полное фиаско в улусе Куркат, приехал в улус Олзобей, где проживали Баторовы. Тогда П.П. Баторо-

ву было всего 13 лет. П.П. Баторов потом писал: «Алешка из Курката приехал в Олзобей и заехал к старосте первого хонгодорского рода Содомпилу Чайванову. Обо пьяные пришли к нам, и шаман громко спросил у меня: «Ты знаешь, кто я? Я ответил ему: «Нет!», хотя знал, кто он, и убежал к соседям, за что от матери своей получил строгий выговор».

В Алари шаман Алешка побывал еще в нескольких улусах и всюду куражился, требуя себе бесплатную подводу на проезд. В случаях, когда ему не давали конную подводу, он требовал, чтобы оглобли незапряженных саней поднимали вверх, и угрожал тем, что сумеет уехать на тех санях и без коня. Тогдашний народ не смел подать ему сани без коня, и отвозили беспрекословно его туда, куда он прикажет. В Олзобее, в доме старосты второго хонгодорского рода Халсагана Пахирова, шаман Алешка наткнулся на ламу аларского дацана Арабжи Кушенова. Этот лама предложил шаману показать ему и народу свое могущество – эльбэ-жэльбэ – то, как он поедет на санях без коня, но шаман уклонился от всяких споров, диспутов и не принял вызова ламы. С тех пор аларцы говорят, что знаменитый тарасинский шаман Алешка потерпел поражение в Куркате от бабы Намбар и в Олзобее от ламы Арабжи.

Тарасинский шаман Алешка, побывав в Ишунском улусе, был сильно недоволен хозяином одной юрты и, взяв его маленького сына за ногу, бросил его в *hibэр* – большой бак с водой, служащий холодильником при выкурке тарасуна. Ребенок чуть не захлебнулся водой до смерти и его едва откачали. Деспот настоящий.

4. Как выше было сказано, между обусинскими, тарасинскими и кудинскими шаманами шла вражда и духовная смертельная битва.

В 1925 году П.П. Баторов писал: «От нескольких человек я слышал легенду о том, что многие будто слышали свист летящей стрелы между Обусой и Тарасой, это значит, что тамошние шаманы стреляют, пуская свистящие стрелы друг в друга». Нынешние шаманы сами утверждают, что в одном и том же улусе в один и тот же день нельзя делать *хэрэг-заһал* обусинским и тарасинским шаманам, шаманским духам, чтобы избежать встречи этих враждебных духов в одном улусе, иначе жителей этого улуса ждут весьма нежелательные последствия.

Однако в шаманской практике выходит совсем иное. Напри-

мер, шаман, имеющий «удха» от обусинских хородутов, делает «хэрэг-заһал» тарасинским и кудинским шаманским духам, т.е. заклятым врагам своего духа, а шаман, посвятивший себя тарасинским или кудинским шаманским «удха», делает «хэрэг-заһал» обусинским духам. Тут невольно возникает трудноразрешимый вопрос: «Как же живой шаман осмеливается приносить жертву непримиримым врагам своего «удха» и не боится вызвать гнев своего «удха-покровителя»? И почему противоположная сторона благосклонно принимает жертвоприношения от шамана из враждебного лагеря?».

Каждый шаман после окончания обряда «хэрэг-заһал» и брызганья обращается к своему «удха» с просьбой о том, чтобы его покровители приняли бы на себя труд все сделанное им, т.е. шаманом – воззвания, призывания и жертвы – принять и затем, доделав недоделанное, дополнив недосказанное, непосредственно от себя передать по назначению. По смыслу и логике выходит так, что хородутский шаман, сделав «хэрэг-заһал» тарасинским духам, поручает своему «удха» обусинским шаманским духам, живым шаманам, устранить все недочеты и преподнести жертву своим заклятым врагам. Возникает вопрос: «Как они, эти враждебные духи, могут согласиться на такую унижительную для них роль и комбинацию?».

Опрошенные тогда П.П. Баторовым шаманы отвечали уклончиво, ссылаясь на незнание или на то, что это допускалось с древних времен и что, мол, «не нами так установлено». Тут остается только полагать, что главную роль здесь сыграла корыстная цель – нажива шаманов, т.е. получение «мэнзэ» (гонорара). Ради этого шаманы были готовы служить и своим, и чужим шаманским духам, вроде как одновременно и богам, и чертам, игнорируя их антагонизм. Шаманы считали: своя рубашка ближе телу, зачем упускать выгоду.

Они прекрасно знали, что за это с ними ничего не случится, ибо духи – это надуманное и придуманное самими же шаманами. Когда шаманам выгодно, то они духов воображают во весь рост в разных видах и формах, чтобы одурманить и напугать простой народ и заработать на этом хороший «мэнзэ».

Вообще, как передается обусинские и тарасинские шаманы

очень кичились своими духовными силами. Опираясь на эти способности, они немилосердно вымогали у народа себе подарки в виде хороших лошадей, золотых и серебряных монет и других ценностей. В старину ни одна свадьба не выступала из окрестных улусов поездом без сопровождения шамана из вышеназванных родов в качестве покровителя и охранителя всего свадебного поезда. Прием такого охранника как жениху, так и его одноулусникам обходился весьма дорого. Свадебная публика всегда шла архидачить в соседние юрты, а шаман-охранник, почтительно ведомый двумя людьми под руки, шел впереди всех. Когда шаман приближался к юрте, то ее хозяева встречали его снаружи с заженными «һан» (воскурение фимиама) в честь шамана. Тут же, на улице, ему навешивали на шею империял – русскую золотую монету, если хозяин избы был богат. Середняк ограничивался полуимпериялом, а бедняк – рублевой серебряной монетой. Все эти подношения принимались шаманом как должное и, если ему подарок казался не соответствующим его ожиданиям, то он пятился назад, отказываясь входить в юрту и даже скрежетал зубами. В таком случае хозяева удваивали или утраивали подарки и, вдоволь наклонявшись, упрашивали его войти в юрту. Мало того, что сами шаманы всячески вымогали себе подарки у населения, поборами занимались и их жены.

Вообще всюду шаманский род отличается жадностью к дармовой наживе и, кроме того, был бесстыден, безжалостен и кровожаден. Говорят, и в наше время жена кудинского шамана Матвея в пьяном виде нахально требует от населения себе подарки, а трезвой она бывает редко.

Из тарасинских шаманов буряты еще помнят шамана Шопхонка, его сына Федота. Он был исключительно честный, не наживался дармовщиной как другие его сородичи и, кажется, даже сдерживал тарасинских и обусинских шаманов от чрезмерной вольности и самодурства.

Аларский сказитель Михаил Бадашкеев рассказывал П.П. Баторову в 1923 году, что шаман «онго оруулхадаа» во время экстаза или транса, представляя некоторых духов из «Ехэ-Онгона», публично перед всем местным народом, в присутствии женщин и девиц, допускал постыдные вольности в своих словах и действиях,

не допустимые в обыденное время.

Вообще, из всего сказанного о Ехэ-Онгоне ясно видно, что у многих членов этого онгона проглядывалось безнравственное и распутное поведение. У бурят издавна существует поговорка: «Оноее һонин онгони тайлгада», т.е. роковой момент наступает при угощении Ехэ-Онгона. Смысл этой поговорки можно разъяснить так: во время созидания и угощения Ехэ-Онгона самое подходящее время для сближения молодых и холостых людей, ибо при непрерывном трехсуточном дармовом пиршестве за счет хозяина, завладевшего Ехэ-Онгоном, старики напиваются до потери сознания, а молодые ведут себя вольно, от этого происходит и распутство.

Наследие этнографа Баторова

«Чем скорее забудется всякое шаманство, тем будет лучше, ибо шаманство слишком дорого обошлось бурятскому народу: выдуманные шаманами разные хады, үбгэны, ахадуты, онгоны и т.д. поглотили несметное количество народного достояния, но кажется, в данное время близок конец шаманства. У аларских бурят очень заметно охлаждение к этой вере, хотя у них женщины еще верят шаманам, но это не продержится дальше одного поколения. Когда не будет веры, тогда не будет и шаманов. При приблизительном подсчете податей еще при существовании Степной думы Аларского ведомства в один год податей и повинностей в казну получилось около 20 тыс. рублей. А тайлганы и шаманские «хэрэг» обошлись за один год в 40 тыс. с лишним рублей, тогда в ведомстве числилось жителей около 11,7 тыс. душ обоего пола», – писал П.П. Баторов.

Дальновидный, талантливый и рассудительный П.П.Баторов еще в то время предвидел несостоятельность и недолговечность шаманизма, хотя он жил рядом с разными по достоинству шаманами, и воздух в его окружении был полностью насыщен идеями и учениями шаманов. И сам он не хуже любого шамана в шаманских делах разбирался.

П.П. Баторов интуитивно понимал, что шаманизм – сложное духовное явление, играющее важную роль в жизни бурятского народа (общества). Вместе с тем, он видел его отмирание и транс-

формацию в ходе исторического процесса и распространения у бурят, в частности, западных, буддизма и христианства. Его пророческие слова полностью подтверждаются!

Баторов в своем рукописном наследии обстоятельно показывает всем читателям настоящие лица тогдашних улусных шаманов, которые постоянно обманывали свой доверчивый народ и не плохо на этом наживались. Каждый шаман считал себя лучше всех остальных шаманов и старался подавить силу другого шамана. У шаманов всегда была бесконечная и длительная вражда между собой, затем и борьба одной деревни с другой деревней. Шаман – это колдун, знахарь, само слово «шаман» заимствовано из эвенкийского языка (шаман, саман). Для шаманизма, как религии, характерно следующее: 1) особые лица – шаманы, обычно профессионалы, обладающие способностью или умением приводить в состояние особого экстаза, крайней степени восторга;

2) Особый ритуал действий – «камлание», которое фактически сводится к искусственно вызываемому припадку и является способом «общения» шамана с «духами». При этом предполагается, что духи входят в тело шамана или же душа его отправляется в мир духов. Характерными чертами «камлания» являются приемы, доводящие самого шамана до экстаза и одновременно гипнотизирующие зрителей: пляска, пение, удары в бубен и прочее.

Култ шамана является формой мировоззрения первобытных народов, согласно которому каждая вещь имеет свой дух и душу.

Шаману в улусах испокон веков народ верил абсолютно и выполнял все его прихоти и требования неукоснительно и в срок. Но долго и терпеливо народ ждал от него, вернее, от его «сверхъестественной силы» чуда, т.е. изменений в жизни людей в лучшую сторону. Но тщетно! Нет и не происходит чудес, как говорится, по велению волшебной палочки.

Я думаю, ничего не надо выдумывать, везде и всюду надо стараться человеку самому. Недаром люди говорят: «На бога надейся, а сам не плошай».

Все в основном зависит от деятельности человека: от конкуренции на рынке, от востребованности данного товара или сырья, от умения человека реализовать свои возможности в торговле или в другой деятельности, но и от фортуны, т.е. удачи тоже.

Я думаю, человек сам себе бог, царь, целитель! Как ты себе жизнь устроил, насколько у тебя чиста совесть! Всегда надо стараться правильно жить, прислушиваться к советам старших и знающих людей, быть самокритичным, помогать людям, беречь родную природу.

Твои благородные помыслы, все хорошее, сделанное для общества, обернется тебе большим добром и здоровьем!

Дорогие друзья! Когда человеку делаешь что-то приятное не за деньги, а по-братски, по-человечески, видишь, как у него поднимается настроение, в глазах появляются радостные искорки, а иногда от глубокой радости появляются настоящие слезы. Недаром говорят: «В мире нет ничего легче, чем творить добро, и ничего труднее, чем делать то, что добром не является».

Человек без цели, без планов на будущее и без веры жить не может. И он не должен забывать свой родимый край, свои родные места, места своих предков: долины и косогоры, речки и озера, аромат трав и цветов, чистый воздух родного дремучего леса. Приезжая в родные места, следует обязательно поклониться своим предкам, заветным святым местам и сделать обряд.

Я, например, уважаю религии всех народов, если они действительно как-то помогают жить людям, так много тратящим средств и времени на эти религии. Мне кажется, что действительно оберегающими нас от всего на свете являются наши предки, в первую очередь, наши с вами самые близкие и любимые родители. Когда прикоснешься к родной земле, где ты рос и мужал, силы в тебе прибавляются, она исцеляет, она вдохновляет и очищает!

С особой признательностью относимся к научным трудам ученого П.П. Баторова, который всю свою сознательную жизнь – не много-немало 47 лет – занимался научно-творческим трудом, помимо основной своей работы чиновника на должности тайши. Он собирал материалы среди жителей улусов о культуре, быте, обычаях, традициях, верованиях бурят. Цель его – оставить будущим поколениям бурят этнографические данные, чтобы они знали, как мы жили, чем мы занимались, кому молились, чему верили и какова была роль шамана в жизни народа.

Это история бурятского народа и это бесценный научно-этнографический материал. Поставленную перед собой задачу П.П.

Баторов блестяще выполнил!

П.П. Баторов с большим удовольствием знакомился с научными трудами других ученых, тем самым расширял и углублял свой кругозор и одновременно сравнивал свои наблюдения, взгляды и выводы с таковыми других исследователей. При явнях разногласиях в изучаемых вопросах ученые бурно отстаивали каждый свою позицию, т.е. свою точку зрения до тех пор, пока не придут к общему мнению.

Например, о слове «хад» Д.А.Клеменец утверждает, что «хад» следует перевести как «царь». Но такое объяснение никак не согласуется с бурятской терминологией, считает П.П. Баторов. Он доказывает, что «хад» есть название высших духов, обитающих на земле в вершинах высоких гор и гольцов, присвоенных ими, эти духи давно были удостоены самого высокого звания в шаманской иерархии, и буряты таких духов называют «хад», т.е. «Хада-Уулын-Эзэд» или «Хада-Уулын үбгэд».

В одной из аларских легенд о возникновении «Ехэ-Онгона» говорится следующее. Небо и Земля породнились. Небо за своего сына высватало дочь Земли, а Земля за дочь потребовала в виде калыма от Неба Солнце и Луну. Небо отдало эти светила, тогда на Небе стало темно, потому что Земля заперла Солнце и Луну в ящик. Небо не смогло придумать способ возврата небесных светил обратно и послало гонца за Зарю-Заргаа, который считался таким же тэнгэри-небожителем, как и сам Эсэгэ-Малаан-Тэнгэри. Этот Заря-Заргааша был всезнающим и равного ему в знании всего на Небе не было. В легенде настоящее его имя неизвестно. Слово «Заря» происходит от слова «Зариха» – разговаривать сам с собой, судачить и т.д. «Заргааша» – значит судить чужие дела и действия, одним словом, критик М.Н. Хангалов называет его «Заря-зарга» и объясняет, что это есть «Еж». С таким объяснением П.П. Баторов согласиться не мог, т.к. еж по-бурятски называется «заря», но это слово имеет другое значение – ошетиниться, что в действительности бывает, когда еж пугается или защищается от нападения, выпуская иголки.

Обсуждаемая тема исследования считалась и считается актуальной. Подвиг, совершенный ученым во имя блага Родины и народа, всегда поддерживается людьми и является примером для

подражания молодежи. Чиновничьи заботы не отвлекали Петра Павловича Баторова от его занятий наукой и историей. Острый, пытливый ум требовал новых знаний, его увлекали вопросы этнографии. Он сотрудничал с такими видными учеными, как Г.И. Потанин, Д.А. Клеменец, Ц. Жамцарано, М.Н. Хангалов, М.Н. Богданов, И. Подгорбунский, П.П. Хороших, Н.Н. Кузьмин, Б.Э. Петри, Лаббэ и др. Кроме того, помогли ему местные рассказчики старины, т.е. простые сельские жители, без ученого звания, но с богатым жизненным опытом, много выдавшие и испытывшие белоголовые старики, они охотно делились своими знаниями с П.П. Баторовым, тем самым увековечивая и себя. Вот имена некоторых рассказчиков: Михаил Бадашкеев, Петр Николаевич Матханов, Дардай Дамбуев, В.А. Михайлов, Булгат Бухашеев, Н.Г. Оширов, Ш. Дарханов, И.Н. Баторов (племянник П.П. Баторова), Н. Шантаханов, Гавриил Пянькин, Нанзан Гармаев (лама), М. Задашкеев, Т. Онеев, Б.Д. Бартанов, И. Ханхалов, Миронов, Х. Барнушкин, Ешон Елбонов – все они из Алари; А.А. Убугунов, А.Р. Коняев, – из Бохана; Гэргэсов – из Мольки.

Большая заслуга Баторова в том, что он оставил после себя будущему поколению неоценимое рукописное наследие, в котором можно найти исчерпывающие ответы на многие вопросы по различным темам и направлениям науки.

Петр Павлович Баторов – видный бурятский этнограф, активный сотрудник ВСОРГО, один из создателей бурятского отдела Иркутского краеведческого музея, собиратель материалов по истории, верованию, фольклору, языку бурят. Он был большим знатком, собирателем и аналитиком бурятской старины. Уникальность материалов, записанных им в 1880–1927 годы, объясняется тем, что они сделаны в то время, когда эти явления еще имели место в жизни бурят. Петр Павлович был широко эрудированным человеком-самородком, гуманитарного склада ума, с прогрессивными взглядами, творчески мыслящим, предприимчивым и находчивым.

Петр Павлович Баторов был отцом известных пятерых интеллигентных и хорошо воспитанных дочерей: Евгении Бидановой, Елизаветы Манзановой, Валентины Вампиловой, Марии Трубачевой и Александры Барбаевой. Мария Трубачеева – супруга первого Министра здравоохранения Бурятской АССР А.Т. Трубачеева.

«Гордиться славою своих предков не только можно, но и нужно. Не уважать оное есть постыдное малодушие», – сказал кто-то из великих.

Проходят годы, столетия. Меняются поколения. Сквозь туманную даль веков, сквозь завесу времени пробивается яркий свет ярких личностей, давно ушедших в прошлое. Петр Павлович Баторов был одним из этих легендарных личностей, обладавшим большими познаниями, славившимся далеко за пределами своего округа провидческими и чудодейственными способностями, был известен как тайша, ученый, исследователь.

«Я не знаю, в чем очарование мест, связанных с памятью замечательных людей. Но он бесспорно. В нем соединяются гордость за силу человеческого духа, пение стихов, доносящихся как бы из глубокой человеческой дали, ясное ощущение, что время теряет свою разрушительную силу, что забвения нет...».

Таким был замечательный сын Аларской степи, уроженец местности Улзэтэ Петр Павлович Баторов.

Библиографический список

1. Новик Е.С. «Обряд и фольклор в сибирском шаманизме». – М.: Вост. литература, 2004.
2. Токарев С.А. «Шаманизм» в книге «Ранние формы религии». – М.: Политиздат, 1990.
3. Торчинов Е.А. Шаманизм // Религии мира: опыт запредельного. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – С. 115–150.
4. Хаккарайнен М.В. Трансформация традиционного знания: шаманизм без шаманов // Смыслы мифа: мифология в истории и культуре. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С. 116–121.
5. Басилов В.Н. Шаманство как ранняя форма мистицизма // Вопросы научного атеизма. Вып. 33. – М., 1989. – С. 94–108.
6. Галданова Г.Р. Бурятский шаманизм: прошлое и настоящее // Сибирь : этносы и культура (традиционная культуры бурят). – Москва – Улан-Удэ, 1988.
7. Зомонов М.Д., Манжигеев И.А. Словарь бурятского шаманизма. – Улан-Удэ, Буряад Унэн, 1998.
8. Зомонов М.Д. Концепты шаманизма: семитико-компаративистский подход // Диалог философских культур и становление трансверсальной философии. – СПб.: С-П философское общество, 2010. – С. 187–192.
9. Ксенофонов Г.В. Шаманизм: Избр. труды. – Якутск, 1992.
10. Стивенс Д. Секреты шаманизма. – М.: Киев, Софи, 2001.
11. Шаманизм и ранние религиозные представления / Отв. редактор А. Функ. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН.
12. Шаманизм народов Сибири. Этнографические материалы 13–20 вв. – СПб.: СПбГУ, 2006.
13. Бородай Ю.М. Воображения и теория познания. – М., 1996.
14. Баркин-Блит М., Петровский А. Фантазия и реальность. – М., 1986.
15. Натадзе Р.Г. Воображение как фактор поведения. – Тб., 1972.
16. Розет И.М. Психология фанатизма. – Минск, 1977.
17. Коршунова А.С. Воображение и его роль в познании. – М., 1979.
18. Словарь иностранных слов, 1955. – С. 601.
19. Белов Н.В. Шаманизм. – 1999. – С. 1–25.
20. Гергенов М.Н. Петр Баторов – тайша, ученый, исследователь. – Улан-Удэ, 2007. – С. 8–22.
21. Баторов П.П. Записи по шаманизму. Фонд П.П. Баторова / РОИМ-БИ ТСО РАН // Материалы о бурятских традициях и обычаях. – Улан-Удэ, 1927.
22. Баторов П.П. Записи по шаманизму. Фонд Баторова в БНЦ. – Улан-Удэ, 1925.
23. Хангалов М.Н. Новые материалы о шаманстве бурят. – Иркутск,

1890. – С. 190.

24. Банзаров Д. Черная вера или шаманство у монголов, 1848.

25. Хангалов М.Н. Собрание сочинений. Новые материалы по шаманству у бурят. – Т.1. – Улан-Удэ, 1958. – С. 443–551.

26. Хангалов М.Н. Собрание сочинений. Новые материалы по шаманству у бурят. – Т.2. – Улан-Удэ, 1958.

27. Хангалов М.Н. Актуальные проблемы востоковедения. – Улан-Удэ, 2001.

28. Чимитдоржиев Ш.Б. Кто мы – Бурят-монголы?. – Улан-Удэ, 1991. – С. 5–7.

29. Балдаев С.П. Родословные предания и легенды у бурят. – Улан-Удэ, 1970. – С. 336.

30. Михайлов Т.М. Этническая характеристика шаманского пантеона бурят. – Улан-Удэ, 1980. – С. 70; 312, 266–268.

31. Хуурай бөө – Сухой шаман.

32. Манжилай – пить чай и подкрепиться.

33. Белов Н.В. Высшая школа колдовства, 1999. – С. 224.

34. Михайлов Т.М. Бурятский шаманизм: история, структура, социальные функции. – 1987. – С. 100–102.

35. Ыбгэд – старейшины, почитаемые в улусах люди.

36. Найжа – гений-хранитель.

37. Хангалов М.Н. Шэдитэй бөө – шаманы-фокусники, 1958. – С. 179.

38. Элиаде М. 1998. – С. 147.

39. Галданова Г.Р. Бурятский шаманизм: прошлое и настоящее. – Улан-Удэ, 1987. – С. 110.

40. Зимин Ж.А. История Аларского района, 1955. – С. 56.

41. Агапитов и Хангалов. Известия Восточной Сибири. – Орго, 1983. – С. 33–34.

42. Подгорбунский Н. Шаманские верования монголов и бурят. – Иркутск, 1985. – С. 80.

43. Балдаев С.П. Избранное. – Улан-Удэ, 1961.

44. Петри Б.Э. Далекое прошлое Прибайкалья. – Иркутск, 1928.

45. Манжигиев И.Н. Бурятские шаманские и дошаманские термины. – М.: Наука, 1978. – С. 125.

46. Петри Б.Э. Элементы родовой связи и северных бурят. – Иркутск, 1924.

47. Дугаров Д.С. Круговой хороводный танец в Европе и Азии. Традиционный фольклор в полиэтнических странах. – Улан-Удэ, 1988. – С. 103–107.

48. Галданова Г.Р. Бурятский шаманизм: прошлое и настоящее / Этнос и культуры. – Улан-Удэ, 1988. – С. 5–47.

49. Михайлов Т.М. Юго-Восточная Сибирь в отношениях с Центральной Азией в 13-17 вв. – Улан-Удэ. – С. 10.
50. Алексеева Н.А. Традиционные религиозные верования якутов в 19-20 вв. – Новосибирск: Наука, 1975. – С. 199.
51. Егунов Н.П. Прибайкалье в древности, проблема бурятского наука. – Улан-Удэ, 1984. – С. 286.
52. Баторов П.П. Культ орла у северобайкальских бурят. Бурятиведение. – Улан-Удэ, 1927. – С. 79–81.
53. Басилов В.Н. Избранники духов. – М., 1984. – С. 204.
54. Окладников А.П. История и культура Бурятии: Сборник статей. – Улан-Удэ, 1976.
55. Михайлов Т.М. Бурятский шаманизм. – Новосибирск: Наука, 1987, 1988.
56. Алексеев Н.А. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири, 1929.
57. Баяртуев Б.Д. Предыстория литературы бурят-монголов. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. – С. 211.
58. Дугаров Д.Н. Исторические корни белого шаманства, 1991. – С. 298.
59. Бурятские летописи: Улан-Удэ, 1995. – С. 197.
60. Дырхеев П.С. Очерки истории верхоленских бурят, 2005. – С. 272.
61. Мифология Бурятии. Энциклопедический словарь. – М., 1998. – С. 736.
62. Белов Н.В. Посвящение в шаманы, 1999. – С. 5–7.
63. Белов Н.В. Пути к экстазу, 1999. – С. 89–92.
64. Белов Н.В. Ритуал излечения. Путешествие в другую реальность, 1999, Ритуал. – С. 12–21.
65. Жуковская Н.Л. Судьба кочевой культуры. Рассказы о Монголии и монголах, 1990. – С. 112.
66. Зоригтуев Б.Р. Прибайкалье в середине 11-13 вв. – Улан-Удэ
67. Банзаров Доржи. Собрание сочинений. 2-е изд. – Улан-Удэ, 1997.
68. Манзаров Г.Е. Религиозные традиции ценностных ориентаций бурятской молодежи. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. – С. 130.
69. Язычество Древней Руси. – М., 1987.
70. Белов Н.В. Шаманизм. Личная жизнь и буянхишиг. – С. 62–64.
71. Шагланова О.А. Современная ситуация шаманской традиции бурят Тункинской долины. Историко-культурное наследие Северной Азии: истоки и первопричины изучения на рубеже тысячелетия. – Барнаул, 2001. – С. 53–55.
72. Шагланова О.А. Представление о душе в шаманской практике Тункинских бурят. Молодая археология и этнография Сибири. – Чита, 1999.
73. Шаглаева О.А. Общесельский летний тайлган у тункинских бурят.

Мир Центральной Азии. – Улан-Удэ, 2002. – С. 217–223.

74. Шагланова О.А. Культ обоо в традиционной культуре бурят. Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем. – Томск, 2003. – С. 406–407.

75. Болхосоев С.Б. Культ монгол-бурханов у западных бурят по материалам полевых исследований. Культура народов Сибири. – СПб., 1997. – С. 175–179.

76. Болхосоев С.Б. Обряд жертвоприношения «Дархаа тайха»: Тайлаган духам-покровителям рода кузнецов «Дархан удха» / небесное кузнечное происхождение/ Культура народов Сибири. – СПб.: 2000. – С. 41–45.

77. Болхосоев С.Б. Небесный корень /нэрьер удха/ белого шамана // Материалы III международного научного симпозиума. – Улан-Удэ, 2001. – С. 169–176.

78. Баторов П.П. Записи по шаманизму. Фонд Баторова РО ИМБиг СО РАН. – Улан-Удэ, 1927.

79. Баторов П.П. Материалы о бурятских обычаях, ХВР ИМБигТТ. – Ф. 14, дело 2.

80. Скрыпникова Т.Д. Белый шаман в центрально-азиатской традиции. Этническая культура: история и современность. – М.: У-У., 2002. – С. 92–107.

81. Ислам. Энциклопедический словарь. Главная редакция восточной литературы. – М., 2000. – С. 312.

82. Дандарон Б.Д. Мысли буддиста. Черная тетрадь «О четырех благородных истинах Будды. – СПб.: Алатай, 1997. – С. 246.

83. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – М., 2001. – С. 505.

84. Галданова Г.Р. Доламаистские верования бурят. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 154.

85. Шагланова О.А. Сакральное значение числа девять в традиционной культуре бурят. – Омск, 2003. – С. 124–125.

86. Данилов С.В. «К вопросу о северных границах Монгольской империи». – Улан-Удэ, 2003.

87. Данилов С.В. Этносоциальные общности Восточной Сибири. – Улан-Удэ, 2001.

88. Барт Ю. Магические практики шаманизма в современном мире. – М.: Эксмо, 2008. – С. 256.

89. Болхосоев С.Б. Термины и личные имена героев эпоса «Гэсэр». – Улан-Удэ, 1994.

90. Болхосоев С.Б. Культура: история и современность глазами со стороны. – Улан-Удэ, 1996.

91. Шагланова О.А. Представление о душе в бурятской шаманской традиции. – М., 2002.

92. Шагланова О.А. Оряд «Юумэ Үргэхэ» у бурят тункинской долины.» Улан-Удэ 2000г.

93. Шагланова О.А. Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. – Улан-Удэ, 2003.

94. Бурькин А. Шаманы – те, кому служат духи. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2007. – 283 с.

95. Окладников А.П. История и культура Бурятии. Сборник статей. – Улан-Удэ, 1976.

Статьи в журналах и газетах

1. Гergenов М.Н. Шаманизм у западных бурят газета «Буряад Үнэн» 2004. – С. 2–4.

2. Интервью с президентом Международной организации по изучению шаманизма проф. Михаем Хоппалом (24 июля 2007г.)

3. Материалы V конгресса этнографов и антропологов России.

4. Альманах школы молодого автора «Евразийское пространство глазами молодых». – 2002. – С. 258–267.

5. Материалы международного научного симпозиума, состоявшегося 28 июля 1998 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
Введение	4
ГЛАВА 1. Шаманизм у бурят Предбайкалья (XIX – XX вв.) ..	15
1.1. Шаманизм у бурят Усть-Ордынского национального округа Иркутской области	15
1.2. Уг, узуур и удха – наследственность	19
1.3. Классификация шаманов	22
1.4. Из устного предания аларских бурят о происхождении шаманского рода хородут	29
Переселение шаманов Улалзара и Махуная из Обусы	30
Легенда об испытании шамана Махуная	37
Борьба тарасинских и обусинских шаманов	39
Шаман Улалзар Дайбагаров	45
Из материалов Восточно-Сибирского отделения географического общества о шаманах рода хородут	47
1.5. О тарасинских шаманах	53
Шаманская присяга	58
Краткие выводы к главе I	62
ГЛАВА 2.	64
2.1. О шаманящем хором сборище	64
2.2. Ехэ-онгон	67
Некоторые названия онгонов	83
Поучение шаманов	91
По толкованию шаманов	92
2.3. Ритуал исцеления (шаманское врачевание)	95
Һүнэнһэн-һүлдэ – дух-миф	103
Юрта и священный круг	103
Личная сила и буян хэшэг	105
Легенда о шаманской пещере на острове Ольхон	107
Краткие выводы к главе 2	108
ГЛАВА 3	109
3.1. Онгон Анда-Бар	109
Откуда мы знаем о прошлом	117
3.2. Хорин хоер заяан, дуулаашан, заяашан залаатан, найгуурдай .	119
О родоначальнике Шошоолоков	123

Зло и добро	126
О слове «хад»	127
Сказание аларских бурят о хадах	129
Калым в старину	132
Кудинские шаманы и тайлганы	133
Краткие выводы к главе 3	135
ГЛАВА IV	137
4.1. Шаманизм у народов Индонезии	137
4.2. Шаманизм в Сибири	137
4.3. Шаманизм у арабских кочевников	137
4.4. Шаманизм в Лапландии	138
4.5. Сукор-ноен (аларское предание)	141
4.6. Природа все решает	151
Заключение.	156
Наследие этнографа Баторова	162
Библиографический список	168

Научное издание

Гергенов Митрофан Николаевич

**ШАМАНИЗМ У БУРЯТ ПРЕДБАЙКАЛЬЯ
(XIX –XX вв.)**

Монография

В авторской редакции

Подписано в печать Бумага офс. №1. Формат 60х84/16.
Усл. печ. л. 10,2. Тираж 100. Заказ № 819.
Цена договорная.

Издательство ФГОУ ВПО «Бурятская государственная
сельскохозяйственная академия им. В. Р. Филиппова»
670034, г. Улан-Удэ, ул. Пушкина, 8
e-mail: rio_bgsha@mail.ru